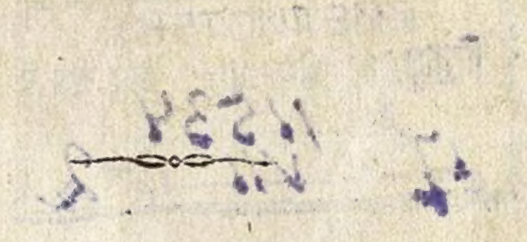
ИЗЪ
ПАМЯТНЫХЪ ЗАПИСОКЪ

ГРАФА

ПАВЛА ХРИСТОФОРОВИЧА ГРАББЕ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.
1873.

*

Слѣды нашей жизни и предметовъ, впечатлѣніе на насъ оставившихъ, такъ быстро изглаживаются, что часы досуга, употребленные на переданіе нашихъ впечатлѣній бумагѣ, менѣе непрочной нежели память, нельзя назвать часами потерянными. Если ни важность происшествій, ни образъ взгляда на нихъ, ни самый способъ изложенія, не сдѣлаютъ эти записки достойными любопытства людей постороннихъ, для которыхъ онѣ вовсе и не назначены, то для меня довольно уже одной мысли, что если нѣкогда попадутъ онѣ въ руки дѣтей моихъ, (еще теперь малолѣтнихъ), то оживятъ въ нихъ память объ ихъ родителѣ, познакомятъ ихъ нѣсколько съ его жизнію и могутъ для нихъ быть даже полезными. И такъ, безъ всякаго по-

рядка, отдаюсь на волю памяти, управляемой одною любовію къ истинѣ, какъ она мнѣ представляется и начну вовсе случайно съ поѣздки и трехъ недѣль пребыванія въ 1834-мъ году въ Январѣ въ Петербургѣ.

Какъ недавно и какъ уже мутно! Взъѣхалъ прямо къ старому пріятелю съ первой молодости, Викторову: мало, къ искреннему другу, въ важныхъ случаяхъ моей жизни доказавшему рѣдкую между людьми и во всѣ времена преданность. Онъ одинъ остался мнѣ изъ *немногихъ*, Провидѣніемъ дарованныхъ на мою долю, для пособія въ борьбѣ съ трудами жизни. Глубокая благодарность Небу за рѣдкое счастіе говорить, какъ я говорю, о другѣ и еще о *немногихъ!* Но это столькоже истинно, сколько и рѣдко. Не вознагражденіе ли это за тѣсное поприще, мною пройденное, обманувшее первый дальній, жаркій взглядъ мой на все его, (уже недоступное для меня), остальное пространство?

Пріятно, проѣхавъ зимой, по ужаснымъ ухабамъ, тысячу съ сотнями верстъ, пріѣхать въ домъ, въ которомъ

чувствуешь себя, съ первой минуты, совершенно дома. Это было первое пріятное ощущеніе въ Петербургѣ. Государя не было: онъ былъ въ Кронштадтѣ. Цѣлый день свободный отъ представленій! Первый пріѣхалъ ко мнѣ толстый Шиллингъ - фонъ - Канштадтъ, извѣстный своимъ путешествіе́мъ въ Китай и нѣкоторыми изобрѣтеніями, ожидающими примѣненія, между прочими гальваническій телеграфъ и приводъ для взрыва минъ. Онъ повезъ меня на вечеръ къ Н. И. Гречу. Тамъ встрѣтилъ я многихъ извѣстныхъ литераторовъ: Сеньковскаго, Башуцкаго, Кукольника; видѣлъ домашній театръ. Все вмѣстѣ оставило какое-то несвязное впечатлѣніе.

На третій день представился Государю. Пріѣхалъ въ часъ пополудни по приказанію. Камердинеръ сказалъ мнѣ, что Государь уже спрашивалъ. Позванный въ кабинетъ, нашелъ Государя одного. Величественное и прекрасное лице его показалось мнѣ блѣдно и разстроено. Послѣ милостиваго привѣтствія, разговоръ принялъ почти внезапно оборотъ для меня затрудни-

тельный. Государь, разбирая причины разстройства 1-й драгунской дивизіи, упомянулъ въ весьма строгихъ выраженіяхъ о бывшемъ ея начальникѣ Г. А. Загряжскомъ, при которомъ дивизія была, напротивъ, въ отличномъ состояніи. Увлеченный чувствомъ справедливости и признательности за благородное и полное достоинство поведеніе сего генерала противъ меня (когда въ трудное время моей жизни я посланъ былъ къ нему, извѣстному тогда врагу моему, въ одинъ изъ полковъ его дивизіи) я отвѣчалъ Государю, что, служивъ подъ начальствомъ этого генерала, я долженъ сказать, что характеръ его командованія былъ твердый, благородный, успѣшный и что дивизія упала послѣ него. Быстрый взглядъ окинулъ меня, однако безъ гнѣва. Прошедши нѣсколько разъ въ молчаніи по кабинету: „Такъ ты почитаешь его хорошимъ военнымъ человѣкомъ?“ „Нѣтъ, Государь, но однимъ изъ лучшихъ организаторовъ по своей твердости, знанію и дѣятельности“. Отвѣтъ казался Государю непротивнымъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ сей гене-

ралъ, отставленный безъ прошенія и съ однимъ пенсіономъ, получилъ аренду. У другаго взяли дивизію.....

Графа А. Ѳ. Орлова засталъ одного. Разговоръ сдѣлался скоро занимателенъ и довѣрчивъ. Онъ былъ посланъ въ 1829-мъ году, по занятіи Адріанополя, вмѣстѣ съ графомъ Ѳедоромъ Петровичемъ Паленомъ, для переговоровъ о мирѣ и былъ всегда въ пріязненныхъ сношеніяхъ съ графомъ Иваномъ Ивановичемъ Дибичемъ, тогда уже Забалканскимъ. Пребываніе вмѣстѣ съ нимъ въ Эски-Сараѣ, лестныя награды, благодарные отзывы Государя къ побѣдителю, которыхъ графъ Орловъ былъ ловкимъ передателемъ и органомъ, еще болѣе ихъ сблизили. По счастливомъ окончаніи переговоровъ (нерѣдко колебавшихся) и по полученіи отъ султана ратификаціи, графъ Орловъ, которому поручено было ѣхать чрезвычайнымъ посломъ въ Константинополь, пришелъ проститься съ Забалканскимъ. Онъ засталъ его одного. Поздравивъ его еще разъ съ безсмертнымъ окончаніемъ такой войны, онъ благодарилъ графа Дибича за всю ле-

стную пріязнь, которою онъ удостоивалъ его во время безотлучнаго пребыванія его при его особѣ. Главнокомандующій отвѣчалъ ему съ чувствомъ, сколько ему пріятно было, что графу Орлову именно поручено было дѣло заключенія мира; что это время, проведенное вмѣстѣ и въ обстоятельствахъ столь важныхъ, утвердило еще болѣе то уваженіе и пріязнь, которыя онъ всегда питалъ къ нему. Графъ Орловъ, увлеченный всегдашними своими, близкими къ генералу Дибичу, отношеніями и искреннею признательностью, въ порывѣ чувствительности, прибавилъ, что если когда либо главнокомандующему, въ его дальнѣйшихъ отношеніяхъ ко двору, случится надобность въ человѣкѣ, совершенно ему преданномъ, то положился бы на него. При этихъ словахъ гр. Дибичъ всталъ и, обратившись съ торжественнымъ видомъ къ графу Орлову, отвѣчалъ ему: „Графъ Алексѣй Ѳедоровичъ! Теперь кромѣ Бога и Государя я не могу искать другаго покровителя“. Смущенный такимъ неожиданнымъ и незаслуженнымъ отвѣтомъ, графъ Ор-

ловъ кротко возразилъ: „Какъ бы ни высоко поставило кого Провидѣніе, преданность признательнаго человѣка никогда отвергать не должно“. Такъ мы разстались, кончилъ графъ Орловъ, и не позже какъ въ 1831-мъ году, я былъ присланъ къ нему же въ Пултускъ съ порученіями Государя и (какъ вамъ извѣстно) засталъ этого, такъ недавно превознесеннаго успѣхомъ, побѣдителя въ глубокомъ унынiи отъ неудачнаго хода войны въ Польшѣ, имъ же самимъ выставленной шуточною, простою экспедиціею, недовольнаго собою, своимъ окруженіемъ и почти жалости достойнаго. Чрезъ нѣсколько дней онъ умеръ отъ холеры, вѣроятнѣе отъ совершеннаго упадка физическихъ и особливо нравственныхъ силъ. Примѣчательная страница въ исторіи гордости и судьбы человѣческой!

Въ Англійскомъ клубѣ за обѣдомъ увидѣлъ я въ первый разъ Крылова. Портреты его довольно похожи. Послѣ первыхъ двухъ блюдъ, онъ, по всегдашнему обыкновенію своему, всталъ изъ стола и вышелъ. Тутъ было

въ этотъ день нѣсколько государственныхъ людей, любящихъ отдыхать въ клубѣ отъ настоящихъ или мнимыхъ своихъ занятій; но ни одинъ меня уже не занималъ: безсмертнаго между ними не было. Вышедши послѣ стола въ гостиную, я опять увидѣлъ Крылова, спокойно дремлющаго въ углу дивана, возлѣ камина. Всѣ почтительно проходили, стараясь не тревожить его; нѣкоторые осторожно сѣли на стулья, передъ огнемъ и тихо разговаривали. Онъ скоро открылъ глаза, и я съ нимъ, еще полусоннымъ, познакомился. Разговоръ, голосъ и выраженіе его лица пріятны. Этотъ день я счелъ непотеряннымъ.

Дня черезъ два потомъ, сидя въ Демутовомъ домѣ, у Н. Н. Раевскаго, я изъявилъ сожалѣніе, что не зналъ еще лично Пушкина. Онъ жилъ не подалеку. Раевскій послалъ его просить и, къ живому удовольствію моему, Пушкинъ пришелъ. Мы обѣдали и провели нѣсколько часовъ втроемъ. 12-й годъ былъ главнымъ предметомъ разговора. Къ досадѣ моей, Пушкинъ часто сбивался на Французскій языкъ, а мнѣ

нужно было его чистое, поэтическое Русское слово. Русской плавной, свободной рѣчи отъ него я что-то не припомню; онъ какъ будто самъ въ себя вслушивался. Вообще, пылкаго, вдохновеннаго Пушкина уже не было. Какая-то грусть лежала на лицѣ его. Онъ занятъ былъ въ то время исторіею Пугачева и Стеньки Разина; послѣднимъ, казалось мнѣ, болѣе. Онъ принесъ даже съ собою брошюрку на Французскомъ языкѣ, переведенную съ Англійскаго и изданную въ тѣ времена однимъ капитаномъ Англійской службы, который по взятіи Разинымъ Астрахани представлялся къ нему и потомъ былъ очевидцемъ казни его. Описаніе войска (ибо по многочисленности его шайкою назвать нельзя), обогащеннаго грабежемъ Персидскихъ сѣверныхъ областей, любопытно; также праздника, даннаго Разинымъ на Волгѣ, гдѣ онъ, стоя на своей лодкѣ, произнесъ къ этой первой изъ Русскихъ рѣкъ благодарственное воззваніе, приписывая ей главные свои успѣхи и обвиняя себя, что ничего достойнаго не принесъ еще ей въ жертву. При

этихъ словахъ, къ удивленію и ужасу всѣхъ присутствовавшихъ, онъ схватилъ прекрасную плѣнную Черкешенку, любовницу свою, покрытую драгоцѣнными уборами и сбросилъ въ Волгу. Въ этомъ обращеніи разбойника къ Волгѣ много дикой поэзіи и, переложенное въ Пушкинскіе стихи съ описаніемъ происшествія, оно могло бы быть очень занимательно. Скоро потомъ Пушкинъ издалъ исторію Пугачева, трудъ почти потерянный и далеко отставшій отъ ожиданій общихъ, возбужденныхъ любопытствомъ читать первую прозу поэта.—Пробужденіемъ Пушкина были въ нынѣшнемъ году стихи *Полководецъ*, въ которыхъ онъ отыскался весь, со всѣмъ своимъ высокимъ дарованіемъ. Стихи превосходные, не смотря на несправедливую строку:

Все въ жертву ты принесъ землѣ тебѣ *чужой*.

несправедливую противъ Барклая-де-Толли и всѣхъ его соотчичей, купившихъ усердіемъ и кровію въ про-

долженіе слишкомъ столѣтія полное право называться Русскими.

Вотъ какъ мнѣ случилось видѣться съ Пушкинымъ и Крыловымъ. Второй пріѣзжалъ ко мнѣ, первый у меня обѣдалъ. Неранѣе какъ черезъ два года, въ Бѣлгородѣ, я вспомнилъ, что не былъ ни у того, ни у другаго съ визитомъ. Самъ пораженный этой странностью и отыскивая тому причины, я не открылъ другой, кромѣ привычки смотрѣть на обоихъ, какъ на историческія лица, противъ которыхъ соблюденіе общественныхъ приличій не приходило мнѣ и въ голову.

Государь приказалъ мнѣ съѣздить посмотрѣть конно - гренадерскій и гвардіи уланскій полки. Первая поѣздка въ Ораніенбаумъ изгладилась почти совершенно изъ моей памяти. Помню только смѣшную фигуру ген. адъют. К., тогда начальника штаба арміи, привезшаго въ нашъ многочисленный кругъ мужчинъ съ трубками и свою жену, чтобы обѣдать съ нами и составить для нея партію въ вистъ.— Вторая поѣздка туда же и въ Павловскъ была для меня гораздо замѣчательнѣе.

Великій Князь Михаилъ Павловичъ пріѣхалъ самъ. Я нашелъ комнаты въ его дворцѣ. Въ 17-ть град. морозу, при сильномъ вѣтрѣ, онъ сдѣлалъ смотръ образцовому полку. Сейчасъ послѣ смотра, онъ приказалъ мнѣ ѣхать за собой и повезъ въ Царское Село, Александровскій корпусъ и Лицей. Это все я видѣлъ въ первый разъ, и этого было вдругъ слишкомъ много. Въ Лицеѣ я ничего не помню. Александровскій корпусъ, по удобству помѣщенія, по чрезвычайной опрятности, по тону надзирательницъ, по особенному устройству всегдашняго (денно и нощно) надзора, по здоровому, счастливому виду 300-тъ дѣтей и по откровенной смѣлости ихъ обращенія съ Великимъ Княземъ, показался мнѣ заведеніемъ превосходнымъ. Всѣ безъ изъятія дѣти походили на дѣтей одного хорошаго семейства. Воспоминанія, оставленныя во мнѣ истинно - царскимъ Царскосельскимъ дворцемъ, смѣшаны. Общая стройность въ великолѣпіи, янтарная зала, агатная комната, превосходные паркеты, терраса, съ которой видъ лѣтомъ долженъ быть изящный, гипсо-

вые слѣпки съ лица Петра Великаго и Карла XII, спальня императора Александра, въ которой всѣ вещи остались, какъ были при его послѣднемъ выѣздѣ въ роковой Таганрогъ. Какое-то покрывало грусти, казалось, лежало на всемъ этомъ опустѣломъ великолѣпіи, гдѣ гремѣли такія торжества, гдѣ жили такія глубокія думы, гдѣ смолкли такія душевныя страданія, которыхъ свидѣтелемъ и утѣшителемъ могло быть одно Небо, одно выше вѣнценосцевъ. Это чувство грусти при обходѣ пустаго дворца, казалось, подѣйствовало и на Великаго Князя. Онъ сказалъ тихо, что не видитъ ни одной комнаты, которая въ исторіи дворца не напомнила бы ему чего нибудь печальнаго. Совсѣмъ въ иномъ видѣ должны эти мѣста являться лѣтомъ, въ присутствіи Государя. Теперь деревья стояли голыя и черныя, земля подъ снѣгомъ, превосходнаго сада не видно. Все это было осмотрѣно много, если въ три часа времени и осталось какъ волшебный сонъ, какъ смутное воспоминаніе изъ чудныхъ сказокъ тысячи одной ночи. Обѣдъ въ Павловскѣ у Его Высо-

чества заключилъ этотъ слишкомъ богатый впечатлѣніями день.

Гораздо явственнѣе подымается передо мной царская мыза (cottage), въ первую поѣздку осмотрѣнная, къ сожалѣнію, тоже среди снѣжной пустыни, вмѣсто прелестнаго сада и видовъ, если бы лѣтомъ. Но слѣды тѣсной семейной жизни Государя, эти двѣ дѣтскія кроватки въ одной комнаткѣ, кабинетъ, спальня Императрицы, все это такъ близко, такъ вмѣстѣ; этотъ вкусъ, какъ бы отдыхающій отъ пышности и во всемъ проглядывающій; нѣсколько картинъ, изображающихъ сцены изъ послѣдней Турецкой и Польской войны; въ верху кабинетъ Государя съ телескопомъ, въ который онъ обозрѣваетъ свое подвластное море, Кронштадтомъ и всегда бодрствующимъ флотомъ загражденное; все это вмѣстѣ производитъ впечатлѣніе какого - то кроткаго величія, для души умилительное.

Пріемъ князя Меншикова былъ пріязненный. Всѣ формы нашихъ въ молодости отношеній были соблюдены. Мы усѣлись въ прекрасномъ его каби-

нетѣ, на креслахъ, одинъ противъ другаго, глазъ къ глазу, закуривъ сигарки; разговоръ не прерывался и казался занимателенъ. Но сейчасъ по отъѣздѣ моемъ, еще въ каретѣ, искавъ припомнить, о чемъ мы разговаривали, я не нашелъ въ памяти моей ни малѣйшаго слѣда ни одного предмета. Какъ легкая морщинка на водѣ, все, слегка тронутое, тутъ же изглаживалось. Вотъ все что̀ могу припомнить объ этой дипломатически - дружеской бесѣдѣ.

А. И. Нейгардта засталъ я въ Главномъ Штабѣ. Когда я поздравилъ его съ видомъ здоровымъ, послѣ утомительныхъ трудовъ минувшей Польской кампаніи, въ которой онъ занималъ должность генералъ-квартирмейстера весьма дѣятельно, онъ живо прервалъ меня увѣреніемъ, что труды далеко не столько мучили и изнуряли его, какъ непріятное его отношеніе къ главнокомандующему, съ которымъ, почти съ начала кампаніи, онъ былъ противнаго мнѣнія на счетъ почти всѣхъ военныхъ его соображеній. Это, быть можетъ, истина; но здѣсь сказана была въ оправданіе: онъ полагалъ, что въ арміи никому не было

извѣстно о разногласіи между первыми лицами главной квартиры. Но это угадать было не трудно. А. И. Нейгардтъ велъ себя наружно съ осторожностію, подражанія достойною.

Наконецъ видѣлъ Фенеллу. Вотъ оставленныя этой оперой впечатлѣнія: музыка упоительная, Новицкая въ роли Нѣмой прелестна. Голландъ хорошій актеръ, но пѣвецъ, по слабости голоса, только сначала пріятный. Пѣвицы нѣтъ; м-мъ Флори (если только не ошибаюсь въ имени) весьма посредственна. Оркестръ и декораціи хороши. Все вмѣстѣ далеко не оправдало моего ожиданія, кромѣ высокаго достоинства самой музыки. Театръ въ Эрмитажѣ блистателенъ по эффекту, который производятъ сами зрители, по красотѣ женщинъ и богатству ихъ нарядовъ. Помню, что давали „Сыновей Эдуарда“ Французскіе актеры.

Общія впечатлѣнія: вѣчно-бѣлое или свинцовое небо, снѣжная пыль, чувство проницательнаго холода на воздухѣ, неумѣреннаго тепла въ домахъ,

утомленіе и разсѣянность на лицахъ, наконецъ позывъ домой, на югъ, на отдыхъ, къ семьѣ, къ правильнымъ занятіямъ своего мѣста и кабинета.

На возвратномъ пути изъ Москвы, заѣхалъ я къ Алексѣю Петровичу Ермолову въ деревню. Въ молодости моей я былъ первымъ его адъютантомъ, и совершенно-отеческое его обращеніе со мною оставило во мнѣ сыновнюю къ нему привязанность. Я не видалъ его девятнадцать лѣтъ. Мы разстались въ 1815-мъ году, когда я получилъ конно-артиллерійскую роту. Онъ отправился тогда главнокомандующимъ на Кавказъ и посломъ въ Персію. Взоры цѣлой Россіи обратились туда. Все что̀ излетало изъ устъ его, стекало съ быстраго и рѣзкаго пера его, повторялось и списывалось во всѣхъ концахъ Россіи. Никто въ Россіи въ то время не обращалъ на себя такого общаго и сильнаго вниманія. Рѣдкому изъ людей достался отъ Неба въ удѣлъ такой даръ поражать, какъ массы, такъ и отдѣльно всякаго, наружнымъ видомъ и силою слова. Пре-

данность, которую онъ внушалъ, была безпредѣльна. Теперь я нашелъ старика, бѣлаго какъ лунь; огромная голова, покрытая густою сѣдиною, вросла въ широкія плечи. Лицо здоровое, нѣсколько огрубѣвшее, маленькіе глаза, сѣрые, блистали въ глубокихъ впадинахъ, и огромная, навсегда утвердившаяся морщина спустилась съ сильнаго чела надъ всѣмъ протяженіемъ торчащихъ сѣдыхъ его бровей. Типъ Русскаго геніальнаго старика. Нечего бояться такой старости. Отъ 9-ти часовъ вечера до 5-ти утра мы не вставали со стульевъ, забывъ сонъ и усталость. Я не могъ насытить ни глазъ, ни слуха, всматриваясь и вслушиваясь въ него. Какое несчастное стеченіе обстоятельствъ могло сбить со всѣхъ путей служенія Отечеству такого человѣка, при такомъ Государѣ! Онъ надѣлалъ ошибокъ: не сомнѣваюсь въ этомъ. Развѣ это мѣрило такого дарованія? — Между прочими предметами разговора мнѣ случилось ему сказать, что не должно терять надежды, что въ важныхъ обстоятельствахъ Государь вспомнитъ объ немъ и

вызоветъ на поле дѣятельности. На это онъ отвѣчалъ, что боится послѣдствій долгаго бездѣйствія и слѣдственно ошибокъ, важныхъ въ томъ званіи, которое ему принадлежитъ,—званіи главнокомандующаго. „Положимъ, что это правда, отвѣчалъ я ему, а мы изъ ошибокъ сдѣлаемъ успѣхъ". Кто много воевалъ, тотъ пойметъ, что это не лесть и не нелѣпость. Одушевленіе войскъ есть вѣрнѣйшее средство успѣха, и кто болѣе Ермолова владѣетъ этимъ сильнымъ орудіемъ?

Домъ его былъ неопрятенъ. Кабинетъ нетолько безъ малѣйшаго украшенія,но большой столъ ничѣмъ не покрытый и нѣсколько стульевъ просто бѣлаго дерева, замаранные; вездѣ книги и карты, разбросанныя въ безпорядкѣ; горшечки съ клеемъ, картонная бумага и лопаточки: его любимое занятіе — переплетать книги и наклеивать карты. Самъ онъ былъ одѣтъ въ синій кафтанъ, толстаго сукна, застегнутый на крючки, довольно неопрятный.

Безпорядочная и разстроенная жизнь необыкновеннаго человѣка!

*

(Писано въ Октябрѣ 1837 года, въ Бѣлгородѣ).

9-го Октября возвратился я изъ Вознесенска. Этотъ смотръ долго останется въ общей памяти. Конницы было 352 эскадрона по 12 рядовъ, 24 баталіона пѣхоты и 144 орудія конной артиллеріи. Не смотря на поступившіе въ стройные ряды обученныхъ войскъ безсрочно-отпускные нижніе чины, успѣхи, сдѣланные кавалеріею въ послѣдніе шесть лѣтъ, должны были поразить каждаго. Государь изъявилъ всѣмъ свою совершенную признательность въ самыхъ обязательныхъ выраженіяхъ. Драгунскій корпусъ, изъ 96-ти эскадроновъ состоявшій, обратилъ особенное его вниманіе. На всѣхъ парадахъ и маневрахъ корпусъ спѣшивался съ карьера. Были горячіе дни. На одномъ, послѣ тревоги, одна моя дивизія лишилась 99-ти лошадей, упалыми; сколькоже окажется испорченныхъ? Не вспомню безъ умиленія всего снисхожденія и милости ко мнѣ Государя, передъ войсками обыкновенно пылкаго. Мнѣ доставались главныя роли на маневрахъ. Большею частью сходили онѣ

мнѣ съ рукъ удачно; но иногда ошибки дѣлались важныя, а въ послѣдній день я испортилъ весь маневръ Государя, въ которомъ самое важное дѣйствіе (оборона Вознесенска) было мнѣ поручено. Я ожидалъ гнѣва, подъѣзжая къ Государю; нашелъ самый обязательный пріемъ. Ошибку онъ приписалъ себѣ; послѣ обѣда удостоилъ продолжительнаго разговора; согласился съ моими примѣчаніями о несходствѣ маневровъ съ настоящею войною *, на разстояніи пушечнаго выстрѣла и, видимо, хотѣлъ оставить во мнѣ впечатлѣніе своего особеннаго благоволенія. Дворъ послѣдовалъ этому примѣру. На другой день поутру я получилъ орденъ Бѣлаго Орла, что̀ послѣ недавняго не въ очередь производства въ генералъ-лейтенанты означало особенную милость. 3-го Октября Госу-

* Когда Государь спросилъ П. Х. Граббе, какъ онъ думаетъ о пользѣ маневровъ, тотъ отвѣчалъ ему, что маневры могутъ имѣть значеніе лишь до разстоянія пушечнаго выстрѣла, и затѣмъ начинается дѣйствіе силъ нравственныхъ. (Записано позднѣе со словъ автора). *Изд.*

дарь выѣхалъ изъ Вознесенска, довольный своими войсками.—Не могу привыкнуть и принудить на маневрахъ умственныя свои способности къ тому напряженію, которое настоящая война возбуждаетъ естественно. Съ трудомъ успѣваю доходить до должнаго вниманія. Этимъ объясняю свои ошибки. Нѣкоторыя весьма были важны. Непонятное и неистощимое ко мнѣ въ этихъ случаяхъ снисхожденіе Государя почти заставляетъ меня думать, что онъ разгадалъ эту тайну и понялъ, почему въ войнѣ я служилъ и буду служить иначе. Я войною испорченъ для маневровъ.

Близость Одессы, Крыма послѣ счастливаго для меня окончанія смотра! Ничто не могло одолѣть почти болѣзненнаго позыва домой, къ женѣ, дѣтямъ, къ тишинѣ и порядку моего домашняго быта, доброю женою для меня устроеннаго, и я, отправивъ дивизію въ обратный походъ съ бригадными генералами, самъ поскакалъ въ Бѣлгородъ 5-го, а 9-го поутру обнялъ своихъ домашнихъ здоровыхъ и обрадованныхъ. Благодареніе Богу! Есть счавтливые дни въ жизни.

Изъ нашего царскаго дома присутствовали въ Вознесенскѣ: Императрица, Наслѣдникъ, Михаилъ Павловичъ съ супругой и Марія Николаевна; изъ иностранныхъ: эрц-герцогъ Іоаннъ, принцы Августъ и Адальбертъ Прусскіе, Бернгардъ Веймарскій съ сыномъ, принцъ Лейхтенбергскій. Австрійскій посолъ графъ Фикельмонъ, князь Виндишгрецъ, оба примѣчательные достоинствомъ и любезностью своего обращенія. Англійскій Арбутнотъ, Прусскій генералъ Барнеръ, множество Австрійцевъ изъ знатной молодежи. Графъ Нейпергъ привезъ мнѣ письмо отъ графа Вальмодена изъ Милана. Съ нимъ же я и отвѣчалъ.— Изъ корпусныхъ командировъ были: Ридигеръ, Крейцъ, Муравьевъ. Изъ примѣчательныхъ людей: Ермоловъ, князь Меньшиковъ, Жуковскій. Изъ значительныхъ: графъ Воронцовъ, графъ Орловъ, Ротъ и князь Волконскій, оба фельдмаршала: князь Витгенштейнъ и князь Паскевичъ. Турецкій посолъ въ Вѣнѣ Ахметъ-Паша съ своими Турками играли жалкую роль. Покойной развязной бесѣды ни

одной не могу припомнить, по всегдашней общей усталости, кромѣ часовъ, проведенныхъ съ А. П. Ермоловымъ, моимъ дорогимъ гостемъ. Посѣщеніе отставнаго морскаго офицера, служившаго подъ его начальствомъ въ Грузіи, кажется Гинтовта, приподняло для меня край страшнаго происшествія, въ его командованіе случившагося: утопленіе болѣе тридцати членовъ разныхъ ханскихъ фамилій маіоромъ Ильинскимъ, будто бы по его повелѣнію. На долю его, Гинтовта, командовавшаго судномъ, досталось ихъ шестнадцать. Онъ утопилъ ихъ и выговорилъ это съ совершеннымъ равнодушіемъ человѣка, который исполнилъ неумолимый долгъ службы, оставляя раскаяніе и отвѣтственность кому слѣдуетъ. Я страшился узнать болѣе и не распрашивалъ. Передъ правительствомъ Ермоловъ оправдался оффиціально; но страшна отвѣтственность тамъ, гдѣ по злоупотребленію чиновника въ маіорскомъ чинѣ могутъ случаться подобныя происшествія.

Всѣ пріѣзжіе, свои и иностранцы, были розданы для угощенія генераламъ

и полковымъ командирамъ собранныхъ войскъ. Верховыя лошади отъ полковъ. Многія мѣры, принятыя для сбора продовольствія войскъ и угощенія, носили отпечатокъ характера главнаго распорядителя, графа Витта.

Въ это время изъ тѣснаго круга близкихъ мнѣ людей убыли еще двое: Лепарскій и Шиллингъ-Канштадтъ. Первый оставилъ землю для общей, неизвѣстной обители въ Петровскомъ Заводѣ, въ Сибири; другой умеръ въ Петербургѣ. Тотъ рѣдкой добродѣтели, этотъ хорошій, умный и ученый человѣкъ. Того оплачутъ несчастные, утратившіе въ немъ нѣжнаго, неутомимаго покровителя; объ этомъ пожалѣютъ счастливые, потерявшіе въ немъ всегда веселаго и умнаго собесѣдника. Оба незамѣнимы для друзей, ближе знакомыхъ съ сокровищами души одного и ума другаго. Миръ праху ихъ! Въ началѣ этого же года умеръ безвременною смертью незамѣнимый Пушкинъ. Онъ убитъ на дуэли съ какимъ-то Дантесомъ. Съ нимъ замолкъ чистѣйшій народный отголосокъ Русской поэзіи.

Умеръ и Дмитріевъ, котораго слишкомъ строгій вкусъ, послѣ заслужен-

ныхъ успѣховъ молодости и зрѣлыхъ лѣтъ, осудилъ на молчаніе продолжительное и умную старость.

*

Не перестаю жалѣть о томъ, что не знаю никакихъ подробностей о моихъ предкахъ и очень мало о моемъ отцѣ. Мысль о прошедшемъ и заботливость о будущемъ въ семействахъ связаны съ благороднѣйшими чувствованіями въ человѣкѣ. Пусть прошедшее вашего дома, дѣти мои, начнется хотя съ меня. Вы найдете здѣсь главнѣйшія происшествія моей жизни. Важность событій общихъ и великій періодъ, ознаменовавшій и прославившій ваше Отечество въ мое время, придастъ частнымъ моимъ похожденіямъ занимательность, а впечатлѣнія, которыя все это вмѣстѣ на меня производило, представятъ вамъ нравственное изображеніе отца, въ пособіе писаннымъ его портретамъ, которые вамъ останутся. Память обо мнѣ будетъ полнѣе жить въ душахъ вашихъ, когда вы будете имѣть передъ глазами и вещественное, и нравственное мое изображеніе.

Я родился въ 1789-мъ году 21-го Декабря, въ Кексгольмѣ, на Ладожскомъ озерѣ, гдѣ отецъ мой *, въ чинѣ титулярнаго совѣтника, занималъ какое-то гражданское мѣсто. Ранняя женитьба заставила его, кажется, оставить военную службу еще въ чинѣ поручика какого-то, кажется, Симбирскаго гренадерскаго полка. Только первые четыре года младенчества провелъ я въ родительскомъ домѣ; потомъ отвезенъ въ Петербургъ, въ домъ друга отца моего, инженеръ-генерала Степана Даниловича Микулина, который опредѣлилъ меня въ Сухопутный Кадетскій Корпусъ въ 1794-мъ году, гдѣ уже засталъ я старшаго моего брата Карла, за два года передъ тѣмъ туда отданнаго. Здѣсь провелъ я одинадцать лѣтъ, отъ нянекъ, которыя меня приняли, до эполетъ артиллерійскаго

* Фамилія Граббе, сколько намъ извѣстно, происхожденія Шведскаго, одного корня съ фамиліею Краббе, такъ что ихъ смѣшивали, и въ офиціальныхъ бумагахъ графъ Павелъ Христофоровичъ даже называемъ былъ по ошибкѣ *Краббе*. (см. ниже). *Изд.*

подпоручика, съ которыми выпустили. Этому періоду принадлежатъ важныя впечатлѣнія, оставленныя въ душѣ отрока видомъ Екатерины, Павла, Суворова—различно безсмертныхъ въ исторіи Россіи и человѣчества. Графъ Ангальтъ умеръ въ годъ моего опредѣленія въ корпусъ, но благодарная и нѣжная объ немъ память дѣтей, конечно, долго еще способствовала къ развитію въ нихъ благороднѣйшихъ побужденій. Изъ многихъ директоровъ, послѣ него бывшихъ, Ферзенъ, уже побѣдитель Костюшки, Михайло Ларіоновичъ Кутузовъ, тогда еще неразгаданный, памятнѣе другихъ. Благотворно дѣйствуетъ на юношескія души видъ знаменитаго мужа: краснорѣчивѣе лучшихъ страницъ исторіи. Весьма важно принимать это въ соображеніе, при назначеніи начальниковъ въ главныя воспитательныя заведенія.

Прилежно учился я всего года два, послѣдніе до выпуска, и занялъ первыя скамьи въ высшемъ классѣ по всѣмъ предметамъ преподаванія. Но отъ всей этой кадетской учености не съ чего было съ ума сойти. — Глав-

ные мои воспитатели были древніе. Плутархъ въ особенности, рано попавшійся мнѣ въ руки, открылъ мнѣ въ своихъ простодушныхъ разсказахъ новый міръ, идеалы значенія и величія человѣка, чудныя судьбы его. Между тѣмъ я читалъ жадно все, что̀ попадало мнѣ въ руки хорошаго, вреднаго, развратнаго. Присмотръ въ этомъ отношеніи былъ слабый. Впрочемъ хорошее, кажется, превозмогло. Я оставилъ корпусъ, не смотря на нѣжную мою молодость (мнѣ было пятнадцать лѣтъ) съ тѣломъ здоровымъ, съ пламенною любовью къ Отечеству; хотя съ неопредѣленными понятіями о вѣрѣ, но съ чувствомъ потребности въ ней, особливо въ счастливыя минуты. Это противорѣчитъ общему повѣрью. Гораздо позже я научился все относить къ Небу: и страданія, и радости.

За нѣсколько лѣтъ передъ выпускомъ, мои родители переѣхали въ Петербургъ, гдѣ отецъ мой получилъ мѣсто по управленію Воспитательнаго Дома. Насъ по праздникамъ отпускали изъ корпуса домой. Впечатлѣнія города на меня были оглушительны; отъ

нихъ ничего не осталось; семейныя были изглажены слишкомъ ранней отъ нихъ отвычкой. Насъ было всего три брата и восемь сестеръ. Изъ послѣднихъ одна только теперь жива, младшая изъ семейства, Марія, замужемъ за Македонцемъ, полковникомъ лейбъ-гвардіи конно-артиллерійскимъ *. Братья всѣ живы, я средній между ними. Отецъ умеръ за нѣсколько лѣтъ до нашего выпуска изъ корпуса, не оставивъ намъ ничего кромѣ примѣра рѣдкаго безкорыстія. Мѣсто его почиталось очень выгоднымъ. Это обратило вниманіе императрицы Маріи Ѳедоровны. Она пожелала видѣть сиротъ такого отца. Мы были ей представлены и потомъ возвращены въ корпусъ. Изъ четырехъ оставшихся сестеръ помѣщены три въ Смольный монастырь, четыре въ Екатерининскій институтъ.

---

* Михаиломъ Васильевичемъ (командиромъ артиллеріи на Дону), сыномъ Воронежскаго помѣщика Василія Игнатьевича Македонца, съ которымъ читатели Русскаго Архива знакомы по письмамъ къ нему Евгенія Болховитинова. (Р. Арх. 1870). *Изд.*

Мать впала въ ипохондрію неизлѣчимую; не смотря на то, прожила до 1828-го года и скончалась въ Могилевѣ на Днѣстрѣ, въ домѣ старшаго моего брата Карла.

Въ 1805-мъ году, 5-го Сентября, выпущенъ я изъ корпуса подпоручикомъ артиллеріи во 2-й артиллерійскій полкъ и немедленно отправленъ въ армію, бывшую тогда на походѣ въ Моравію. Я выѣхалъ изъ Петербурга съ двумя братьями Нольде и съ Одинцомъ, вмѣстѣ со мною вышедшими въ артиллерію. Всѣ четверо помѣстились мы въ одной кибиткѣ. Не помню, чтобы мы жаловались на тѣсное помѣщеніе; но и теперь вспоминаю невыразимыя впечатлѣнія первыхъ дней свободы, новыхъ предметовъ, незнакомой природы, чуднымъ образомъ поражавшихъ мою совершенную неопытность. Братья Нольде имѣли родителей въ Якобштадтѣ, въ Курляндіи. Мы заѣхали къ нимъ. Не безъ тоски, въ молчаніи, былъ я свидѣтелемъ радостнаго пріема счастливыхъ родителей. Насъ, чужихъ, приняли также, какъ родныхъ. Здѣсь провели мы нѣсколько пріятныхъ дней,

особенно памятныхъ для меня случаемъ теперь смѣшнымъ, тогда ужаснымъ. На другой день нашего пріѣзда съѣхались въ домъ родственники и знакомые семейства Нольде. Мы были позваны. Я шелъ позади всѣхъ. Когда дверь изъ корридора въ гостинную отворилась, я увидѣлъ множество гостей, наиболѣе женщинъ, занимавшихъ всю окружность комнаты, и всѣ глаза обратились на отворившуюся дверь. Туманъ покрылъ мои глаза. Трое товарищей моихъ вошли, я остался въ корридорѣ за стеклянною дверью. Очнувшись, я взглянулъ въ гостинную. Товарищи мои размѣстились. Средина комнаты очистилась, и всѣ глаза опять были направлены на дверь. Не помню, какъ я наконецъ рѣшился отворить ее и какъ дошелъ до средины гостинной. Молчаніе было общее. Всѣ глаза устремились на меня. Холодный потъ выступилъ по мнѣ, и кровь бросилась въ голову. Я стоялъ какъ громомъ пораженный, предметъ насмѣшки и состраданія. Хозяйка поспѣшила подозвать меня къ себѣ и ласковымъ разговоромъ наконецъ меня успокоила.

Сколько скромность украшаетъ всякаго, особливо юношу, столько застѣнчивость дѣлаетъ его жалкимъ. Это параличъ на всѣ умственныя и душевныя силы, во все время продолженія припадка. Застѣнчивость природная можетъ еще быть чрезвычайно усилена сознаніемъ неловкости, когда при воспитаніи пренебрежены гимнастическія упражненія, танцованіе, умѣнье кланяться и пр.

Послѣ нѣсколькихъ дней отдыха среди этого добраго семейства, мы отправились далѣе въ Вильну. Старшая сестра братьевъ Нольде, дѣвушка лѣтъ 19-ти, проводила насъ до перваго ночлега на постояломъ дворѣ. Младшій Нольде, желая попробовать порохъ, передъ тѣмъ купленный въ Якобштадтѣ, взялъ изъ угла свой карабинъ, имъ самимъ туда поставленный, насыпалъ пороху на полку и приложилъ, дерзко смѣясь, къ груди своей сестры, говоря, что застрѣлитъ ее. Надобно сказать, что этотъ карабинъ, заряженный во всю дорогу, по желанію родителей былъ разряженъ въ ихъ домѣ. Мы всѣ и старшая сестра были

при томъ. Не смотря на эту увѣренность, остатокъ женскаго страха заставилъ ее шутя оттолкнуть немного въ сторону дуло; въ это мгновенiе братъ спустилъ курокъ, и вдругъ раздался выстрѣлъ, испестрившiй дверь комнаты, къ счастiю запертую, крупною дробью. Ружье выпало изъ рукъ устрашеннаго Нольде. Хозяинъ и крестьяне, сидѣвшiе въ ближней комнатѣ, вбѣжали, и каково было наше изумленiе, когда хозяинъ узналъ свой карабинъ, поставленный имъ, по возвращенiи съ неудачной охоты, на привычное мѣсто; карабинъ же Нольде былъ перенесенъ на другое. Сходство между ружьями было большое, но при ближайшемъ осмотрѣ нашлись и важныя несходства, которыхъ мы прежде не замѣтили. Къ счастiю, это кончилось однимъ испугомъ.

Не доходя одинъ переходъ до Варшавы, я догналъ свой полкъ. Меня встрѣтили прiязненныя лица. Варшаву прошли мы въ полномъ парадѣ; но хотя я былъ на своемъ мѣстѣ, почти ничего однако не видалъ. Стеченiе народа было огромное на улицахъ; бал-

коны и окна домовъ сіяли красавицами во всемъ блескѣ нарядовъ. Отовсюду доходили до меня слова: „Посмотрите, посмотрите на этого офицера,—это дитя“, и при этомъ изъявленія жалости, восклицанія, какъ можно такое дитя посылать на войну. Все это такъ смутило меня, что, покраснѣвъ до ушей, я потупилъ глаза на мостовую и такъ прошелъ весь городъ. Въ этомъ возрастѣ (мнѣ было не сполна шестнадцать лѣтъ) я былъ такъ малъ ростомъ, что за именемъ моимъ всегда слѣдовало прозвище *маленькій*. Въ слѣдующіе три года, ознаменованные тяжкими трудами, я достигъ полнаго своего роста, 10-ти вершковъ, но остался навсегда худощавымъ.

Меня опредѣлили въ роту капитана Чуйкевича. Въ памяти о немъ не осталось ничего пріятнаго. Мы слѣдовали въ Моравію черезъ Силезію. Этотъ благословенный край, т. е. Силезія, произвелъ во мнѣ усладительныя ощущенія общею картиною порядка, изобилія и трогательнымъ гостепріимствомъ жителей. Горы въ первый разъ поразили и плѣнили меня необыкновенными и прелестными своими видами.

Колонна генерала Эссена, Ивана Николаевича, къ которой мы принадлежали, спѣшила въ соединеніе къ большой арміи, подъ кр. Ольмюцомъ сосредоточенной. Въ Вейскирхенѣ оставили мы шоссе и пошли на Прерау, по ужасной грязи, въ одинъ переходъ разстроившей упряжку артиллеріи. Оставалось два перехода до Аустерлица; но здѣсь мы нашли извѣстіе, что сраженіе проиграно, и скоро бѣглецы разныхъ полковъ, въ разныхъ безобразнѣйшихъ видахъ, показали намъ всю великость претерпѣннаго пораженія.

Тутъ начались для меня первыя испытанія, внезапно выведшія меня изъ періода отрочества, чувствомъ сознанія собственныхъ силъ и необходимостью употребленія ихъ безъ чуждаго совѣта и направленія.

Колонна Эссена поспѣшно послѣдовала отступательному движенію арміи чрезъ Венгрію. Ротный мой командиръ, не могши забрать, по изнуренію лошадей, всѣ зарядныя свои фуры, оставилъ двѣ въ Прерау, приказавъ мнѣ съ помощію тринадцати артиллеристовъ достать у жителей,

хотя бы силою, нужное число лошадей и стараться догнать армію. Скоро по выступленіи нашихъ войскъ и при первомъ приступѣ къ исполненію моего порученія, раздался въ мѣстечкѣ и во всей окружности набатъ, и поднялась общая тревога: Французскіе разъѣзды приближались. Въ отчаяніи рѣшился я бросить свои палубы (такъ назывались тогда зарядныя огромныя фуры) и съ своими людьми искать спасенія. Большая дорога казалась опасна; мы кинулись въ горы. Скоро догнали мы небольшіе отряды полковъ колонны Эссена, по тому же направленію спѣшившихъ углубиться въ горы. Нѣсколько человѣкъ Французскихъ драгунъ, преслѣдовавшихъ нашего офицера, доскакали недалеко отъ насъ; но насъ для нихъ было слишкомъ много, и мы приготовились къ оборонѣ. Малыми и весьма трудными дорогами, не оставляя горъ, подошли мы къ Вейскирхену, лежащему у подошвы. Неизвѣстно было, занятъ ли городъ Французами или еще нѣтъ; отъ этого зависѣло наше спасеніе. Къ намъ присоединились патронные и казенные ящики разныхъ

полковъ. Фельдфебель и нѣсколько человѣкъ солдатъ Московскаго гренадерскаго полка вызвались спуститься въ городъ. Выстрѣлъ былъ условленный знакъ, что непріятель встрѣченъ въ городѣ. Тронутый самоотверженіемъ ихъ, я пошелъ съ ними. Французовъ еще не было; ихъ ждали каждую минуту. Покуда отрядъ спускался съ горъ, мы пошли въ ратушу, чтобы вытребовать для него продовольствіе. Несмотря на чрезвычайныя обстоятельства, мы нашли чиновниковъ по мѣстамъ, пишущихъ каждый на своемъ столѣ, какъ въ спокойное время. Не безъ шума и угрозъ могли мы получить требуемое, помимо соблюденія медленныхъ формъ, кои бы насъ задержали и предали непріятелю. Здѣсь въ первый разъ пораженъ я былъ отличительной чертой Нѣмецкаго характера, который флегматически слѣдуетъ привычному порядку, хотя бы это было и въ пользу непріятеля. Но эта черта имѣетъ свою сторону глубокую и почтенную, какъ все то, что ознаменовано добросовѣстнымъ исполненіемъ своего долга. У насъ, въ 1812-мъ году, народный харак-

теръ, сообразно съ волею правительства, обнаружился иначе: съ приближеніемъ непріятеля, не только всѣ дѣла, но можно сказать, общественный бытъ прекращался; правительственныя мѣста и частные люди, всѣ одинаково дѣйствовали, всѣ оставляли мѣсто, оскверненное непріятелемъ. Здѣсь—духъ народнаго величія, тамъ—навыкъ прочнаго, ежедневнаго порядка.

Только что опасеніе попасть въ плѣнъ миновало, какъ страхъ отвѣтственности и стыдъ такого неудачнаго исполненія перваго порученія мнѣ сдѣланнаго, овладѣли мною и не оставляли меня до самой минуты присоединенія къ арміи, кажется, въ Біалѣ, въ Галиціи. Пристыженный явился я къ начальнику нашей артиллеріи Рѣзвому, который принялъ меня весело и благосклонно, поспѣшивъ успокоить тѣмъ, что всѣ палубы артиллеріи брошены въ горахъ. Меня перевели въ другую роту, къ Өедору Максимовичу Шульману. Здѣсь я попалъ, что̀ нерѣдко бываетъ въ артиллеріи, какъ въ доброе семейство.

Армія отступила въ свои границы, и нашей ротѣ достались зимнія квартиры между Устьлугомъ и Владиміромъ на Волынѣ.

Такъ кончилась первая моя кампанія, однимъ походомъ, но все пѣшкомъ, что̀ въ мои лѣта и въ глубокую осень, и отчасти зимой, было довольно уже тяжело. Подвигъ Милорадовича подъ Кремсомъ и Багратіона подъ Амштедтеномъ, предметъ нашихъ разговоровъ во время отдыха, были для меня лучшія образовательныя впечатлѣнія этого времени.

Непонятно изгладилось въ памяти моей все бывшее со мною въ 1806-мъ году, кромѣ двухъ обстоятельствъ. Въ это время встрѣтился я съ капитаномъ артиллеріи Ѳедоромъ Самойловичемъ Андерсомъ *. Тридцать два года

---

* См. объ Андерсѣ ниже. Въ отдѣльныхъ замѣткахъ автора встрѣтились намъ слѣдующія строки, посвященныя Андерсу и писанныя въ 1814 году.

„Уже наступилъ третій годъ, какъ Провидѣнію угодно было разлучить меня съ тобою, другъ единственный, человѣкъ неподра-

прошло послѣ того, и никогда, во все это время, не встрѣтилъ я человѣка столь совершенно добраго и чистаго. Онъ почтилъ меня своею отеческою пріязнію и оставилъ на всю жизнь глубокое впечатлѣніе въ умѣ и сердцѣ моемъ. Онъ заставилъ меня продолжать слишкомъ рано прерванное умственное мое воспитаніе и доставилъ на то средства. Примѣръ неистощимой кротости наложилъ первую добровольную узду на запальчивость моего характера. Кругъ его дѣйствій и его извѣстность были весьма ограничены,

---

жаемый, разлучить смертью. Первая вѣсть, по возвращеніи моемъ въ Отечество, была смерть твоя, и жизнь стала для меня медленною смертію. Великая святая брань, на которую Отечество призывало всѣхъ сыновъ своихъ, воскресила меня. Съ твоимъ образомъ, съ твоимъ примѣромъ въ душѣ, поспѣшилъ я стать въ ряды защитниковъ его. Смерть не могла имѣть для меня ничего страшнаго. Пожравъ въ пять мѣсяцевъ полчища, которыхъ силы потомство почтетъ баснословными, населивъ первые Русскіе города вмѣсто жителей трупами, она не коснулась мнѣ во многихъ битвахъ, гдѣ свирѣпствовала неслыханно. Я видѣлъ Москву опустѣлую

но въ этомъ кругу онъ пользовался общимъ и замѣтнымъ уваженіемъ. Его главныя достоинства состояли въ чистой душѣ, здравомъ смыслѣ и, вѣрно, въ глубокомъ чувствѣ религіи, безъ котораго подобная жизнь ежедневнаго самоотверженія непостижима. Спокойствіе святости не оставляло почти никогда его благороднаго лица. Наружныхъ изъявленій набожности я не замѣтилъ. Причиною этому могло быть Лютеранское вѣроученіе, которому онъ принадлежалъ, менѣе другихъ облечен-

---

какъ душу мою при извѣстіи о смерти твоей; палаты ея, красу и гордость Россіи, безмолвныя какъ безчисленные колокола церквей ея. Перстъ смерти коснулся ея, и житель Москвы, облеченный въ броню, прошелъ въ глубокомъ молчаніи по безмолвнымъ стогнамъ ея, бросилъ послѣдній взоръ на бездымные ея кровы, и вскорѣ одно кровавое пламя, раздирая облака, освѣтило ночное, мстительное его шествіе. Само Провидѣніе было вождемъ нашимъ. Германецъ возсталъ и разорвалъ цѣпи свои. Самыя побѣды вели къ одной гибели строптиваго непріятеля, и столица его, тщетно раздѣленная многими царствами отъ пепла Москвы, узрѣла въ стѣнахъ своихъ ея мстителей.

ное въ наружныя формы. Онъ долго начальствовалъ ротой артиллеріи и умеръ послѣ жестокихъ страданій отъ раны, полученной при штурмѣ Ловчи, въ Булгаріи, уже въ срединѣ города, при разбитіи воротъ мечети, въ которой заперлись не хотѣвшіе сдаться Турки. Это было въ 1811-мъ году. Я былъ тогда въ Германіи и только по возвращеніи въ Петербургъ узналъ объ этомъ. Ничѣмъ и никогда въ послѣдствіи я не былъ пораженъ горестнѣе. Прошу для васъ у Неба, дѣти мои, какъ величайшей милости, встрѣчи съ подобнымъ человѣкомъ на предстоящемъ вамъ пути жизни и такого же къ вамъ отъ него отеческаго попеченія въ неопытные ваши годы.

Второе событіе этого года было первое мое сраженіе. Это было 14-го Декабря, подъ Голоминымъ. Тяжелые переходы по ужасной слякоти, которую Наполеонъ тогда назвалъ пятою стихіей въ Польшѣ, стоили нашей арміи потери множества орудій, зарядныхъ ящиковъ и всякаго рода обоза. Полурота изъ 6-ти орудій, въ которой я служилъ, была подъ начальствомъ по-

ручика Викторова и состояла при Владимірскомъ пѣхотномъ полку. Мы никакъ не хотѣли бросить ни одного орудія на отступательномъ движеніи изъ Цѣханова къ Голомину и день и ночь трудились, припрягая поочередно по нѣскольку упряжекъ подъ одно орудіе. Но непріятель насъ опередилъ, и мы получили рѣшительное повелѣніе спѣшить, съ тѣми орудіями, которыя успѣемъ вытащить, бросивъ остальныя. Два оставлены въ грязи. Полкъ уже былъ въ огнѣ. Намъ досталось стоять на твердомъ грунтѣ, но въ водѣ отъ безпрерывныхъ дождей. И это показалось отдыхомъ послѣ тяжелой грязи, по всей дорогѣ. Мы отразили всѣ кавалерійскія аттаки непріятеля, но залегшіе въ кустахъ стрѣлки переранили почти всѣхъ людей около моихъ орудій. Мнѣ дали въ помощь людей изъ пѣхоты. Скоро наступила ночь и, казалось, прекратила сраженіе. Темнота была необыкновенная; но часть сцены была освѣщена пожаромъ большаго сарая, передъ фронтомъ лежавшаго, который мы зажгли во время дѣла. Сквозь пламя можно было замѣ-

тить стрѣлковъ непріятельскихъ, спѣшившихъ къ Голомину (чрезъ который намъ предстояло отступить) съ намѣреніемъ опередить насъ. Несмотря на то, мы вошли въ главную улицу селенія безъ всякой предосторожности. Внезапно, изо всѣхъ домовъ съ правой стороны, полетѣлъ въ насъ градъ пуль. Баталіоны, между которыми я шелъ, бросились влѣво, чрезъ плетни и, всѣми оставленныя, какимъ-то чудомъ мои орудія, едва тащась на раненыхъ лошадяхъ, вышли, благодаря темнотѣ, за деревню. Викторовъ, позади шедшій, былъ тяжело раненъ и съ орудіями взятъ въ плѣнъ. Не зная того, я, вышедши за деревню, приказалъ своимъ орудіямъ тащиться, какъ могутъ, до полка; а самъ, выбившись изъ силъ, безъ лошади, которая была убита, рѣшился дождаться Викторова, чтобы сѣсть на одну изъ выпряженныхъ отъ брошенныхъ орудій, а въ случаѣ нужды, хотя на лафетъ. Такъ я остался одинъ. Скоро къ ружейному огню въ деревнѣ присоединился и пушечный. Тогда только пришло мнѣ внезапно въ голову, что я самъ чудесно спа-

сенный, Викторовъ же по всей вѣроятности попалъ въ руки Французовъ. Каждая потерянная минута и меня тому же подвергала. Я рѣшился идти далѣе искать своихъ; но грязь была такъ густа и глубока, что сапоги увязали въ ней; вытащивъ ихъ и перекинувъ за плечо, я продолжалъ идти босой. Наконецъ, истощенный усталостію и голодомъ, почти въ безпамятствѣ, влѣзъ я на брошенную походную кузницу и заснулъ. Долго ли я спалъ, не знаю; близкіе ружейные выстрѣлы меня разбудили. Недалеко отъ дороги тянулась какая-то конница. Я рѣшился подать голосъ. Ко мнѣ подъѣхали нѣсколько человѣкъ. Это были казаки. Они подвели мнѣ заводную лошадь. Имъ обязанъ я спасеніемъ отъ плѣна.—Мы шли цѣлую ночь и, подошедши на разсвѣтѣ къ Макову, увидѣли нашу армію на позиціи и въ то же время Французскія колонны съ другой стороны приближавшіяся къ мосту, за которымъ на высотѣ стояла наша батарея. Рысью переѣхалъ я мостъ, узналъ роту Андерса и въ туже минуту былъ въ его объятіяхъ.—Я оста-

новился на этомъ происшествіи, потому что въ жизни моей, обильной трудами и невзгодами всякаго рода, я никогда не доходилъ до такого крайняго изнеможенія и не былъ такъ близокъ къ тому, чтобы пасть еще на порогѣ моего начатаго поприща.

Чрезъ шесть недѣль послѣ того, 27-го Генваря—сраженіе подъ Прейсишъ-Эйлау, первый угрозительный знакъ Провидѣнія Наполеону. Въ другомъ мѣстѣ найдете описаніе этой исполинской битвы. Здѣсь ограничусь точкою, на которую судьба опредѣлила мнѣ дѣйствовать. Я былъ уже одинъ, артиллерійскій офицеръ съ двумя орудіями, по прежнему при Владимірскомъ полку, въ корпусѣ Дохтурова, почти въ центрѣ арміи. На нашу долю досталась одна изъ колоннъ маршала Ожеро, котораго корпусъ уничтоженъ въ этомъ побоищѣ. Это было въ первомъ часу; сильная вьюга ослѣпляла намъ глаза снѣгомъ. Вдругъ стихло, и прямо противъ моихъ пушекъ, не болѣе какъ въ 30-ти шагахъ, мы увидѣли колонну Французовъ, повидимому также изумленныхъ неожиданною бли-

зостію стройнаго нашего фронта. Орудія мои были прежде заряжены картечью, которыхъ у меня всего оставалось по пяти на орудіе, а ядеръ не оставалось ни одного. Страшно было ихъ дѣйствіе на столь близкаго непріятеля. Колонна приняла направо и кинулась на второй баталіонъ Владимірскаго полка (я стоялъ въ интервалѣ между нимъ и первымъ батальономъ). Штыки приняли ихъ, но средина была прорвана. Я выстрѣливалъ еще послѣднія свои картечи по срединѣ и по хвосту этой же колонны, какъ крикъ артиллиристовъ сзади меня: Французы! заставилъ меня оглянуться. Нѣсколько Французовъ вскочили сзади на баттарею; но скоро, въ слѣдъ за ними и наши. Все были переколоты штыками; немногихъ только удалось мнѣ спасти отъ тесаковъ моихъ артиллеристовъ. Лошади у орудій были переранены, всѣ снаряды до послѣдняго выстрѣлены. Штыковый бой на этой точкѣ сраженія кончился совершеннымъ истребленіемъ колонны. Груды тѣлъ покрыли мѣсто побоища. Я отошелъ за линію, не зная на что рѣшиться, безъ

снарядовъ и съ разстроенною упряжью. Значительная часть нашей артиллеріи, въ особенности баттарейной, по тѣмъ же причинамъ, отошла съ своихъ позицій на Кенигсбергскую дорогу. Чтобы объяснить, какимъ образомъ могло случиться, что раньше чѣмъ въ половинѣ сраженія могъ оказаться такой недостатокъ въ снарядахъ, надобно знать несовершенство тогдашняго устройства подвижныхъ парковъ. Послѣ Пултуска и Голомина заряды не были наполнены. Но мнѣ не хотѣлось послѣдовать за отошедшими. Увидѣвъ начальника артиллеріи Рѣзваго, я остановилъ его и просилъ зарядовъ. Вмѣсто того онъ приказалъ мнѣ присоединиться къ отступившимъ ротамъ, указывая дорогу. Я медлилъ, дорожа мнѣніемъ храбрыхъ Владимірцевъ. Въ тоже время я увидѣлъ Псковскій полкъ, при которомъ былъ Андерсъ, шедшій въ первую линію на смѣну къ намъ. Встрѣча съ нимъ всегда была для меня счастіемъ. На мою просьбу удѣлить мнѣ нѣсколько зарядовъ, онъ указалъ мнѣ въ сторонѣ за фронтомъ мѣсто, гдѣ найду ихъ, раскиданные по

землѣ, сколько угодно, прибавивъ, что и онъ ими укомплектовался. Я поспѣшилъ туда и дѣйствительно нашелъ ихъ разбросанныхъ столько, что наполнилъ свои ящики, и передки, и сумы. Кому обязанъ я былъ этой услугой, узнать не случилось. Присоединившись къ полку, я нашелъ его подъ ужаснымъ огнемъ цѣлой линіи батгарей, сосредоточенныхъ противъ лѣваго нашего центра, вѣроятно для остановленія послѣдствій отъ пораженія корпуса Ожеро.

*

(Писано въ Декабрѣ 1845 года).

Восемь лѣтъ прошло послѣ предшествующаго слова, и какихъ лѣтъ!— Вызовъ въ Петербургъ, лестный пріемъ Государя и его семейства, отправленіе командующимъ войсками на Кавказъ, съ гражданскою властію въ области, пламенная дѣятельность въ трудахъ военныхъ и гражданскихъ, ознаменованная сперва военными успѣхами, общее вниманіе на себя обратившими и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ водит-

ся, зависть возбудившими. Ею-то, безъ сомнѣнія, остановлены поощренія подчиненнымъ, безъ которыхъ утомляется рвеніе; происками ея полномочіе, высшею властію мнѣ дарованное, встрѣтило всѣ препятствія, которыя злонамѣренность помраченнаго начальника, души невысокой, могла изобрѣсть, чтобы остановить и испортить рядъ успѣховъ, для него самого полезныхъ, но ему ненавистныхъ. Страшное положеніе семейства вслѣдствіе нервической болѣзни жены, начавшейся въ Ставрополѣ, усилившейся въ Петербургѣ и заставившей меня просить письмомъ Государя увольненія отъ начальства на Кавказѣ; пребываніе въ Петербургѣ, мало по малу стиравшее съ меня всякій признакъ значенія между людьми; отъѣздъ въ Малороссію, сперва мой, потомъ и семейства; пребываніе въ Кіевѣ, поѣздка въ Варшаву, въ Петербургъ и наконецъ удаленіе сюда, въ тишину уединенія, гдѣ могу снова приняться за трудъ, восемь лѣтъ тому прерванный.

Возьмемъ же опять оставленную нить прошедшаго и постараемся дойти съ нею до настоящаго.

Прейсишъ-Эйлауское сраженіе доставило мнѣ золотой крестъ, теперь уже рѣдкій, въ память этого славнаго для Россіи дня установленный; за Голоминъ я получилъ Анну 3-й степени на шпагу. Я не могъ ни по чину, ни по лѣтамъ остаться начальникомъ полуроты. Въ новомъ начальникѣ, капитанѣ Людвигѣ, я нашелъ человѣка добраго, благороднаго, безстрашнаго, но къ несчастію преданнаго страсти къ вину. И въ этомъ положеніи онъ былъ со мною кротокъ и любезенъ.—Весна застала насъ въ окрестностяхъ Прусскаго городка Мельзака. 24-го Мая мы выступили вслѣдствіе общаго наступательнаго движенія къ Пассаргѣ. Корпусу Дохтурова досталась аттака противъ Сульта въ Ломмитенѣ. Она только отчасти достигла своей цѣли: прогнать Французовъ, послѣ продолжительнаго и безпорядочнаго боя, за Пассаргу. Намъ было немного дѣла. Напротивъ, рота Андерса, выдвинутая къ переправѣ непріятельской, была подъ жестокимъ перекрестнымъ огнемъ Французскихъ баттарей, закрытыхъ и командовавшихъ ею. Половина его орудій

была подбита; множество людей на баттареѣ перебито и переранено; изъ офицеровъ остался онъ одинъ. Почти праздный на своемъ посту и видя его положеніе, я поѣхалъ къ нему. Онъ не прежде успокоился, пока и просьбами, и властію не заставилъ меня возвратиться къ своему мѣсту. Но я имѣлъ время унести съ собою впечатлѣніе совершеннаго хладнокровія и самой кроткой распорядительности среди адскаго, разрушительнаго огня. По возвращеніи къ моей полуротѣ на позицію, подъѣхалъ къ намъ генералъ-маіоръ Пассекъ * и именемъ генерала Дохтурова требовалъ офицера, для сопровожденія его въ рекогносцировкѣ, ему порученной. Онъ пригласилъ меня. Мы подъѣхали къ самому берегу Пассарги, за которой стояли Французы, не стрѣлявшіе однако по насъ и, осмотрѣвъ, возвратились. Отправляя меня къ мѣсту, генералъ-маіоръ Пассекъ объявилъ мнѣ, что я представ-

* Петръ Петровичъ Пассекъ, единственный сынъ Екатерининскаго пособника, Петра Богдановича. *Изд.*

ленъ буду ко Владиміру. „Благодарю, ваше превосходительство, отвѣчалъ я ему, за благорасположеніе, но не приму награды, не заслуживъ еще ея." Упоминаю объ этомъ по двумъ причинамъ: память этого случая впослѣдствіи связала насъ тѣснѣйшею дружбою до смерти его; во вторыхъ, чтобы показать, какія чувства, не мнѣ одному принадлежавшія, наполняли души поколѣнія, обреченнаго отстоять Россію противъ Наполеона и Европы.

Наступленіемъ 24-го Мая мы разбудили отдыхавшаго льва. Гутштадтское дѣло, затѣмъ послѣдовавшее, я видѣлъ, почти не участвовавъ въ немъ. Отступивъ къ Гейльсбергу, я получилъ приказаніе явиться къ начальнику всей артиллеріи Рѣзвому и находиться при немъ. Армія заняла прежде приготовленную укрѣпленную позицію. Это кровопролитное сраженіе, въ которомъ Французы въ бѣшенныхъ нападеніяхъ наполняли рвы нашихъ редутовъ своими тѣлами и вездѣ были отражены, представлено Наполеономъ въ его бюллетеняхъ маловажною ошибкою. Часто посылаемый Рѣзвымъ, я видѣлъ его

главнѣйшіе моменты на важныхъ точкахъ. Обстоятельство мало извѣстное, котораго я былъ свидѣтелемъ, имѣло, вѣроятно, много вліянія на ходъ сраженія, могшаго имѣть другія послѣдствія. Главнокомандующій генералъ Бенигсенъ, подъ конецъ дѣла, вездѣ успѣшнаго, упалъ въ обморокъ отъ истощенія, и армія осталась безъ управленія, не зная того и довольствуясь отраженіемъ нападеній. Старшій по немъ, генералъ Кологривовъ имѣлъ благоразуміе отказаться отъ командованія; принялъ его генералъ Горчаковъ. Мы не только отстояли поле сраженія, но оставались на немъ и часть слѣдующаго дня.

Движеніе корпуса Французовъ на Кенигсбергъ принудило насъ къ отступленію. Я отпросился опять къ своей ротѣ при Владимірскомъ полку. Адъютантская служба не понравилась мнѣ, и этотъ первый опытъ оставилъ мнѣ упрекъ, можетъ быть странный, но тогдашнимъ моимъ лѣтамъ свойственный. Свободный по роду полученныхъ приказаній ѣхать почти куда хотѣлъ, по невозможности быть въ одно

время вездѣ, гдѣ сильнѣе горѣло сраженіе, я упрекалъ себя въ томъ, что, имѣя выборъ дѣятельности, я нахожусь не тамъ гдѣ опаснѣе, между тѣмъ какъ, если занимаешь положительное мѣсто въ строю, можно спокойно ожидать, какую роль обстоятельства сами назначатъ каждому въ происшествіяхъ дня, имѣя товарищей и знакомыя лица соревнователями и свидѣтелями.

Въ послѣдовавшемъ вскорѣ затѣмъ Фридландскомъ сраженіи я былъ уже въ линіи при Владимірскомъ полку. Мы стояли на правомъ флангѣ арміи. Пораженіе нашего лѣваго фланга, увлекшее съ собою и главнокомандующаго, сожженіе моста на Алле, оставило насъ безъ приказаній и въ критическомъ положеніи. Непріятель, нѣсколько разъ съ урономъ отраженный, быть можетъ утомленный самою побѣдою и полагавшій насъ безъ переправы, отложилъ, кажется, наше истребленіе до утра; но мы нашли бродъ, хотя глубокій, и около полуночи перешли и соединились съ разбитою арміею. При этомъ я едва не утонулъ. Драгунъ, посадившій меня сзади на

крупъ свой лошади, былъ пьянъ, не попалъ на бродъ и на приготовленный подъемъ на берегу. Въ памяти осталась у меня бѣдная моя верховая лошадь. Во время сраженія, когда я слѣзъ съ нея, ядромъ прострѣлило ее насквозь, перервавъ подпруги и одно путлище. Долго пролежавъ, она встала и, не смотря на висѣвшія наружу внутренности, пошла за орудіями и проводила насъ до самой переправы.

Это было послѣднее сраженіе войны и кампаніи 1807 года. Ограничиваясь личными воспоминаніями, я не имѣлъ въ виду историческаго и военнаго описанія этой эпохи, въ общей исторіи Европы и особенной Наполеона столь важное мѣсто занимающей. Примѣчательныя дарованія приняли на себя этотъ великій трудъ. Записки Наполеона, образцовыя во многихъ отношеніяхъ, а тѣмъ болѣе бюллетени его, нужно читать съ осторожностію и недовѣрчивостію. Хотя еще неоспоримо побѣдитель въ общихъ послѣдствіяхъ, онъ уже оправдывается и частныя неудачи выставляетъ, какъ успѣхи.

Mentir comme un bulletin *, ввели въ пословицу сами Французы. Г-нъ Жомини, въ стратегическомъ отношеніи, превосходно описалъ кампаніи Наполеона; но этого еще не довольно тамъ, гдѣ всѣ самыя пламенныя страсти возбуждены были въ цѣлыхъ народахъ и отражались особенно на арміяхъ. Европа, хотя обязанная Россіи своимъ освобожденіемъ послѣ похода 1812-го года, неохотно платила ей дань признательности, и писатели ея не отдавали должной справедливости дѣйствіямъ ея войскъ. Часть ихъ описана иногда успѣшно Русскимъ военнымъ писателемъ г. Михайловскимъ - Данилевскимъ. Ясность—главное его достоинство, но не единственное. Ему открыты всѣ архивы государственные и даже секретные матеріалы, въ кабинетѣ Императора Александра найденные. Преткновеніе для его (неоспоримаго въ этомъ дѣлѣ) дарованія есть пристрастіе къ лицамъ, пользующимся въ настоящее время значеніемъ, какъ ничтожны бы ни были они во время

* Лгать какъ извѣстіе съ боеваго поля.

описываемыхъ имъ происшествій. Этотъ человѣкъ, души невозвышенной (чтобы не употребить выраженія болѣе строгаго) не оставилъ сомнѣнія о томъ ни въ одномъ изъ положеній своей жизни; но въ описаніяхъ своихъ, гдѣ касалось военной славы Россіи, согрѣвался иногда жаромъ неподдѣльнымъ и отдавалъ справедливость и тѣмъ, отъ которыхъ не могъ уже ничего ожидать. Онъ занятъ теперь походомъ 1806-го и 1807-го годовъ.

Отступленіе отъ Фридланда до Тильзита, хотя безъ сильнаго преслѣдованія, показало однако всѣ слѣды последняго несчастнаго сраженія и прежнихъ потерь. Порядокъ съ трудомъ возстановился. Переговоры о перемиріи немедленно начаты, и Императоръ Александръ самъ прибылъ къ арміи послѣ переправы на правый берегъ Нѣмана. Я не былъ свидѣтелемъ свиданія Наполеона съ Александромъ на паромѣ, среди рѣки. Отдаленіе и усталость удержали меня при полку. По заключеніи Тильзитскаго трактата, вѣроятно необходимаго, но глубоко оскор-

бившаго Россію, * армія разошлась по квартирамъ. Намъ досталось на Волыни мѣстечко Полонное; бригадная квартира въ мѣстечкѣ Любарѣ. Вмѣсто полковъ, артиллерія была раздѣлена на бригады, и нашей достался въ начальники А. П. Ермоловъ, не задолго передъ тѣмъ произведенный въ генералъ-маіоры.

Здѣсь воспоминанія мои носятъ на себѣ отливы чего-то семейнаго. Я жилъ съ Андерсомъ. Занятія мои, благодаря его отеческому вниманію, сдѣлались правильнѣе и настойчивѣе. Изученіе иностранныхъ языковъ, въ корпусѣ неуспѣшное, заняло меня особенно. Скромная жизнь и это прилежаніе вѣроятно обратили на меня вниманіе и возбудили ко мнѣ участіе Ермолова. Изъ бригады потребованъ былъ офицеръ для узнанія порядка службы въ Петербургъ. Выбрали меня, и Андерсъ отправилъ меня, какъ отправляютъ сына изъ отеческаго дома.

---

* Покойный А. С. Хомяковъ передавалъ намъ, что послѣ Тильзитскаго мира въ народѣ меньше стали пѣть пѣсенъ. *Изд.*

Эта поѣздка была дѣломъ Провидѣнія. Третій годъ проходилъ отъ выпуска моего въ офицеры, но это время прошло въ войнѣ и походахъ, не допускавшихъ переписки съ родными. Въ Петербургѣ я оставилъ мать, брата Петра и четырехъ сестеръ, которыхъ съ нетерпѣніемъ желалъ увидѣть. Но что̀ я нашелъ!

Время и смерть давно закрыли эту страницу жизни, темную, страшную, почти унизительную, и можно было бы оставить ее не раскрывая, забытую; но двѣ причины, послѣ нѣсколькихъ дней недоумѣнія, побудили меня выставить вамъ и эту картину страданій первыхъ лѣтъ вашего отца. Первая причина, вызвавшая меня оживить это горькое воспоминаніе, было желаніе, даже долгъ не умолчать о рѣдкомъ самоотверженіи, которому подобнаго я не знаю. И вторая, представить вамъ примѣръ, изъ какихъ положеній, если не предаваться отчаянію и, положась на Провидѣніе, дѣйствовать съ твердостію, можно выдти съ честью.

Мать свою я засталъ въ Обуховской больницѣ умалишенныхъ. Узнавъ объ

этомъ, въ первомъ негодованіи и огорченіи, я кинулся къ дядѣ моему, родному ея брату, Густаву Ивановичу Г., генералу по морскому вѣдомству, съ упреками и угрозами, почему онъ допустилъ до подобнаго уничиженія, не увѣдомивъ меня. Онъ мнѣ описалъ состояніе умственнаго здоровья матери моей какъ безнадежное, опасное подъ частнымъ надзоромъ, рѣдко достаточнымъ, и свое собственное стѣсненное положеніе: все это съ видимымъ замѣшательствомъ, не ожидавъ вѣроятно, чтобы кто либо изъ сыновей, по молодости, неопытности и заброшенныхъ въ арміи, могъ явиться на помощь къ своей матери и къ стыду роднаго ея брата. Покрывъ его глубокимъ презрѣніемъ, я отправился въ больницу. Меня ввели въ общую комнату, гдѣ окружили меня съ полсотни несчастныхъ женщинъ, которыхъ кровати стояли около стѣнъ тутъ же. Онѣ съ любопытствомъ, нѣкоторыя безумнымъ, другія почти наглымъ, тѣснились вокругъ молодаго, тогда семнадцатилѣтняго, щеголеватаго офицера. Изъ среды ихъ, мать моя, вызванная, посмотрѣвъ на меня внима-

тельно, бросилась съ воплемъ и слезами ко мнѣ на шею. Она узнала меня. Эта сцена произвела на минуту впечатлѣніе на всѣхъ присутствующихъ. Всѣ съ невольнымъ уваженіемъ нѣсколько отступили, смотрѣли на насъ съ видимымъ участіемъ и утихли. Я разспрашивалъ свою мать сперва съ осторожностію; она отвѣчала разсудительно, со всегдашнею ея кротостію, съ любопытствомъ о моей судьбѣ и только изъявляла свое удивленіе безъ негодованія, почему она здѣсь, не у себя, между страшными больными, когда у нея есть братъ и спросила, что̀ я намѣренъ дѣлать. Успокоивъ ее обѣщаніемъ, что, не теряя ни минуты, приступлю къ ея избавленію, съ сжатымъ сердцемъ и пылающею головою, я спросилъ главнаго смотрителя. Меня отвели къ доктору Еллизену. Онъ принялъ меня съ участіемъ и объявилъ мнѣ, что мать моя по временамъ только впадаетъ въ ипохондрію, тихую, ни для кого не опасную, привезена въ больницу своимъ братомъ, описавшимъ ее какъ опасную больную и оставившимъ ее

безъ всякаго пособія. Я требовалъ, чтобы мнѣ ее сейчасъ выдали; но докторъ объяснилъ мнѣ, что безъ разрѣшенія вдовствующей Императрицы Маріи Ѳеодоровны, принимающей въ матери моей участіе, этого сдѣлать нельзя и чтобы я обратился къ статсъ-секретарю Вилламову. Не заставъ его дома, я поѣхалъ къ директору Воспитательнаго Дома барону Гревеницу, гдѣ нашелъ, какъ въ немъ, такъ и въ женѣ его, урожденной княгинѣ Воронецкой, полное и искреннее участіе. Съ письмомъ отъ нихъ, на слѣдующее утро я поѣхалъ къ Вилламову. Онъ принялъ меня въ кабинетѣ и, въ мою выгоду предупрежденный, вѣроятно моею нѣжною молодостію и положеніемъ тронутый, обѣщалъ въ теченіе дня доложить Императрицѣ, прося пріѣхать къ нему на другой день для полученія отвѣта.

Я пріѣхалъ къ нему рано. Вилламовъ принялъ меня съ довольнымъ лицемъ, показалъ мнѣ собственную записку Государыни карандашемъ, въ которомъ, выхваляя поступокъ сына, разрѣшаетъ отдать ему мать и назна-

чаетъ ей пятьсотъ рублей пенсіи. Снабженный предписаніемъ въ больницу, я нанялъ карету и поѣхалъ туда. Не стану описывать радость матери и мои собственныя чувства. Но забота моя не кончилась. Куда же везти? Я не имѣлъ особенной квартиры, а остановился съ двумя товарищами, артиллеристами въ двухъ небольшихъ комнатахъ, гдѣ жили артелью, общими средствами. Не задумываясь, я повезъ ее къ моему Голоминскому начальнику и пріятелю Викторову, женатому, гдѣ насъ приняли какъ дома и гдѣ рѣшено было оставить на ихъ попеченіе матушку. Здѣсь должно обратиться назадъ, чтобы объяснить причину моей довѣренности и такого великодушнаго, рѣдкаго предложенія съ ихъ стороны.

Послѣ Голоминскаго сраженія, гдѣ Викторовъ оставленъ былъ за убитаго подъ своею лошадью, также убитою, я остался одинъ съ остальными двумя отъ шести орудій. Началось слѣдствіе, отъ чего до сраженія оставлены были въ грязи два орудія и съ трудомъ поспѣли къ дѣлу остальныя. Коман-

диръ Владимірскаго пѣхотнаго полка полк. Бенардосъ, при которомъ и на отвѣтственности и продовольствіи котораго была полурота, обратясь ко мнѣ съ запросомъ оффиціально, призвалъ меня къ себѣ и предложилъ показать на убитаго Викторова, что онъ недовольно продовольствовалъ артиллерійскихъ лошадей, на что ему были имъ отпущены деньги. Уважая память храбраго товарища, я не согласился на это, не смотря ни на убѣжденія, ни угрозы, а показалъ, что необыкновенная грязь и безпрерывный походъ, причины всѣмъ извѣстныя, довели до потери орудій. На угрозы я отвѣчалъ, что скорѣе докажу, что полковникъ не давалъ ему достаточныхъ способовъ на поддержаніе лошадей въ трудномъ походѣ. На этомъ и осталось. Вотъ другое обстоятельство. Солдатскія артельныя деньги, сумма довольно значительная, съ Викторовымъ пропали. Я показалъ ихъ пропавшими при взрывѣ ящиковъ въ сраженіи, изъ которыхъ въ одномъ хранились всѣ деньги, по неимѣнію казеннаго ящика въ этой полуротѣ. Мое показаніе было

принято, и деньги изъ казны возвращены. Такъ окончены были два эти дѣла, все въ увѣренности, что Викторовъ убитъ. По возвращеніи, послѣ Тильзитскаго міра въ свои границы, въ Полонное на Волыни, однажды когда я игралъ съ Андерсомъ въ пикетъ послѣ обѣда, вдругъ отворилась дверь и на порогѣ остановился Викторовъ на костыляхъ, безъ одной ноги. Вмѣстѣ съ восхищеніемъ, что вижу его, будто изъ мертвыхъ возставшаго, пролетѣла чрезъ душу мысль о счастливыхъ для него послѣдствіяхъ отъ моего вышеобъясненнаго поступка. И его это наиболѣе занимало. Узнавъ отъ меня всѣ подробности дѣла, онъ предался всей своей радости. Случившееся съ нимъ было ужасно. Картечнымъ выстрѣломъ, на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ, онъ былъ опрокинутъ съ лошадью. Правая нога была ниже колѣна раздроблена; кромѣ того еще двѣ раны, одна въ плечо, другая въ ляжку. Такъ онъ остался всю эту страшную ночь подъ лошадью, въ глубокой грязи Голоминской улицы. На утро подошли Баварцы, вытащили его

изъ подъ лошади, обобрали, и одинъ изъ нихъ сталъ тащить съ него сапоги съ раздробленной ноги. Страшная боль отъ вытянутыхъ жилъ возвратила ему чувства. Онъ умолялъ, чтобы его убили. Проходившій мимо Французскій гренадеръ отогналъ Баварцевъ; его подобрали, положили въ домѣ, потомъ отправили на телегѣ въ Варшаву, и тамъ уже, черезъ 4 недѣли послѣ полученной раны, отрѣзали ему ногу. Онъ все выдержалъ. Нѣжная заботливость дочери хозяина, у котораго онъ былъ помѣщенъ, много способствовала его выздоровленію. Изъ благодарности онъ женился на ней и по заключеніи мира возвратился въ Россію къ своей бригадѣ. Я пропустилъ въ своемъ мѣстѣ сказать, что когда его обшаривали Баварцы и взяли все, что̀ нашли, никто изъ нихъ не догадался пощупать боковаго кармана въ рейзутахъ, невиднаго подъ запекшеюся кровью и облитаго еще свѣжею. Такимъ образомъ у него осталась значительная сумма, много потомъ способствовавшая къ облегченію его положенія. Въ его новомъ положеніи, безногому и жена-

тому, въ арміи нечего было дѣлать. Онъ отправился въ Петербургъ для пріисканія себѣ мѣста.

Къ этому-то доброму человѣку и и къ его женѣ, столько же доброй, привезъ я свою бѣдную мать, которую они приняли какъ родную и сами просили оставить у нихъ, обнадеживая, что пенсіона ея достаточно будто для ея содержанія, безъ всякаго для нихъ стѣсненія. О дядѣ Г. И. Г-ѣ, послѣ его поступка, нечего было и думать. Мать моя осталась у нихъ. Должно прибавить, что Викторовъ еще былъ безъ мѣста и самъ съ женою съ трудомъ перебивался. Обращеніе ихъ съ больною было нѣжное и заботливое, какъ съ собственною матерію. И это продолжалась около трехъ лѣтъ. Не могу и понынѣ придумать подвига дружеской преданности выше и труднѣе этого.

Окончу здѣсь все, что̀ относится до моей матери. Она прожила еще двадцать лѣтъ послѣ этого, всегда тихая, ласковая, нѣжная къ своимъ дѣтямъ и, прожила послѣ дома Викторовыхъ нѣсколько лѣтъ у младшаго брата Петра

по выпускѣ его въ офицеры и скорой потомъ женидьбѣ, потомъ у меня, сперва въ Полошкахъ Черниговск. губ., а потомъ въ Тростянцѣ Полтавской губерніи; наконецъ, въ 1828 году, когда я выступилъ въ Турецкій походъ, старшій мой братъ Карлъ взялъ ее къ себѣ въ Могилевъ на Днѣстрѣ, гдѣ онъ былъ окружнымъ начальникомъ таможенъ. Въ томъ же году матушка тихо скончалась.

Уроки изъ этого грустнаго разсказа сами извлечете.

Между тѣмъ я явился къ начальнику гвардейской артиллеріи ген. маіору Эйлеру, отъ котораго зависѣла собранная отъ всей артиллеріи учебная команда. Онъ принялъ меня чрезвычайно обязательно. Человѣкъ добрый, вѣжливый, хорошій теоретикъ и строевой по артиллеріи, онъ былъ плохой военный въ сраженіи, и подъ Фридландомъ, гдѣ гвардейская артиллерія (на которую впрочемъ былъ обращенъ главный огонь рѣшительной аттаки маршала Нея) вела себя не отлично, Эйлеръ при этомъ случаѣ имѣлъ неприятную встрѣчу съ Ермоловымъ, ко-

торый безуспѣшно старался остановить бѣжавшія баттареи гвардейской артиллеріи. Но за то, когда послѣ сраженія, это обстоятельство сдѣлалось извѣстнымъ и потребовали отъ Ермолова объясненія о происшедшемъ, онъ благородно отвѣчалъ, что, исполнивъ свой долгъ, послѣ дѣла доносчикомъ быть не хочетъ. Такъ это было замято. Офицеръ бригады Ермолова не могъ быть Эйлеромъ дурно принятъ.

На сей разъ жизнь моя въ Петербургѣ была жизнь маленькаго офицера. Небольшую квартиру свою раздѣлялъ я съ двумя товарищами на общемъ иждивеніи, безъ особеннаго разсчета. У кого случались деньги, тотъ и платилъ. Одинъ изъ нихъ кап. Са-нъ, другой поручикъ Пихельштейнъ. Первый лѣтами обоихъ насъ старѣе, но не поведеніемъ. Раза два онъ поставилъ меня въ особенное затрудненіе. Вообще онъ предпочиталъ пуншъ крѣпкій слабому, и подъ вечеръ случалось ему быть въ слишкомъ веселомъ расположеніи. Разъ въ такомъ видѣ предложилъ онъ мнѣ прогуляться. Это было зимой; мы вышли на Невскій про-

спектъ, по срединѣ котораго былъ тогда возвышенный тротуаръ съ покатостью на обѣ стороны (à dos d'ane), обсаженный деревьями. Вообще зимой, особливо въ гололедицу, ходить по немъ было неудобно и скользко. Освѣщеніе проспекта было тогда еще ламповое: газу не знали. Са—нъ былъ малаго роста и косолапъ до того, что могъ въ одно время двоимъ подставить ноги, будто ненарочно. Этимъ то онъ вздумалъ забавляться на проспектѣ, и безъ того скользкомъ. Ему точно удалось повалить нѣсколько человѣкъ навстрѣчу шедшихъ. На этотъ разъ обошлось однимъ ругательствомъ. Я свелъ его съ проспекта на улицу и едва прошелъ съ нимъ нѣсколько шаговъ, какъ красивыя сани промчались мимо насъ, и пристяжная, кажется, немного задѣла головою С — на; онъ размахнулъ въ темнотѣ рукой, и полная оплеуха досталась мужчинѣ, сидѣвшему въ саняхъ съ двумя дамами. Закричали: стой! Мужчина въ бѣшенствѣ, съ пѣною у рта, выскочивъ, кинулся къ С — ну, который пустился бѣжать; но тотъ его догналъ и схва-

тилъ за воротъ. По первому движенію, товарищества, я подошелъ къ нимъ и потребовалъ, чтобы незнакомый тотчасъ выпустилъ С—на изъ рукъ, видя, что онъ офицеръ и что онъ можетъ найти удовлетвореніе въ обидѣ. На шумъ сталъ собираться народъ; подоспѣлъ квартальный офицеръ; С—нъ въ испугѣ молчалъ. Незнакомый въ изступленіи кричалъ и пѣнился; его дамы изъ саней кричали: разбой! Я, хладнокровно и тихо, сказалъ квартальному офицеру, что тутъ умышленной обиды никакой нѣтъ: лошадь толкнула С—на, онъ отъ нея отмахнулся и, быть можетъ, задѣлъ господина; чтобы онъ успокоилъ и удержалъ его, а я отведу С—на. Такъ и сдѣлали, Этотъ отъ страху совершенно протрезвился. Я посадилъ его на извощика, отвезъ домой, и остерегался уже ходить съ нимъ гулять. С—на я навсегда потомъ потерялъ изъ виду. Пихельштейнъ далѣе прошелъ со мною по моему пути.

*

(Писано въ 1846 году).

Зима съ 1807-го на 1808 годъ про-

шла, такъ сказать, въ офицерской жизни. По временамъ видѣлъ я однако и другое общество. Въ домѣ баронессы Гревеницъ принимали меня съ видимымъ участіемъ. Она была любезная, свѣтская, придворная дама. Моя нѣжная, неиспорченная молодость, кажется, тронула ее. Ей обязанъ я первымъ шагомъ въ свѣтскій кругъ; моя Спартанская неопытность при ея совѣтахъ стала смягчаться.

Весной мы выступили въ лагерь, и я назначенъ былъ лагернымъ адъютантомъ. При первомъ смотрѣ инспектора артиллеріи барона Петра Ивановича Меллера-Закомельскаго, этотъ достойный и умный человѣкъ оказалъ нѣжное ко мнѣ вниманіе, котораго благодѣтельное дѣйствіе я скоро почувствовалъ и въ продолженіе многихъ лѣтъ, до самой кончины его, испытывалъ.

Учебная команда послѣ лагеря была распущена. Не помню, когда и какъ я опять возвратился къ бригадѣ. Здѣсь наступилъ важный день моей жизни: А. П. Ермоловъ взялъ меня къ себѣ въ адъютанты съ переводомъ въ конную артиллерію, въ свою роту.

При этомъ имени я невольно остановился. И теперь, по истеченіи сорокалѣтняго періода, въ продолженіе котораго Россія сперва должна была отстоять свою цѣлость, потомъ двинулась на избавленіе Европы отъ ига Наполеона, наконецъ утвердила свое нынѣшнее могущество, періода, въ которомъ столько людей необходимо должны были возникнуть, обратить на себя общее вниманіе, не смотря на то, что нѣкоторые изъ нихъ по званію и значенію роли въ событіяхъ займутъ въ исторіи мѣсто гораздо высшее, но въ памяти народной, кромѣ, быть можетъ, Кутузова, ни одинъ не займетъ такого важнаго мѣста. Это тѣмъ замѣчательнѣе, что главнокомандующимъ, кромѣ Грузіи и Кавказа, въ Европейскихъ войнахъ онъ не былъ, хотя народная молва всякій разъ въ трудныхъ обстоятельствахъ предъ всѣми его назначала. Народность его принадлежитъ очарованію, отъ него лично исходившему на все его окружавшее, потомъ передавалась неодолимо далѣе и незнавшимъ его, напослѣдокъ распространилась на всю Россію во всѣхъ

ея сословіяхъ и, хотя весьма ослабленная многолѣтнимъ его устраненіемъ, живетъ и понынѣ въ народѣ. Наружность его была значительна и поражала съ перваго взгляда. Ростъ высокій, профиль Римскій, глаза небольшіе, сѣрые, углубленные, но одаренные быстрымъ, проницательнымъ взглядомъ; голосъ пріятный, необыкновенно вкрадчивый; даръ слова рѣдкій, желаніе очаровать всѣхъ и каждаго иногда слишкомъ замѣтное, безъ строгаго разбора какъ самыхъ лицъ, такъ и собственныхъ выраженій. Это послѣднее свойство, безъ мѣры развиваемое, привязало къ нему множество людей, толпѣ принадлежащихъ и остерегло многихъ болѣе вниманія достойныхъ. Впослѣдствіи оно же дало ходъ ѣдкому слову, съ высока на него павшему: c'est le héros des enseignes *. Это правда, но не однихъ прапорщиковъ.

Дѣйствіе подобнаго человѣка на все его окружающее, представляя столько прекраснаго къ подражанію,

* Это — герой прапорщиковъ.

имѣетъ однако свою вредную сторону. Онъ не любилъ графа Алексѣя Андреевича Аракчеева и князя Яшвиля. Мы всѣ возненавидѣли ихъ, какъ ненавидятъ юноши, съ изступленіемъ, и я, какъ ближайшій къ нему, болѣе другихъ. Это была важная ошибка и безъ сомнѣнія много впослѣдствіи мнѣ повредила. Ничего смолоду не должно болѣе остерегаться, какъ слѣпо допустить на себя вліяніе мнѣній или страстей человѣка, сколько бы онъ отличенъ ни былъ. Надо стараться дойти до собственнаго убѣжденія и даже тогда, не полагаясь на него совершенно, сохранять на словахъ и на дѣлѣ умѣренность, которая бы позволила безъ упрека и усилія признать свою ошибку, при убѣжденіи болѣе полномъ. Достиженіе этой осторожности и умѣренности должно бы быть главнѣйшею цѣлью хорошаго воспитанія. Нѣтъ ничего въ жизни нужнѣе этого, какъ въ отношеніи къ другимъ, такъ и къ самому себѣ. Остановитесь на этомъ. Обдумайте ваше прошедшее и сообразите ваши будущіе поступки. Пусть лучше ошибки отца, лишеннаго указа-

зателя, нежели ваши собственныя послужатъ для васъ остереженіемъ. Умѣренность есть величайшее выраженіе душевной силы. Она укрощаетъ бури въ самомъ себѣ и даетъ преимущество надъ другими.

Se contenir, c'est s'agrandir *.

Отъ этого времени осталась въ моей памяти поѣздка съ Андерсомъ и другими товарищами на балъ къ графу Ильинскому, сенатору, въ его Roma Nuova, какъ онъ назвалъ свою прекрасно устроенную усадьбу, среди лѣсовъ и болотъ. Великолѣпіе дома, украшеннаго хозяиномъ отъ щедротъ императора Павла, котораго онъ былъ любимцемъ, пышность стола, Итальянская опера, заключившая вечеръ, оставили впечатлѣніе очарованнаго сна. Высокій ростъ хозяина, чрезвычайная его сухощавость, молчаливая, хотя привѣтливая важность, этикетъ его двора (иначе нельзя назвать то, чтò тогда было) давали ему въ моихъ глазахъ видъ волшебника, по манове-

* Сдержать себя значитъ возвеличить себя.

нію котораго попеременно менялись сцены праздника. Помню, что по окончаніи бала онъ вошелъ въ большую залу на устроенную эстраду, и лица его дома, даже актрисы, поочередно подходили, цѣловали его руку и раскланивались. Помню наше удивленіе при этой сценѣ и потомъ насмѣшки. Итальянская опера доставила мнѣ мое первое сценическое наслажденіе. Оно врѣзалось въ моей памяти. Давали „Maëstro di Capella“, и Zamboni игралъ Maëstro. Это было, кажется, до моей поѣздки въ Петербургъ, гдѣ впрочемъ не помню была ли Итальянская труппа и едва ли случилось мнѣ быть въ театрѣ. По крайней мѣрѣ ничего не помню.

Квартира А. П. Ермолова была въ Любарѣ на Волыни, мѣстечкѣ графа Валевскаго. Помню важную и красивую его наружность, гораздо болѣе красоту его жены, возвышенную глубокимъ трауромъ. Изъ Любара мы перешли въ Ровно, князя Іосифа Любомирскаго. Здѣсь мы провели пріятное лѣто. Въ одинъ прекрасный день, когда мы прогуливались въ обширномъ

княжескомъ саду вдвоемъ съ Ермоловымъ, насъ засталъ дождь. Мы укрылись отъ него въ бесѣдкѣ. Намъ показалось тамъ жарко. Дождь былъ теплый, крупный и частый; песокъ въ аллеяхъ мягкій; въ эту пору и въ дождь въ саду не могло никого быть. Намъ пришла забавная мысль выкупаться на дождѣ. Мы раздѣлись до нага и выбѣжали изъ бесѣдки. Увлеченный молодостью и наслажденіемъ, я отбѣжалъ далеко по аллеѣ и на поворотѣ вдругъ столкнулся съ княгиней Любомирской, застигнутой въ прогулкѣ дождемъ и спѣшившей тоже почти бѣгомъ домой. Можно вообразить, каково было взаимное положеніе наше; въ моей адамической наготѣ я убѣжалъ, какъ вѣрно не бѣжала первобытная чета отъ пламеннаго меча Ангела, изгнавшаго ее изъ рая, въ бесѣдку. Въ первый разъ, что я по какому-то порученію долженъ былъ говорить съ нею, я едва смѣлъ поднять на нее глаза.

Помню какъ сонъ, поѣздку съ Ермоловымъ въ Житомиръ. Губернаторомъ Волыни былъ Комбурлей, мущи-

на статный, богатый, преданный наслажденіямъ жизни. Жена его, Анна Андреевна, урожденная Кондратьева, милая и прекрасная женщина, пользовалась общимъ и заслуженнымъ уваженіемъ, и въ настоящія преклонныя свои лѣта, послѣ долгаго вдовства сохраненнымъ. Въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль мы проводили почти всякій день въ ихъ домѣ, частыми и великолѣпными балами, роскошными обѣдами оживленномъ. Музыка и пѣвчіе отвѣчали общему великолѣпію дома. Въ городѣ былъ штабъ конной дивизіи, начальникомъ ген.-лейтенантъ бар. Егоръ Ивановичъ Меллеръ-Закомельскій, одно изъ пріязненныхъ лицъ, коего встрѣча вѣроятно имѣла безъ моего вѣдома выгодное вліяніе на мою службу. Прекрасной наружности, не смотря на пожилыя лѣта, отличнаго образованія, пріятнаго, острого, не безобиднаго ума, братъ умнаго Петра Ивановича, уже прилаcкавшаго меня, онъ оказалъ мнѣ тоже особенное вниманіе. Онъ былъ въ постоянной дружбѣ съ Ермоловымъ. У меня остались въ памяти пріятныя

прогулки съ нимъ верхомъ на лошадяхъ его богатой конюшни. Бесѣда его была обворожительна, и воспоминаніе объ немъ доставило мнѣ и теперь грустную отраду.

Михаилъ Ивановичъ Комбурлей, родомъ Грекъ, вышелъ въ люди при Потемкинѣ. Женидьба его обогатила, но видно не довольно для его Потемкинскихъ привычекъ. Въ то время на нашихъ границахъ, особливо на западной, производилась самая наглая контрабанда. Нѣсколько важнѣйшихъ таможенъ, особливо Радзивиловская, въ губерніи, управляемой Комбурлеемъ, особенно этимъ отличались. Ввозъ фальшивыхъ ассигнацій въ значительномъ количествѣ обратилъ впослѣдствіи вниманіе правительства. Не знаю, что̀ было открыто, послабленіе ли, нераденіе ли, но у Комбурлея въ домѣ и въ деревнѣ были обыски, самъ онъ отрѣшенъ съ огласкою и скоро потомъ умеръ въ немилости. Достойная жена его проводитъ, кажется, счастливую старость въ Петербургѣ, въ домѣ сенатора Бутурлина, женатаго на ея старшей дочери.

Насталъ 1809-й годъ. Австрія, униженная, стѣсненная новыми и безпрерывными притязаніями Наполеона, послѣ тайныхъ и напослѣдокъ явныхъ, огромныхъ новыхъ приготовленій къ новому противъ него усилію (въ надеждѣ на раздѣленіе силъ своего противника, занятаго войною въ Испаніи) внезапно также возстала не него, и армія подъ предводительствомъ эрцъгерцога Карла, любимца народнаго, вступила въ Баварію. Роль Россіи на этотъ разъ была затруднительна. Двѣ войны въ одно и тоже время—съ Турціей и съ Швеціей, на двухъ оконечностяхъ Имперіи, уже занимали ее, предпринятыя съ согласія Наполеона, въ личномъ свиданіи съ императоромъ Александромъ въ Эрфуртѣ, не только съ тѣмъ, чтобы и ему не препятствовать въ его видахъ на Испанію и Италію, но въ случаѣ войны съ Австріей выставить противъ нея 30 т. корпусъ Русскихъ войскъ. Не оставалось ничего инаго, какъ выполнить это условіе, ненавистное для Россіи, для арміи и безъ сомнѣнія для самаго правительства. Этотъ корпусъ былъ болѣе наблюда-

тельный, чѣмъ дѣйствующій и имѣлъ значеніе двоякое, смотря по успѣхамъ воюющихъ армій. Дивизія князя Аркадія Александровича Суворова, сына безсмертнаго Суворова, къ которой мы принадлежали, назначена была въ дѣйствующій корпусъ войскъ, подъ предводительство князя Сергѣя Ѳеодоровича Голицына ввѣренный. Но Ермоловъ оставленъ былъ съ кадрами корпуса для сформированія резерва. Квартира его перенесена была въ Кіевъ. Кадры нѣкоторыхъ полковъ были оставлены въ большомъ безпорядкѣ. Нужны были объясненія съ командирами полковъ, выступавшихъ въ Галицію. Я былъ отправленъ туда. Въ Тарновѣ я догналъ главную квартиру и засталъ Суворова. Связанный дружбою съ Ермоловымъ и вообще очень доступный, онъ принялъ меня съ простодушною ласкою и тотчасъ повелъ къ главнокомандующему, князю Голицыну. Пріемъ его былъ привѣтливый. Меня оставили обѣдать. За столомъ сидѣло человѣкъ сорокъ, и военная свобода съ приличіемъ оживляла общество, свидѣтельствуя объ умномъ

радушіи вельможи - хозяина. Послѣ стола князь Суворовъ ввелъ меня въ болѣе близкое общество, въ небольшую гостиную главнокомандующаго. Таже ободрительная привѣтливость встрѣтила меня и тамъ. Благотворно дѣйствуютъ на молодость вниманіе и вѣжливость обращенія старшихъ, особенно когда они выражаются въ изящныхъ формахъ высшаго образованія, хотя бы наружнаго.

Изъ Тарнова я отправился вмѣстѣ съ княземъ Суворовымъ въ Величку, гдѣ была его квартира. Проѣздомъ черезъ Бохнію, спускались мы въ соляныя копи, уступающія важностью Величкѣ, но весьма замѣчательныя. Въ Величкѣ я жилъ у князя и былъ свидѣтелемъ безпорядочной, солдатской его жизни. Князь Суворовъ былъ высокаго роста, бѣлокурый, примѣчательной силы и одинъ изъ прекраснѣйшихъ мущинъ своего времени. Съ природнымъ, яснымъ умомъ, пріятнымъ голосомъ и мѣткимъ словомъ, съ душою не знавшею страха ни въ какомъ положеніи, съ именемъ безсмертнымъ въ войскѣ и народѣ, онъ былъ идо-

ломъ офицера и солдата. Воспитаніе его было пренебрежено совершенно. Онъ, кажется, ничему не учился и ничего не читалъ. Страсть къ игрѣ и къ охотѣ занимала почти всю его жизнь и въ конецъ разстроила его состояніе. Но таковы были душевная его доброта и вся высокая его природа, что не возможно было его не уважать и еще менѣе не полюбить его.

Краковъ былъ занятъ авангардомъ дивизіи князя Суворова подъ начальствомъ графа Сиверса. Онъ поспѣлъ туда прежде Польскихъ войскъ и, хотя въ союзѣ съ ними, рѣшено было кажется не впускать ихъ въ городъ.Но князь Іосифъ Понятовскій требовалъ непремѣнно и даже угрозительно быть впущеннымъ. Наши войска были готовы, несмотря на свою малочисленность, по ненависти къ Полякамъ, отразить ихъ оружіемъ и умоляли графа позволить имъ открыть огонь. Но онъ не рѣшился на то, и послѣ короткихъ переговоровъ Польскія войска вступили въ Краковъ и заняли его совмѣстно съ нашими. Взаимная народная ненависть стала обнаруживаться еже-

дневными дуэлями между офицерами, даже между солдатами. Караулы были обоюдные, гауптвахта противъ гауптвахты, и разъ одна аттаковала другую. Были убитые и раненые. Зачинщиками были наиболѣе Поляки, которыхъ дисциплина была слабѣе нашей. Положенiе графа Сиверса было невыгодно въ присутствiи графа Iосифа Понятовскаго, блистательнаго, любимаго, среди народа ему преданнаго.

Князь Суворовъ, для прекращенiя всѣхъ безпорядковъ и недоразумѣнiй, рѣшился самъ перенести свою квартиру въ Краковъ. Мы отправились туда верхомъ. Помню этотъ въѣздъ въ Краковъ. На всѣхъ лицахъ видно было сильнѣйшее возбужденiе. Одной искры было бы достаточно, чтобы зажечь общiй пожаръ и залить кровью улицы города. Время было прiѣхать самому Суворову и своимъ грознымъ хладнокровiемъ успокоить волненiе. Князь Понятовскiй первый посѣтилъ его, и я былъ свидѣтелемъ свиданiя довольно страннаго. Суворовъ принялъ его въ одной рубашкѣ, сидя, потому что надѣвалъ въ это время пан-

талоны. Умный и ловкій Понятовскій, нимало такимъ пріемомъ не смѣшанный, принялъ тотчасъ пріязненный тонъ, такъ что они разстались и потомъ остались на самой дружеской ногѣ. Все враждебное стихло по наружности въ Краковѣ; началась бѣшеная игра, веселости, волокитство, въ которомъ побѣда, тамъ гдѣ было между ими совмѣстничество, осталась за Суворовымъ.

Сію минуту пришли мнѣ на память слова князя Суворова еще въ Величкѣ, при полученіи послѣднихъ одно за другимъ тревожныхъ извѣстій, часто для насъ уничижительныхъ, изъ Кракова. Обратившись ко мнѣ: „Я хотѣлъ сказалъ онъ, поручить авангардъ А. П. Ермолову, а не графу Сиверсу, и тогда не знаю, что̀ бы было; а было бы не то. Скажи это ему отъ меня“.

Наша кампанія была окончена. Австрійцы занимали Подгурже, и аванпосты стояли мирно одни противъ другихъ. Съ нетерпѣніемъ ожидались вѣсти изъ Вѣны съ берега Дуная, гдѣ рѣшался жребій войны между Наполеономъ и эрцъ-герцогомъ Карломъ.

Асперискій бой, бѣдственный для перваго, послѣдствія котораго могли бы кажется быть рѣшительнѣе, обрадовалъ насъ и навелъ уныніе на Поляковъ, ненавистныхъ нашихъ союзниковъ; но шесть недѣль позже, Ваграмское сраженіе дало войнѣ привычный тогда побѣдный оборотъ Наполеону. Поляки торжествовали.

Въ промежуткѣ я попросился у князя Суворова съ нѣкоторыми офицерами взглянуть на аванпосты Австрійцевъ предъ Подгуржемъ. Мы подъѣхали къ нимъ такъ близко, что привели ихъ въ движеніе. Офицеръ, ими командовавшій, подъѣхалъ къ намъ спросить, чего мы хотимъ. Я отвѣчалъ, что желаемъ взглянуть на сѣрные ключи Подгуржа. Онъ послалъ спросить приказанія старшаго, и насъ чрезъ нѣсколько минутъ ожиданія вѣжливо пригласили въ Подгурже. Насъ приняли обязательно, и мы въ тотъ же вечеръ возвратились въ Краковъ. Эта выходка несовсѣмъ понравилась князю Суворову, не хотѣвшему подать Полякамъ явнаго повода упрекать насъ въ доброжелательствѣ Австрійцамъ.

Ни времени, ни обстоятельствъ возвращенія моего въ Кіевъ не припомню. Я жилъ съ А. П. Ермоловымъ во флигелѣ дома Оболонской, въ то время одного изъ лучшихъ въ Кіевѣ. Хозяйка, сама занимавшая домъ, не могла намъ доставить собою пріятнаго общества, развѣ забавлять своими странностями, дошедшими въ послѣдствіи до помѣшательства. Она сестра нашего сосѣда по Полтавской деревнѣ, Ивана Александровича Якубовича.

Обращусь опять къ князю Суворову, съ которымъ и въ воспоминаніи разстаюсь неохотно. Возвращаясь съ нимъ послѣ нѣсколькихъ дней пребыванія въ Краковѣ опять въ Величку, въ мѣсячную ночь, верхомъ, я ѣхалъ рядомъ съ нимъ; другіе, отставши, поодаль. Мы разговаривали о разгульной жизни въ Краковѣ, не смотря на взаимную вражду нашу съ Поляками, и я, предаваясь совершенно откровенности съ человѣкомъ искренно мною любимымъ, сказалъ между прочимъ, какъ невыгодно и даже вредно должно было быть для насъ въ глазàхъ Поляковъ поведеніе нѣсколькихъ старшихъ нашихъ генера-

ловъ, на примѣръ князя Юрія Владиміровича Долгорукаго и другихъ, дни и ночи проводившихъ въ карточной игрѣ, пирахъ и разгульѣ. Тогда только вспомнилъ я, что попалъ, какъ пословица говоритъ, „не въ бровь, а прямо въ глазъ.“ Я взглянулъ на князя и замѣтилъ легкую краску на его прекрасномъ лицѣ, безъ малѣйшаго выраженія неудовольствія. Обращеніе его со мною до конца осталось по прежнему самое обязательное.

Не прошло двухъ лѣтъ послѣ этого, какъ переведенный въ Молдавскую армію, этотъ молодой герой, полный надеждъ, всѣми любимый, переѣзжая (не смотря на убѣжденія въ невозможности переѣзда), по привычному безстрашію, въ коляскѣ съ генералъ-маіоромъ Удомомъ, Рымникъ (ничтожный ручей, но тогда надувшійся отъ наводненія) былъ опрокинутъ и увлеченъ быстриною. Удомъ былъ спасенъ, а Суворовъ отысканъ уже трупомъ въ той же рѣкѣ, которой славное названіе Рымникскаго онъ наслѣдовалъ отъ отца, въ память безсмертной побѣды. Горесть арміи была общая, и стѣны церкви въ

мѣстечкѣ Рымникѣ, гдѣ онъ, кажется, похороненъ, еще въ 1828-мъ году были покрыты изъявленіями въ стихахъ и прозѣ участія многихъ Русскихъ въ общей потерѣ. И это передъ 12-мъ годомъ, въ которомъ бы онъ вѣрно занялъ важное и славное мѣсто! Послѣ него два сына носятъ это трудное имя....

Въ воспоминаніяхъ этого безцвѣтнаго времени гримаситъ предо мною фигура моего сосѣда по комнатѣ, маіора Нагаткина, котораго А. П. Ермоловъ взялъ не знаю откуда и потомъ сбылъ не знаю куда. Маленькій, толстенькій, грязный, нечесанный, большею частію лежащій лѣтомъ и зимой подъ вытертой медвѣжьей шубой, начитанный Вольтеріанской шуточной литературы, со всегдашней сардонической усмѣшкой или съ громкимъ хохотомъ, ни къ кому и ни къ чему не привязанный, не рѣдко острый, едва-ли къ чему годный,—мы остались чужды одинъ другому, хотя бывали часто вмѣстѣ. Впрочемъ цинизмъ его во взглядѣ на свѣтъ и жизнь былъ болѣе со стороны смѣшной, нежели горькой и ненавистной. Это вырвавшееся у меня замѣчаніе не-

вольно навело меня на другаго циника, но ядовитаго, болѣе образованнаго, принадлежащаго кругу повыше, съ которымъ свела меня служба гораздо позже и ближе, чѣмъ съ первымъ. Упоминаю объ немъ теперь, хотя знакомство съ нимъ относится къ иному времени, чтобы не забыть вовсе, и по нѣкоторому сходству съ Нагаткинымъ, даже физическому. Это баронъ Ч., въ 1828 году адъютантъ Николая Михайловича Бороздина, въ 1829-мъ причисленный къ штабу г-на барона Гейсмара. Одинъ его отвѣтъ мнѣ, лучше всякаго описанія, изобразитъ его. Въ Февралѣ 1829-го года, возвратясь съ осмотра взятой нашими войсками наканунѣ штурмомъ Турецкой крѣпостцы Кале, съ большою однакожъ потерею, гдѣ мы застали еще кровь и на снѣгу лежавшіе трупы не всѣ убранные, я спросилъ его о причинѣ веселости и злобной усмѣшки, съ которыми онъ смотрѣлъ на меня. „C'est parceque j'ai vu, отвѣчалъ онъ, mes amis les chiens manger mes ennemis les hommes.“ *

---

* Оттого, что я видѣлъ, какъ мои друзья собаки ѣли моихъ враговъ людей.

Но въ Москвѣ процвѣталъ тогда главный представитель этой школы безнравственности, графъ Т. —, прозванный Американцемъ. Черты изъ его жизни разбросаны по романамъ того времени и попали даже къ поэму Пушкина, Онѣгинъ. Я былъ знакомъ съ нимъ, въ послѣдствіи встрѣчался не рѣдко, раза два у него обѣдалъ и, кажется, не скрылъ отъ него моего сожалѣнія, что столько рѣдкихъ способностей, какими Небо его одарило, не нашло лучшаго употребленія. Онъ сыгралъ со мною роль раскаянія, быть можетъ мгновенно и чувствовалъ его, даже слезы къ моему удивленію вырвались изъ его тусклыхъ, непостижимаго цвѣта глазъ, по мужественному его лицу. Не помню, что̀ подало поводъ къ подобному обороту разговора. Я засталъ его уже противъ обыкновенія разстроеннымъ. Передъ тѣмъ онъ лишился малолѣтней дочери, и разсказывали, будто отъ неосторожнаго удара въ минуту запальчивости. Таинственное значеніе этого человѣка для тогдашней молодежи, особливо въ Москвѣ, отразилось на многихъ и въ

раннемъ цвѣтѣ погубило надежды общества и родителей во многихъ юношахъ, природою счастливо одаренныхъ. Не знаю, что̀ съ нимъ сдѣлалось, живъ ли или умеръ; но давно объ немъ ничего не слышно. Подобное явленіе теперь кажется невозможнымъ. Ни правительству, ни обществу въ тогдашнія бурныя времена нѣкогда было заниматься отдѣльными лицами, безъ политической причины. Во времена устройства и общественной тишины, такіе характеры исчезаютъ или не ищутъ извѣстности, для нихъ невыгодной.

Я даже забылъ упомянуть, что графъ Т. . . й былъ по превосходству карточный игрокъ на вѣрняка, по ихъ выраженію, и забылъ вѣроятно потому, что раззореніе или разстройство имущества не считаю главнымъ зломъ для жертвъ, попадавшихъ въ его руки, но постепенное приготовленіе къ тому, всякаго рода растлѣніемъ нравовъ, искорененіемъ или искаженіемъ всѣхъ понятій о честности, мужествѣ, скромности, порядкѣ жизни. Потомъ они уже служили ему новыми орудіями противъ другихъ.

Помню, что разсказывали объ немъ, будто остановленный противникомъ при передергиваньи карты, онъ нисколько не смутясь отвѣчалъ ему: „Это правда; но я не люблю, чтобы мнѣ это говорили.“ Это слово принадлежитъ не ему первому. Я нашелъ его въ Запискахъ Сенъ-Симона. Жаль, что отнимаю у него право на это жалкое преимущество. — Незавидная его извѣстность началась убіеніемъ на дуели молодаго Нарышкина.

Я наполняю разсказами (хронологическому порядку этихъ Записокъ мало или нисколько не принадлежащими, но нѣкоторыя общія черты тогдашняго времени выражающими) пустые для меня мѣсяцы конца 1809-го и начала 1810-го года, между тѣмъ какъ готовился совершенно неожиданно переворотъ, бросившій меня въ кругъ общества и дѣлъ, вовсе для меня новый и неизвѣстный.

1810-й годъ.

Въ началѣ этого года, не помню въ которомъ мѣсяцѣ, Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, позвавъ меня изъ своего

кабинета, съ озабоченнымъ видомъ подалъ мнѣ только что распечатанное имъ оффиціальное письмо отъ военнаго министра Барклая де Толли. Смыслъ содержанія его былъ слѣдующій. Имѣя въ виду важное порученіе, для котораго нуженъ офицеръ съ образованіемъ, свѣдѣніями, нѣкоторою опытностію и надежнымъ поведеніемъ, онъ полагаетъ, что адъютантъ его выбора долженъ соединять въ себѣ эти качества и потому проситъ прислать его немедленно въ Санктпетербургъ, гдѣ по прибытіи онъ имѣетъ явиться къ дежурному генералу. Прочитавъ нѣсколько разъ это письмо и отдавая его Алексѣю Петровичу, я опять пораженъ былъ безпокойствомъ, болѣе усилившимся на его лицѣ. Взглянувъ на меня заботливо, онъ спросилъ: не припомню-ли я какой неосторожности, какого нибудь необдуманнаго слова, сказаннаго въ обществѣ или наединѣ кому нибудь. Пробѣжавъ быстро въ памяти прошедшее, я не нашелъ ничего довольно важнаго, могущаго придать основаніе такому предположенію. Происшествія первой его молодости въ царствованіе

императора Павла сдѣлали его недовѣрчивымъ. Но времена совершенно измѣнились. Конечно, странно должно было показаться, особенно ему, меня знавшему, но могу прибавить и самому мнѣ, чтобы военный министръ, имѣя гвардію подъ рукой и цѣлую армію для выбора, остановился на двадцатилѣтнемъ, армейскомъ поручикѣ безъ имени, безъ связей, для котораго время молвы, ни хорошей, ни дурной не могло еще наступить. Поводъ къ этому выбору и по сіе время остался для меня тайною. Полагаю, что братья Меллеры-Закомельскіе могли имѣть въ немъ главное участіе.—Надобно было ѣхать.

Не смотря на прелесть въ молодыя лѣта новости и неизвѣстности, я оставлялъ съ глубокою грустью любимаго своего начальника на неопредѣленное время. Окончивъ нетрудныя и короткія свои приготовленія, достойныя курьерской перекладной повозки, безъ неудобства всѣ мои пожитки вмѣстившей, я пошелъ еще разъ проститься съ Алексѣемъ Петровичемъ. Онъ благословилъ меня, велѣлъ принять какъ отъ отца тысячу рублей (они и теперь

за мной; не забудьте этого, когда встрѣтите его сыновей въ нуждѣ) и, приказавъ увѣдомлять о себѣ, со слезами на глазахъ отпустилъ меня.

И теперь сообщенія въ Россіи очень дурны, но тогда они были еще гораздо хуже. Нерѣдко даже большія дороги не были отбиты прямыми линіями, но извивались прихотливо по пространству. Разстояніе между столицами и нѣкоторые другіе главные пути къ Петербургу, пролегавшіе по мѣстамъ лѣсистымъ и болотнымъ, были выложены кругляками, то есть жердями, которые въ дождливое время, поднимаясь отъ воды, плясали подъ ѣдущимъ, какъ клавиши рояля подъ пальцами музыканта. Надобно было имѣть крѣпкую грудь и молодыя кости, чтобы вынести курьерскую скачку день и ночь по такой дорогѣ. Это былъ родъ пытки. Я проѣзжалъ большія разстоянія, опираясь о повозку руками, чтобъ дать груди отдохнуть отъ тряски и толчковъ. Когда сонъ одолѣвалъ меня, то голова поперемѣнно постукивалась то объ правую, то объ лѣвую изъ сторожекъ, съ обѣихъ сторонъ торчав-

шихъ, такъ что послѣдователь системы Галля изумился бы огромнымъ и новымъ для него выпуклостямъ и формамъ органовъ черепа, съ которыми я пріѣхалъ въ Петербургъ.

Дежурнымъ генераломъ былъ тогда генералъ-лейтенантъ Александръ Борисовичъ Фокъ. Онъ принялъ меня привѣтливо и самъ повезъ къ военному министру. Этотъ достойный мужъ (я говорю теперь про Барклая де Толли) дошедшій трудовою службою и многими ранами до тогдашняго своего высокаго званія, скоро потомъ занявшій безукоризненное и знаменитое мѣсто въ Исторіи, почтилъ меня также благосклоннымъ пріемомъ. Но о причинѣ моего призыва ни тотъ, ни другой не сказали мнѣ ни слова: мнѣ сказано было только впредъ до повелѣнія оставаться въ Петербургѣ и ходить часто къ обоимъ. Не много прошло дней, какъ я у Александра Борисовича Фока и его добраго и прекраснаго семейства былъ уже какъ въ своей собственной семьѣ. Къ Барклаю де Толли ходилъ я гораздо рѣже не потому, чтобы пріемъ его былъ менѣе привѣтливъ, но

онъ былъ вообще не разговорчивъ, всегда озабоченъ и благосклонность свою изъявлялъ болѣе отеческимъ взглядомъ, чѣмъ словами.

Между тѣмъ дежурный генералъ незамѣтно свелъ меня съ Рахмановымъ и Вельяминовымъ, издававшими тогда Военный Журналъ, которымъ поручено исподоволь дѣлать мнѣ испытаніе въ языкахъ и военныхъ наукахъ. Если имъ удалось открыть что нибудь порядочное, то они были счастливѣе меня: ибо, замѣтивъ, что на меня обращено особенное вниманіе и вникнувъ въ самаго себя, я не могъ не убѣдиться, что если кое-чему были во мнѣ начала, то твердаго, готоваго, основательнаго, конечно, не было ничего. Не смотря на это искреннее убѣжденіе или быть можетъ по причинѣ его, я находилъ вездѣ самый обязательный пріемъ. Экзаменаторы мои были оба люди замѣчательные и доказали это въ послѣдствіи; оба съ основательными свѣдѣніями, тогда довольно рѣдкими, оба математики, литераторы, а Рахмановъ (на бѣду его пріятелей) имѣлъ еще несчастную страсть къ музыкѣ, которой

гармонію искалъ особенно въ математическихъ вычисленіяхъ. Трудно себѣ вообразить какофонію, какою онъ насъ угощалъ за своимъ фортепіано. Добрый, честный, циникъ въ одеждѣ, иногда въ выраженіяхъ. Никто изъ тѣхъ, кто его зналъ, его не забудетъ. Я какъ теперь его вижу и жалѣю, что въ числѣ портретовъ, теперь въ моемъ сельскомъ кабинетѣ меня окружающихъ, недостаетъ его портрета. Онъ былъ тогда, кажется, полковникомъ по квартирмейстерской части, что̀ нынѣ генеральный штабъ; въ 1813 году командовалъ пѣхотнымъ, не помню которымъ, полкомъ и въ Лейпцигскомъ сраженіи, уже въ улицѣ города, палъ геройскою смертію впереди полка. Вельяминовъ, съ которымъ я не только чаще встрѣчался, но нѣкоторое время потомъ служилъ совмѣстно при А. П. Ермоловѣ (съ нимъ въ званіи начальника штаба перешедшій въ Грузію) окончилъ свою службу и жизнь командующимъ на Кавказской линіи, гдѣ я былъ его преемникомъ. Онъ оставилъ по себѣ уважаемое имя. Этотъ весьма просвѣщенный и къ тому уче-

ный человѣкъ унесъ съ собою много изъ того, что̀ перечувствовалъ и никому не сообщилъ. Пренебреженіе его къ людямъ, къ жизни, быть можетъ и нѣкоторая застѣнчивость придали ему разныя странности, какую-то лѣнь и вовлекли въ важныя по его мѣсту ошибки, излишнею довѣренностью, близкими къ нему во зло употребленною, и недоступностью для другихъ.

Выгода такого сочиненія (если только можно назвать это сочиненіемъ) есть свобода безъ всякаго порядка перескакивать съ одного предмета на другой, по мѣрѣ того какъ воспоминанія пробуждаются въ головѣ или въ сердцѣ. Сію минуту пришло мнѣ на память обстоятельство, въ своемъ мѣстѣ забытое, но которое цѣлой моей жизни могло дать иное направленіе. Въ первую мою бытность въ Петербургѣ, для узнанія порядка службы, я нечаянно узналъ, что меня имѣютъ въ виду и, быть можетъ, представили уже къ переводу въ 1-й кадетскій корпусъ, мѣсто моего воспитанія. Испуганный, менѣе по разсчетамъ разсудка, сколько (долженъ признаться) по отвраще-

нію отъ корпусной жизни, я, не теряя минуты, поѣхалъ въ корпусъ, куда не любилъ ѣздить, къ директору Перскому. Онъ подтвердилъ мнѣ въ самыхъ ласкательныхъ выраженіяхъ справедливость этого извѣстія о желаніи имѣть меня подъ своимъ начальствомъ. Я сильно, хотя вѣжливо, изъяснилъ ему мою неодолимую неохоту къ такого рода службѣ, и наконецъ на его неистощимые комплименты и убѣжденія рѣшительно объявилъ, что день моего перевода въ корпусъ будетъ для меня днемъ подачи въ отставку, если иначе этого измѣнить нельзя будетъ. Такъ это дѣло и кончилось. Одному Провидѣнію извѣстно, хорошо ли я сдѣлалъ; но судьба моя была бы вовсе другая.

Мѣсяца два прожилъ я такимъ образомъ въ Петербургѣ, не понимая, къ чему меня готовятъ, какъ въ одно утро А. Б. Фокъ послалъ за мною и объявилъ мнѣ, что я долженъ отправиться къ Баварскому посольству въ Мюнхенъ и буду числиться по министерству иностранныхъ дѣлъ. Это не входило въ мои разсчеты и было противно моимъ намѣреніямъ не оставлять воен-

наго поприща. Онъ успокоилъ меня, что, въ случаѣ войны, я опять надѣну военный мундиръ и что въ старшинствѣ ничего не потеряю.

Поводомъ къ этой мѣрѣ было слѣдующее: миссіи наши при иностранныхъ дворахъ, не смотря на тогдашній рѣшительный перевѣсъ меча надъ перомъ, оставались на дипломатической ногѣ и не довольно обращали вниманія на все, до военныхъ приготовленій въ Европѣ относившееся. Да и тѣ свѣдѣнія, которыя доходили дипломатическимъ путемъ до канцлера графа Румянцева, не всегда сообщались вполнѣ военному министру. Барклай де Толли нашелъ, что по возможности обстоятельствъ необходимо было имѣть при значительныхъ миссіяхъ военныхъ офицеровъ, которые бы, если не исключительно, то въ особенности занимались наблюденіями по части военной, во всѣхъ ея отношеніяхъ. Чернышевъ (нынѣ князь и военный министръ) находился уже съ этою цѣлію въ Парижѣ, Брозинъ въ Касселѣ и Ренне въ Берлинѣ. Мнѣ осталось только удивляться, что на меня могъ

пасть такой выборъ. Но обращеніе со мною было такъ одобрительно, послѣ продолжительнаго испытанія, что я не безъ удовольствія и надежды перешелъ на вовсе новое для меня поприще.

*

Возвращаюсь къ Запискамъ, нѣсколько времени прерваннымъ.—Воспоминанія мои, въ этотъ періодъ столь неожиданной и совершенной перемѣны моего положенія, пробуждаютъ въ памяти не одно удовольствіе и надежды, которыми я заключилъ послѣднія передъ этими строки, но много грустнаго, дотолѣ непривычнаго и вовсе мнѣ чуждаго. Военная жизнь въ первыхъ чинахъ имѣетъ или тогда имѣла, особенно въ артиллеріи, много похожаго на жизнь семейную. Мое отношеніе къ А. П. Ермолову, со времени моего адъютанства, еще болѣе походило на бытъ семейный. Заботъ о матеріальной жизни никакихъ. Я почти не зналъ употребленія денегъ. Квартира, столъ, книги готовыя. Мундиръ носился долго; бѣлье простое, военное, рѣдко требовало поновленія. Словомъ,

все казалось хорошо, достаточно и одинаково со множествомъ товарищей, одною жизнію со мною жившихъ. Всѣ были довольны, и никому въ душу не западало, кому нибудь или чему нибудь завидовать. Брошенный внезапно изъ этого беззаботнаго круга, одинокій, въ свѣтъ для меня совершенно новый, неизвѣстный, ничѣмъ къ тому, ни состояніемъ, ни воспитаніемъ, ни связями не приготовленный, я могу и теперь припомнить много горькихъ ощущеній, тогда безъ сомнѣнія отравлявшихъ все хорошее, котораго такъ много со мною встрѣтилось.

И такъ я отправился за границу. Перелетѣвъ на курьерскихъ до Прусской границы въ Мемелѣ, я былъ взбѣшенъ медленностью ѣзды и грубостью почтарей въ Пруссіи и со стыдомъ теперь вспоминаю, что разъ погрозилъ одному пистолетомъ; это было передъ Кенигсбергомъ, на песчаной дорогѣ, берегомъ моря, гдѣ одно колесо шло въ водѣ, а другое врѣзывалось въ песокъ. Увидѣвъ почтаря, возвращавшагося съ лошадьми, мой почталіонъ остановилъ его, слѣзъ съ козелъ, и оба, закуривъ

трубки, отошли сидѣть на песчаный пригорокъ, бросивъ меня на берегу. Бесѣда ихъ, не смотря на мои просьбы, приказанія, наконецъ угрозы, продолжалась долго или, быть можетъ, такъ показалось мнѣ. Здѣсь-то я дошелъ до изступленія и едва не спустилъ курокъ. На все это Нѣмецъ смотрѣлъ съ неподражаемымъ хладнокровіемъ и на послѣдній порывъ презрительно пожалъ только плечами и продолжалъ медленно курить и разговаривать съ товарищемъ, не занимаясь мною. Онъ даже не жаловался.

Далѣе до Берлина ничего не помню. Я имѣлъ депеши къ нашему послу при Прусскомъ дворѣ, графу (въ послѣдствіи князю) Ливену. На слѣдующее утро онъ принялъ меня въ своемъ кабинетѣ. Моложавый его видъ до того изумилъ меня, давно наслышавшагося объ немъ какъ о сановникѣ, занимавшемъ мѣсто военнаго министра и прежде уже извѣстномъ въ прошедшее царствованіе, что я нѣсколько секундъ смотрѣлъ на него, не отдавая депеши. Онъ это замѣтилъ, и я, обласканный имъ, объяснилъ ему послѣ, вѣроятно

пріятную для него причину моего поступка. Онъ представилъ меня своей женѣ, урожденной Бенкендорфъ, тогда молодой и очень пріятной наружности, теперь вдовою, проживающей въ Парижѣ и политическимъ своимъ умомъ и связями занимающей въ дипломатическомъ свѣтѣ значительное мѣсто. Одинъ изъ кавалеровъ посольства, Петерсонъ былъ ея обожателемъ. Совѣтникомъ посольства былъ Убри; остальные: Григорій Орловъ, лишившійся потомъ ноги подъ Бородинымъ и давно живущій во Флоренціи; Шепингъ, теперь въ отставкѣ генералъ-маіоромъ, женатый на Чертковой, и секретарь Штрандманъ. На этотъ разъ, еще почти дикой, я познакомился со всѣми бѣгло и долженъ былъ произвести на нихъ странное впечатлѣніе. Въ послѣдствіи я былъ съ ними въ пріязни, съ нѣкоторыми въ тѣсной.

Дрезденъ былъ для меня привѣтнѣе. Посланникомъ былъ тамъ генералъ-лейтенантъ Ханыковъ. Имѣя къ нему также депеши, я на другое утро моего пріѣзда пошелъ къ нему, зайдя прежде къ совѣтнику посольства Шрейдеру,

въ одномъ домѣ съ посланникомъ жившему. Наружность Ханыкова была не въ его пользу. Небольшаго росту, сгорбленный можетъ быть лѣтами, рябой и непріятнаго выраженія лица, онъ съ успѣхомъ находилъ въ разговорѣ не только приличное, даже отборное слово, но искалъ его и въ это время языкомъ шевелилъ передніе поддѣльные свои зубы. Вѣжливость его была постоянна, но чрезмѣрностію своею затруднительна. Пригласивъ меня обѣдать, онъ слишкомъ долго и съ какою-то странною для дипломата неловкостію церемонился пройти впереди меня въ столовую. Шрейдеръ, шедшій сзади, едва не прыснулъ со смѣху, быть можетъ надъ обоими. Ханыковъ любилъ и зналъ хорошо не только иностранную, но и Русскую литературу и самъ писалъ удачные стихи на Русскомъ языкѣ. Онъ показалъ мнѣ въ послѣдствіи свой переводъ стиховъ Шиллера Die Statuen in Paris, очень хорошій. Вечеромъ повелъ онъ меня въ театръ, въ свою ложу. Мы застали въ ней жену посланника, графиню Бодмеръ, которой онъ меня представилъ...

Надобно было ѣхать далѣе къ своему назначенію, хотя я имѣлъ позволеніе не торопиться. Происшествіе въ Гофѣ, гдѣ-то мною разсказанное, стерло съ памяти всѣ остальныя подробности моей дороги. Повторяю его въ короткомъ разсказѣ. Пріѣхавъ уже къ вечеру въ этотъ городъ и остановившись на почтѣ въ хорошо содержанной гостинницѣ, я потребовалъ ужинать, сѣлъ въ ожиданіи за столъ, снявъ съ груди сумку съ депешами и положивъ ее близь себя въ сторонѣ. Поужинавъ медленно и съ удовольствіемъ, я сѣлъ въ почтовую коляску, меня ожидавшую, когда уже наступила ночь очень темная. Проѣхавъ нѣсколько улицъ, я замѣтилъ, что сумки съ депешами не было при мнѣ. Слуга на вопросъ мой отвѣчалъ, что положилъ ее съ другими вещами въ ящикъ подъ сидѣніемъ. Желая удостовѣриться, я велѣлъ остановиться. Сумки не было. Я приказалъ поворотить на почту и выбѣжавшимъ изъ домовъ мальчишкамъ съ фонарями искать, не выпала ли она дорогою изъ коляски. Поиски были напрасны. Хозяинъ гостинницы, удив-

ленный, вышелъ ко мнѣ узнать причину возвращенія. Добрый Нѣмецъ перепугался. Напрасно обыскавъ всѣ углы комнаты, въ которой я ужиналъ, я попросилъ его собрать и привесть ко мнѣ всю прислугу гостинницы и почты. Онъ привелъ ко мнѣ человѣкъ десять. Быстро осмотрѣвъ ихъ и взглядомъ проникнувъ въ нихъ, я объявилъ всѣмъ, что дамъ не помню сколько червонцовъ тому, кто отыщетъ сумку, и отпустилъ ихъ. При выходѣ я подозвалъ одного изъ нихъ вторично и сказалъ, что ему дамъ награду вдвое, замѣчая будто его расторопность, если онъ принесетъ мнѣ сумку. Оставшись одинъ, я сталъ обдумывать свое положеніе. Съ перваго взгляду оно представилось мнѣ, какъ оно дѣйствительно было, страшнымъ, критическимъ. Отношенія дворовъ нашего и Французскаго доходили тогда до высшей степени взаимной недовѣрчивости. Баварія была совершенно подъ вліяніемъ Наполеона. Моя инструкція, вѣроятно и депеши къ посланнику, были въ этомъ духѣ. Пропажа ихъ могла быть дѣломъ полиціи, а не просто вора, полагавшаго

найти въ сумкѣ деньги, которыхъ не было. Какія страшныя, невыносимыя подозрѣнія могъ породить противъ меня подобный случай у моего начальства. Одной неосмотрительности было уже слишкомъ довольно, чтобы не предвидѣть ничего кромѣ позору. Минуты тянулись длиннѣе часовъ въ этомъ размышленіи; былъ мигъ запальчивости противъ нерадѣнія слуги. Это былъ деньщикъ Никита, оставленный при мнѣ. Онъ молчалъ и дулся. Отъ нечего дѣлать, потребовалъ я докончить ужинъ и, не видя кромѣ одного исхода изъ такого положенія, успокоился. Тогда Никита, стоявшій на порогѣ, заплакалъ. Пистолетъ лежалъ на столѣ возлѣ меня. Вдругъ вбѣжалъ тотъ самый слуга, котораго я особенно призывалъ и подалъ мнѣ сумку; я взглянулъ: все было цѣло. Тогда я вынулъ двадцать червонцовъ и отдалъ ему, и когда онъ, жадно схвативъ ихъ, опустилъ въ карманъ, я ударилъ его такъ сильно по щекѣ, что вмѣсто головы увидѣлъ только его ноги на воздухѣ. На шумъ выбѣжалъ хозяинъ и, угадавъ мое подозрѣніе, котораго онъ не оспо-

ривалъ, находилъ только странною награду. Онъ заслужилъ то и другое, отвѣчалъ я ему и кинулся въ стоявшую предъ почтою коляску. Въ эти нѣсколько часовъ я пережилъ много жизни. По утру мнѣ показалось все страшною грезою ночи. Этотъ самый воръ былъ скоро уличенъ въ покражѣ сумки и признался, что, не найдя въ ней чего искалъ, закинулъ ее за пустую бочку, стоявшую за дверью той самой комнаты, гдѣ я разсуждалъ быть или не быть. Когда я проѣзжалъ скоро потомъ Гофъ и не выходилъ по понятному отвращенію къ этой почтѣ изъ коляски, хозяинъ самъ вышелъ ко мнѣ, чтобы разсказать послѣдствія сдѣланныхъ послѣ моего проѣзда розысканій.

Я пріѣхалъ въ Мюнхенъ и прямо къ барону Шиллингу, кавалеру посольства, товарищу по корпусу. Связь съ этимъ умнымъ, ученымъ, всегда веселымъ и любезнымъ человѣкомъ продолжалась до его смерти (не очень давней въ Петербургѣ.) Онъ сообщилъ мнѣ нѣкоторыя предварительно необходимыя свѣдѣнія о нашемъ посланникѣ,

князѣ Иванѣ Ивановичѣ Барятинскомъ и о секретарѣ посольства Лошкаревѣ (я поступалъ къ нимъ третій въ составъ посольства); объ отношеніяхъ къ двору Мюнхенскому и обществу. Первое лицо въ управленіи былъ графъ Монжеласъ, первый министръ, человѣкъ ума отличнаго, хитрый, осторожный, преданный по видимому совершенно и безусловно политикѣ Наполеона, но (какъ у него разъ въ моемъ присутствіи послѣ обѣда въ его домѣ вырвалось), главное правило его было быть покорнымъ слугою обстоятельствъ. Наружность его обращала вниманіе: огромная голова, ротъ величины необыкновенной, взглядъ хотя тусклый, но просвѣтлявшійся внезапно при случаѣ, толстое туловище на короткихъ и кривыхъ ногахъ. Вообще при первомъ на него взглядѣ впечатлѣніе безобразія и ума. Жена его, урожденная графиня Арко, играла первую роль при дворѣ и въ обществѣ и дерзко употребляла ее во зло; женщина среднихъ лѣтъ, еще прекрасная, но уже толстоватая, безъ таліи, очень умная, еще болѣе дерзкая со всѣми безъ исключенія, даже

опрометчивая съ королевой. Ея боялись и не любили.

Посланника я дома не засталъ. Дворецкій вызвался проводить меня въ дворцовый Англійскій паркъ, гдѣ князь прогуливался въ главной аллеѣ, одинъ. Со мною было нѣсколько пакетовъ къ нему; онъ потребовалъ ихъ и сталъ распечатывать, бросая конверты. Во время чтенія я имѣлъ время разсмотрѣть его. Высокій, видный, тонкій мужчина; съ нравственными, пріятными чертами лица, волосы съ просѣдью коротко подстриженные, жестъ скорый, нетерпѣливый. Общее выраженіе свѣтскаго человѣка и знатности. Не все казалось ему пріятно въ депешахъ; это замѣтно было по временамъ на его лицѣ. Нѣсколько разъ въ продолженіе чтенія онъ быстро окидывалъ меня взглядомъ, довольно суровымъ. Ему вѣроятно не нравилась цѣль моего назначенія и свобода дѣйствій не совсѣмъ отъ него въ зависимости, инструкціей мнѣ предоставленная. Пробѣжавъ всѣ депеши и указывая мнѣ взглядомъ на брошенные конверты, онъ приказалъ поднять и посмотрѣть, не оста-

лось ли чего въ нихъ. Взглянувъ ему прямо въ глаза, я обернулся къ его дворецкому, стоявшему поодаль и знакомъ велѣлъ ему подобрать все брошенное. Этой короткой и нѣмой сцены достаточно было, чтобы опредѣлить между нами будущія наши отношенія. Они были пріятныя и обязательныя, не смотря на послѣдующія встрѣчи, близко до него касавшіяся.

*

Много недѣль прошло, какъ эта книга лежала не открытая. Охота писать не являлась, то по инымъ занятіямъ, то по занимательности новыхъ книгъ, въ это время полученныхъ, то по случайнымъ облакамъ находившимъ на душу, то по тревогѣ отъ болѣзни, то одного, то другаго изъ дѣтей; наконецъ наступленіе весны въ деревнѣ, въ мои лѣта, гдѣ каждую весну принимаешь какъ неожиданный даръ Божій, безъ увѣренности дожить до будущей, отвлекло меня отъ кабинета и вызвало подъ открытое небо любоваться и услаждаться разнообразными явленіями пробужденной природы. Была еще тай-

ная причина, остановившая меня на этомъ мѣстѣ моихъ Записокъ. Вообще непріятно писать о себѣ, но покуда я былъ въ своемъ кругу, къ которому приготовленъ былъ всѣми условіями своего воспитанія и положенія, между военными, мнѣ казалось, что пишу не о себѣ одномъ, а въ совокупности о тогдашней военной жизни. Но вотъ я въ Мюнхенѣ, дипломатъ при чужеземномъ дворѣ, въ новомъ и вовсе незнакомомъ для меня обществѣ, въ отношеніи особенномъ и щекотливомъ даже къ своему посольству; вступаю почти враждебно въ этотъ новый для меня свѣтъ, котораго не изучилъ и не принялъ наружныхъ формъ, чтобы остаться по крайней мѣрѣ незамѣченнымъ.

Я остановился на первой встрѣчѣ съ своимъ посланникомъ. Онъ пригласилъ меня на вечеръ. Собраніе было большое. Представленный имъ женѣ министра, графинѣ Монжеласъ, я непріятно пораженъ былъ ея пренебрежительнымъ вниманіемъ. Я не зналъ еще тона свѣтскихъ женщинъ. Она играла роль хозяйки въ домѣ и по праву. Игра, занявшая всѣхъ и въ ко-

торой я не принялъ участія, позволила мнѣ остаться наблюдателемъ этого общества, въ которомъ мнѣ предстояло занять свое мѣсто.

*

Послѣ долгаго перерыва съ Апрѣля этого 1846-го года, наполненнаго порученіями занимательными: посольствомъ къ Султану въ Рущукъ, пребываніемъ въ княжествахъ Молдавіи и Валахіи, поѣздкою въ Петербургъ, пребываніемъ въ Петергофѣ во время празднествъ по случаю бракосочетанія Ольги Николаевны съ наслѣднымъ принцемъ Виртембергскимъ, встрѣчею съ А. П. Ермоловымъ и жизнію съ нимъ, Красносельскими маневрами, кратковременнымъ возвращеніемъ къ семейству, поѣздкою въ Польское имѣніе, въ Варшаву, пребываніемъ у Н. А. Старынкевича, послѣ всего этого, заслуживающаго многихъ и лучшихъ страницъ въ моихъ Запискахъ, я опять поднимаю нить разсказа тамъ, гдѣ ее оставилъ.

Помнится мнѣ, что я гдѣ-то описалъ уже мою встрѣчу съ графинею

Монжеласъ на другой день послѣ этого вечера, послѣдовавшій за тѣмъ дипломатическій обѣдъ и совершенный разрывъ съ нею. Для повторенія этихъ сценъ мнѣ нужно было бы преодолѣть какое-то отвращеніе, доказывающее собственное неодобреніе и непріятность подобныхъ воспоминаній. Моя неопытность и неловкость были главными поводами этихъ встрѣчъ. Лучше воспитанный въ свѣтскихъ условіяхъ, я могъ, вступая въ высшій кругъ общества, остаться незамѣченнымъ по сходству со всѣми и, осмотрѣвшись, а не въ расплохъ принять борьбу, если она была неизбѣжна.

Въ памяти моей остались изъ постоянныхъ посѣтителей вечеровъ посланника: Леопольдъ Кобургскій, нынѣшній король Бельгіи, Вреде, тогда едва замѣчаемый, въ послѣдствіи князь и фельдмаршалъ; почтенный старикъ Деруа, убитый въ Россіи; Вессенбергъ, посланникъ Австрійскій; Ейндизель, Саксонскій; Лихтенштейнъ, Deux-Pont, оба обреченные пасть противъ насъ на поляхъ Бородинскихъ.

Тѣснѣйшее и пріязненное мое знакомство тамъ было съ графомъ Даммъ. Онъ былъ, кажется, изъ Фландріи, лѣтъ шестидесяти, пылкій какъ юноша, съ изувѣченной рукой, готовый оружіемъ ежеминутно защищать свои мнѣнія, ожесточенный противъ Наполеона и Французовъ; съ любовью къ литературѣ и со свѣдѣніями. Не знаю, что̀ могло, при такомъ различіи лѣтъ, связей и положенія, сблизить насъ; но въ этой связи было много похожаго на истинную дружбу. Я помню счастливые дни, проведенные съ этимъ неутомимымъ старикомъ въ прогулкахъ пѣшкомъ за городомъ на большія разстоянія. Душа и умъ были заняты съ нимъ. Сколько разъ намъ случалось, что, зашедши въ живомъ разговорѣ слишкомъ далеко, проголодавшись, мы заходили въ бесѣдку деревенскаго трактира, и какъ вкусны были эти простые обѣды! Въ чувствѣ ненарушимаго уединенія, вдали отъ общества, въ которомъ безпрестанно отзывалось то высокомѣріе торжествующихъ Французовъ, то раболѣпство порабощенія Германіи, мы съ восхищеніемъ пере-

давали другъ другу нашу ненависть къ Наполеону, вообще мало обоими и и передъ другими скрываемую, презрѣніе къ Французамъ, въ утѣсненіи другихъ собственное иго забывшимъ, послѣ столькихъ страшныхъ жертвъ, принесенныхъ непонятой свободѣ. Помню, что, пробѣгая съ нимъ картину тогдашняго положенія Европы, насильственныхъ и до нелѣпости доходившихъ мѣръ континентальной системы, глубокаго раздраженія умовъ въ Россіи, побѣдами Наполеона надъ ея арміями не сломленной, затаеннаго состоянія Австріи и Пруссіи, я съ юношескимъ, свѣтлымъ, пророческимъ взглядомъ въ будущность предрекалъ близкое паденіе Наполеона чрезъ столкновеніе съ Россіей. Мое убѣжденіе было такъ сильно, что я съ удивленіемъ и нетерпѣніемъ видѣлъ безнадежность посланника нашего въ предстоявшей, неизбѣжной борьбѣ, и въ жаркихъ спорахъ на благоразумные его доводы въ неодолимомъ преимуществѣ генія надъ генералами обыкновенными, огромной арміи, въ побѣдахъ воспитанной, надъ малочи-

сленной сравнительно и поколебленной, не имѣя чѣмъ возразить, упрекалъ ему, что въ исчисленіи своемъ онъ забываетъ Россію и Бога-мстителя. Позже, послѣ событія, онъ самъ вспомнилъ при встрѣчѣ со мною эти пророческіе порывы.—Въ слѣдующемъ году (1811-мъ), на праздникѣ Французскаго посла, въ Дрезденѣ по случаю рожденія Наполеону сына, Римскаго короля, нашъ посланникъ Ханыковъ, показывая мнѣ иллюминацію, изображавшую полусолнце, прибавилъ: Еще восходящее солнце!—Почему-же не заходящее? отвѣчалъ я.—Этотъ отвѣтъ остался у него въ памяти, и въ Дрезденѣ же въ 1813-мъ году онъ мнѣ напомнилъ его. Это обстоятельство подробнѣе гдѣ-то мною описано.

Скоро свыкся я съ наружнымъ тономъ общества и занялъ въ немъ свое неважное мѣсто. Дворъ Баварскій былъ ко мнѣ благосклоненъ, посланникъ снисходителенъ и внимателенъ, женщины — привѣтливы. Шиллингъ свелъ меня съ извѣстными тогда учеными, Мюнхенъ украшавшими: Зёммерлингомъ, Бадеромъ, Рейхенбахомъ,

Вибекингомъ *. Въ ихъ присутствіи уже дѣлалъ онъ опыты надъ гальваническимъ телеграфомъ на быстромъ Изерѣ. Электрическій приводъ для взрыванія минъ занималъ уже его.

Я слишкомъ долго, кажется, останавливаюсь на этомъ періодѣ моей жизни, будто страшась приступить къ великому 1812-му году, къ лѣтамъ полнаго самопознанія, такъ не рѣдко уничижительнаго; но накопившіеся годы (мнѣ уже подъ шестьдесятъ), безсонныя съ нѣкотораго времени ночи, напоминаютъ о необходимости спѣшить, если хочу оставить вамъ, дѣти, хотя слабый очеркъ жизни вашего отца, не всегда какъ примѣръ для васъ, но какъ урокъ и остереженіе.

Припоминая себя это время, я нахожу въ собственныхъ и въ чужихъ впечатлѣніяхъ что-то похожее на ощущенія, предшествующія разрушительному урагану. Воздухъ казался душенъ. Тучи собирались на разныхъ точкахъ

* Инженеръ, которому поручали сдѣлать соображеніе объ огражденіи Петербурга отъ наводненій. *Изд.*

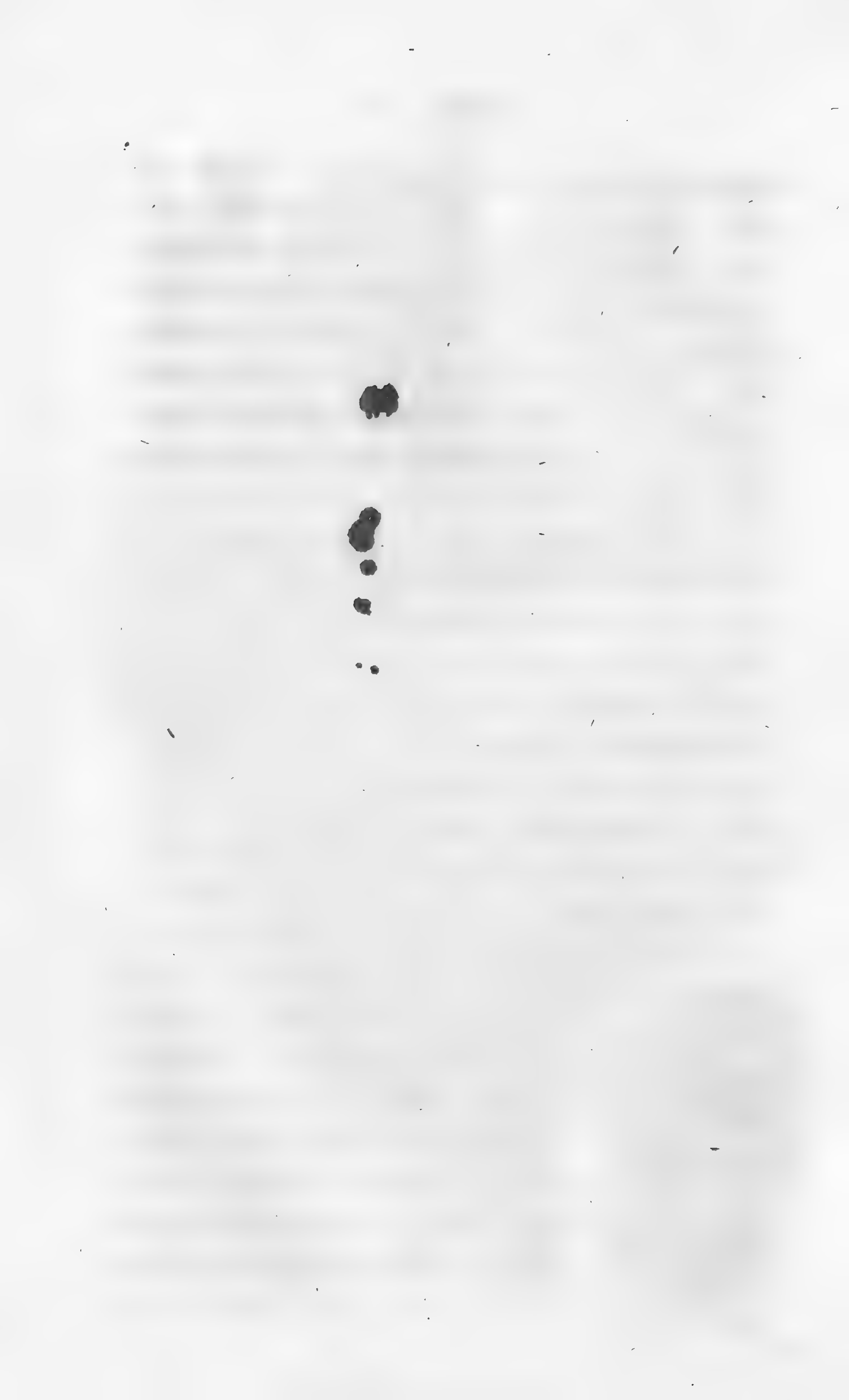
Европы; громъ, еще отдаленный, гремѣлъ только за Пиренеями. Мюраты, Жеромы, Іосифы занимали брошенные престолы. Чувство неясное непрочности всего существующаго наполняло сердца. Людовикъ Бонапарте, король Голландіи, не постигшій знаменія времени и помышлявшій о благосостояніи своего народа, осмѣянный и поруганный Наполеономъ, бѣжалъ съ своего опозореннаго трона. Нелѣпые костры изъ Англійскихъ товаровъ горѣли въ разныхъ городахъ Германіи къ изумленію жителей. Растлѣніе нравовъ, отъ неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ, какъ бываетъ во времена чумы, видимо разлилось повсюду, особливо въ высшихъ сословіяхъ общества.

Наполеонъ казался наверху насильственнаго могущества и въ изступленномъ раздраженіи противъ Россіи, особливо противъ Англіи, мысленно поглощалъ мимоходомъ первую и помышлялъ объ Индіи. Прейсишъ-Эйлау, АсHернъ, Ваграмъ въ Германіи, Байонна и истребительная война въ Испаніи, эти остерегательныя угрозы Провидѣнія ослѣпленному завоевателю, не

вразумили его. Совѣтъ и противорѣчіе благоразумія и предусмотрительности не находили уже къ нему доступа.

И я удивляюсь Наполеону, но для меня онъ далекъ отъ истиннаго идеала величія человѣка. Удивляюсь я его рѣдкому, многообъемлющему уму, его поразительной дѣятельности; но онъ не противосталъ ни одному искушенію; но даръ, рѣдкій даръ остановиться во время не принадлежалъ ему. Вашингтонъ выше его.—Наполеонъ прошелъ какъ всесокрушительная буря, оставивъ послѣ себя однѣ развалины и урокъ блистательнаго ума и огромнаго, всепопирающаго самолюбія. Вашингтонъ, истинный представитель нравственнаго величія человѣка, отвергаетъ съ скромнымъ негодованіемъ предложенную ему преступную власть и довольствуется законною. Терпѣніемъ, умѣренностью, здравымъ смысломъ, ничѣмъ непоколебимымъ, личнымъ самоотверженіемъ, дополняетъ онъ недостаточныя, данныя ему въ борьбѣ средства, обезоруживаетъ скромными подвигами самую зависть и оставляетъ по себѣ новое, великое,

процвѣтающее государство, если не ему одному, то ему несравненно болѣе всѣхъ, своимъ существованіемъ обязанное, и человѣчеству—идеалъ истиннаго величія, въ трудное подражаніе. Онъ мой герой. Съ восторгомъ читаю и изучаю военную жизнь Наполеона, съ удивленіемъ всю жизнь Вашингтона.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА.

... Въ концѣ лѣта 1811 года, ѣздилъ я въ Баденъ подъ Вѣной, на свиданіе съ Александромъ Борисовичемъ Фокомъ, дежурнымъ генераломъ. Открытая Гейльсбергская рана привела его туда для леченія. Съ радостію обнялъ я благороднаго ветерана и пріятно провелъ съ нимъ нѣсколько недѣль. Изъ Русскихъ, въ Баденѣ въ одно время съ нами бывшихъ, помню графа Витта, Влодека; изъ дамъ Анну Андреевну Комбурлей съ сестрою, теперь вдовою В. В. Кочубея и дочерью Лизой, теперь Бутурлиной. Прогулки съ этой любезной дамой, донынѣ сохранившей

равенство и кротость нрава, въ прекрасной долинѣ, если не ошибаюсь, Елениной (de St. Helène) остались у меня въ памяти. Въ особенности помню одну изъ нихъ, въ которой испыталъ степень усталости, съ трудомъ передъ дамами скрытой.

На одной изъ высотъ образующихъ долину возвышалась тогда (можетъ быть и донынѣ) треугольная башня, названія не помню, любопытная по древности, по странной своей архитектурѣ и обѣщавшая оттуда прекрасный видъ на живописную окрестность. Я предложилъ взойти туда. Анна Андреевна приняла съ удовольствіемъ предложеніе, но затруднялась что̀ дѣлать съ Лизою, семи или восьми-лѣтнимъ ребенкомъ; слугъ съ нами не было. Я вызвался нести ее на рукахъ. Прекрасное и легкое дитя не должно было показаться тяжелымъ бременемъ; но тропа, ведущая на гору, очень крута. Гора на этотъ разъ показалась очень высока и, когда я наконецъ взошелъ на нее съ ребенкомъ, не останавливаясь, чтобы скрыть отъ матери

усталость, то всѣ жилки бились во мнѣ съ такою силою, что казалось должны были лопнуть. Съ трудомъ перевелъ я духъ, но все скрылъ отъ женщинъ, даже отъ ребенка. Всѣ три еще живы: это рѣдко въ моихъ разсказахъ о встрѣчахъ того времени.

Въ Баденѣ, и еще ближе въ Шёнау, извѣстномъ по своему саду, видѣлъ я эрцгерцога Карла: средняго, почти малаго росту, съ длинноватымъ династическимъ Австрійскимъ лицемъ болѣзненнаго цвѣта, ранними морщинами, красноватыми вѣками, взглядомъ проницательнымъ и кроткимъ. Не легко было угадать побѣдителя Жордана, Моро и Наполеона въ Асперне̇. Военное поприще его было кончено, вѣроятно происками зависти и недовѣрчивости, и въ послѣдствіи передано собственнымъ его перомъ, съ искусствомъ истиннаго полководца и съ скромностью рѣдкаго человѣка. Ему принадлежитъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ исторіи того героическаго времени и постоянное по благороднымъ его свойствамъ, въ исторіи человѣчества.

Мнѣ хотѣлось съѣздить въ Пресбургъ на Венгерскую діэту или сеймъ, но Русскому трудно было отъ Австрійскаго правительства получить туда пашпортъ. Неудовольствіе и ропотъ въ Венгріи казались опасны, и Россія была подозрѣваема въ возбужденіи ихъ; дѣйствительно, не мало было Венгерцовъ, смотрѣвшихъ тогда на Россію какъ на прибѣжище не только отъ Наполеона, но и отъ утѣсненій и теперь малолюбимаго ими Австрійскаго управленія. За Русскими замѣтно наблюдали и въ Баденѣ.

*

Наступилъ 1812 годъ. Онъ засталъ меня въ Мюнхенѣ. Баварскія войска готовились къ выступленію. Всѣ дороги Германіи покрылись войсками, со всѣхъ концевъ Европы къ границамъ Россіи направленными. Объявленія войны ни съ которой стороны не было. Посольства оставались на своихъ мѣстахъ и вблизи могли видѣть огромность тучи, собиравшейся надъ

Россіею. Не было нужды въ тайнѣ. Напротивъ, лучшимъ средствомъ принудить Россію безъ борьбы покориться всѣмъ уничижительнымъ условіямъ поработительнаго союза съ Наполеономъ, казалось показать ей это неслыханное ополченіе противъ нея всей Европы, въ стройныхъ массахъ, предводимыхъ вождями, въ безпрерывныхъ войнахъ съ побѣдой свыкшихся, и въ головѣ ихъ — завоевателя, затмившаго тогда всѣхъ завоевателей, исторіею прославленныхъ: Наполеонъ былъ тогда на высшей точкѣ своей славы и своего могущества. Безнадежность предстоявшей неровной борьбы произвела между прочимъ въ нашемъ Кабинетѣ странное дѣйствіе. Были многіе и между ними канцлеръ Румянцевъ, которые до послѣдней минуты полагали, что войны не будетъ и что все кончится угрозою и смягченіемъ предложенныхъ съ обѣихъ сторонъ условій. Еще не кончена была война съ Турціей, наши и безъ того недостаточныя силы развлекавшей. Къ тому же сама Россія и ея правительство не прежде узнали свои настоящія средства, какъ

уже послѣ исполинской, кратковременной, безсмертной борьбы съ Наполеономъ. Мы, при торопливыхъ усиліяхъ въ бояхъ, которые долженствовали рѣшить судьбы Россіи, съ трудомъ и рѣдко успѣвали соединить до ста тысячъ на одномъ полѣ сраженія, между тѣмъ какъ позже и донынѣ на потѣшныя военныя торжества собирается безъ труда столько же и болѣе. Россія, возставши, измѣрила себя.

Наступило и для меня время оставить дипломатическое поприще, чтобы занять опять свое мѣсто въ рядахъ арміи [1]. Простясь при выступленіи Баварцевъ со многими изъ знакомыхъ офицеровъ, отъ которыхъ не скрывалъ, что встрѣтимся скоро съ оружіемъ въ рукахъ, я получилъ отъ посланника [2]

[1] Авторъ, будучи поручикомъ конной артиллеріи и адъютантомъ Ермолова, былъ посыланъ въ Мюнхенъ, въ качествѣ военнаго агента. *Изд.*

[2] Князь Иванъ Ивановичъ Барятинскій, отецъ фельдмаршала князя Александра Ивановича. *Изд.*

желаемое отправленіе. Обстоятельства не позволяли откланяться королевской фамиліи; но король и королева, въ особенности кронъ-принцъ, нынѣшній король, чрезъ адъютанта своего Фельдерндорфа, приказали изъявить мнѣ благосклонное ихъ участіе.

Пріѣхавъ въ Берлинъ, я нашелъ посла нашего г. Ливена въ затрудненіи, съ кѣмъ надежно доставить два письма Императора Александра къ Маріи Павловнѣ въ Веймаръ и къ Аннѣ Ѳеодоровнѣ въ Кобургъ. Я вызвался это исполнить. Эта поѣздка мною гдѣ-то описана и очень давно, потому не буду повторять ее. Вы ее, можетъ быть, отыщите въ прежнихъ Запискахъ. Васъ тронетъ пріемъ, сдѣланный мнѣ Маріей Павловной, въ качествѣ Русскаго, пренебрегшаго опасностію (впрочемъ мнимою) встрѣчи съ Французами, покрывавшими всѣ дороги. Себастіяни занималъ уже герцогскій замокъ въ Веймарнѣ, и я изъ оконъ Великой Княгини могъ видѣть проходящія Французскія войска. Въ Кобургѣ былъ я принятъ Леопольдомъ, нынѣшнимъ ко-

ролемъ Бельгіи, и подъ предлогомъ болѣзни не допущенъ до В. К. Анны Ѳеодоровны, къ великому негодованію Маріи Павловны, узнавшей отъ меня на возвратномъ пути чрезъ Веймаръ это обстоятельство. Съ письмомъ къ Государю отъ Маріи Павловны я поспѣшилъ въ Берлинъ и оттуда съ депешами Ливена и съ массою извѣстій (и между прочимъ о близкомъ туда вступленіи Французовъ) отправился курьеромъ въ Петербургъ. Не доѣзжая нѣсколько станцій, я встрѣтилъ военнаго министра Барклая-де-Толли на дорогѣ, ѣхавшаго къ арміи въ Вильну, и рѣшился остановить его. Онъ дремалъ, и благородное его лицо показывало глубокое утомленіе. Онъ принялъ отъ меня депеши на его имя; въ обязательныхъ выраженіяхъ благодарилъ за оправданіе его довѣренности въ данныхъ мнѣ порученіяхъ и, узнавъ, что я везу письмо и депеши къ Государю, приказалъ мнѣ спѣшить въ Петербургъ, а оттуда возвратиться въ Вильну, чтобы состоять при его особѣ.

Въ томъ же описаніи, на которое я выше сослался, найдете вы, какою

вѣстью я былъ пораженъ съ пріѣздомъ въ Петербургъ [3]; узнаете дѣйствіе, на меня этимъ произведенное, пріемъ канцлера Румянцева мнѣ сдѣланный, представленіе Императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ. Я былъ, и теперь помню, какъ въ туманѣ, и долженъ былъ показаться очень страннымъ.

Послѣ кратковременнаго пребыванія въ Петербургѣ, я отправился въ Вильну, гдѣ была главная квартира военнаго министра и потомъ Государя.—Мало осталось у меня воспоминаній отъ тогдашняго времени. Живѣе всего сближеніе съ графомъ Кутайсовымъ, 28-ми лѣтнимъ начальникомъ артиллеріи. Думаю, что никто изъ встрѣчавшихъ его въ жизни не забылъ его. Малаго росту, но прекрасно-сложенный въ силу и красоту, съ пріятнымъ лицемъ и значительнымъ взглядомъ, въ веселыя свои ми-

---

[3] Смерть Андерса, убитаго при штурмѣ Ловчи въ Турціи. Батарейный командиръ, Θедоръ Самойловичъ Андерсъ, человѣкъ высокихъ нравственныхъ качествъ, былъ другомъ автора. Ермоловъ называлъ Андерса своимъ младшимъ братомъ. *Изд.*

нуты онъ былъ обворожителенъ. Но почти всегда онъ былъ грустенъ, будто предчувствуя близкій конецъ, его ожидавшій. Онъ почтилъ меня своею пріязнію; еще теперь чувствую на себѣ выразительный, кроткій взглядъ прекрасныхъ его черныхъ глазъ, съ которымъ онъ повторялъ мнѣ: учись учись, одно спасеніе въ ученіи.[4]

А. П. Ермоловъ, тогда начальникъ гвардейской дивизіи, въ Свенцянахъ расположенной, также пріѣхалъ въ Вильну. У него проводилъ я почти все мое время. Рѣже гораздо бывалъ я у Барклая-де-Толли, хотя состоялъ при немъ и благосклонно былъ имъ принятъ. Присутствіе жены его не придавало пріятности его дому, и собственный характеръ этого достойнаго и благороднаго человѣка мало былъ, по наружнымъ изъявленіямъ, привлекате-

---

[4] Онъ былъ поэтъ въ душѣ и по образованію, на Русскомъ и Французскомъ языкахъ. Остался у меня въ памяти refrain одного изъ его романсовъ въ концѣ каждаго куплета (обращеніе къ женщинѣ).

Tu n'auras jamais d'autre rivale
Qu'un peu de gloire au champ d'honneur.

ленъ. Обреченный на строгія судьбы, на всѣхъ степеняхъ пути имъ пройденнаго, мужъ труда, самоотверженія, лишенный блистательныхъ качествъ кромѣ храбрости, онъ молчаливо, по одному вынужденному къ себѣ уваженію, восшелъ на первую степень. Мало дѣйствуя на другихъ своею личностію, онъ за то мало былъ доступенъ дѣйствію другихъ на себя. Мужъ провидѣнія Россіи, назначенный на трудную роль необходимаго отступленія, въ первомъ періодѣ борьбы съ исполиномъ! Никто лучше и непреклоннѣе его не выполнилъ бы этого неблагодарнаго назначенія.

Послѣ недолгаго пребыванія моего въ Вильнѣ, Барклай-де-Толли призвалъ меня къ себѣ и поручилъ мнѣ съѣздить въ Мозырь освидѣтельствовать значительный провіантскій магазинъ, гдѣ мука сохранялась для опыта въ бочкахъ съ давняго времени. Тамошняя коммиссія доносила, что мука, такимъ способомъ сохраняемая, пришла въ негодность. Я нашелъ ее всю безъ изъятія годною. Не знаю, что̀ сдѣлали съ преступными чиновни-

ками. (Эта поѣздка также гдѣ-то мною описана). Я забылъ въ своемъ мѣстѣ сказать, что въ это время я переведенъ въ гвардейскую артиллерію изъ полевой, тѣмъ же чиномъ, т. е. поручикомъ.

Изъ адъютантовъ Барклая-де-Толли я болѣе всѣхъ сблизился съ Сеславинымъ, столь справедливо пріобрѣтшимъ впослѣдствіи общую извѣстнесть. Намъ казалось, что лица, которыми окружилъ себя военный министръ, не отвѣчали грозному положенію, въ которомъ армія и Россія находились. Мы оскорблялись (конечно несправедливо) порученіями въ родѣ вышеописаннаго, которыя на насъ возлагались, и положили при первомъ случаѣ оставить его. Я къ тому же продолжалъ носить званіе адъютанта Ермолова, по изъявленному имъ на то письменно дружескому желанію. Скоро однако Барклай-де-Толли доказалъ мнѣ свою особенную довѣренность.

14 Апрѣля пріѣхалъ Государь Александръ Павловичъ въ Вильну. Вмѣсто праздниковъ начались смотры вой-

скамъ, впрочемъ тихо, какъ передъ бурею. Наполеонъ съ 4-го Мая диктаторствовалъ надъ остальной Европой въ Дрезденѣ. Посланый отъ него къ Государю въ Вильну для послѣднихъ объясненій Нарбонъ не произвелъ большаго впечатлѣнія.

Между тѣмъ 4-го Мая подписаны были въ Букарестѣ первыя условія мира съ Турками, столь необходимаго.

12-го Іюня, на балѣ въ Закретѣ у графа Беннигсена, на которомъ присутствовалъ Императоръ, получено было извѣстіе о переправѣ Французовъ чрезъ Нѣманъ. Государь скрылъ впечатлѣніе на него сдѣланное, и оставался недолгое время еще на балѣ. 13-го вѣсть эта пронеслась повсюду. 14-го на зарѣ Государь оставилъ Вильну. 16-го началось отступленіе, сначала изъ города съ нѣкоторымъ безпорядкомъ, послѣ продолжительнаго пребыванія неизбѣжнымъ. Арріергардъ подъ начальствомъ князя И. Л. Шаховскаго, близко навелъ преслѣдовавшихъ Французовъ на армію. Я остался съ арріергардомъ и былъ свидѣтелемъ ат-

таки графа Орлова-Денисова съ лейбъ-казачьимъ полкомъ на передовую Французскую цѣпь, въ которой графъ Сегюръ, израненный пикою, былъ взятъ въ плѣнъ. Эта аттака и распоженія гр. Кутайсова артиллеріею замедлили наступлѐніе непріятеля.

Такъ начался страшный смертный пиръ, коего шумный отголосокъ долженъ былъ передаться изъ вѣка въ вѣкъ, рушить царства, почитавшіяся непоколебимыми, утвердить могущество полагавшихъ себя на краю гибели и поставить порабощенную Европу на новыхъ основаніяхъ.

На первомъ переходѣ, въ Нѣменчѝнѣ, я былъ позванъ къ военному министру, котораго засталъ на открытомъ воздухѣ. Объяснивъ мнѣ отступательное движеніе нашей арміи, на Свенцяны и Дриссу, предполагаемое по свѣдѣніямъ направленіе непріятельскихъ силъ, и опасеніе, что не только вслѣдствіе этого первая армія отрѣзана будетъ отъ второй, но что корпусъ Дохтурова, кавалерія гр. Палена, отрядъ Дорохова и атаманъ Платовъ со всѣми Донскими казаками

могутъ отрѣзаны быть отъ первой арміи, онъ поручилъ мнѣ кратчайшимъ путемъ (избѣгая только попасть въ руки непріятеля) ѣхать на встрѣчу этимъ войскамъ, извѣстить о движеніи главной арміи и передать волю военнаго министра, чтобы они усиленными переходами старались соединиться съ нею, не допуская себя отрѣзать. Такъ важна была поспѣшность въ этомъ порученіи, что некогда было письменно дать мнѣ къ начальникамъ повелѣнія, и Барклай-де-Толли заключилъ только обязательнымъ прибавленіемъ, что онъ видитъ, что я постигаю всю важность возлагаемаго на меня довѣрія и увѣренъ, что оправдаю его. Никакой бумаги мнѣ не было дано.

Въ туже минуту сѣлъ я на готовую повозку одинъ, не взявъ даже съ собою человѣка. Въ Миралишкахъ переправился я черезъ Вилію, направился на Ошмяны и Сморгони, гдѣ засталъ Дохтурова, передалъ ему приказанія и тотчасъ отправился къ Ольшанамъ, на пути встрѣтивъ Петра Петровича Палена съ его кавалеріей. Одушев-

леніе войскъ, гордившихся своимъ начальникомъ, отражалось на всѣхъ лицахъ, несмотря на утомленіе отъ чрезвычайно-усиленныхъ переходовъ, по 60-ти и 70-ти верстъ, и безпрерывный холодный дождь, испортившій дороги. Узнавъ, что я ѣду одинъ, онъ пожурилъ меня за неосторожность и далъ мнѣ въ помощь гусара. Я не зналъ тогда ни усталости, ни опасности. Подъѣзжая къ Солешникамъ, я услышалъ въ право перестрѣлку, велѣлъ ударить по лошадямъ и скоро потомъ встрѣтилъ Дорохова съ его отрядомъ. Его положеніе было уже опасно. Свѣдѣнія мною привезенныя, разрѣшавшія его отступить на 2-ю армію, въ случаѣ невозможности соединиться съ первою, расширили его соображенія. Я оставилъ его въ перестрѣлкѣ, поспѣшая къ Платову, и удачно наѣхалъ на его биваки въ Бакштàхъ. Палатка его разбита была на высокомъ курганѣ, среди обширной равнины, на которой вокругъ него расположены были всѣ шестнадцать Донскихъ его полковъ. Платовъ былъ въ духѣ, принялъ меня

привѣтливо и рѣшился сдѣлать переходъ къ Воложину, куда Дороховъ обѣщалъ мнѣ направить свое отступленіе и тамъ ожидать Платова. Передъ выступленіемъ партія Донцовъ захватила офицера и нѣсколько Польскихъ уланъ. Они показали, что посланы въ разъѣздъ отъ авангарда маршала Даву́, подъ начальствомъ г-ла Пажоля, идущаго на Минскъ. Не смотря на это извѣстіе, Платовъ пошелъ на Воложинъ; но, подходя уже близко, вмѣсто отряда Дорохова, увидѣли мы передъ собою Французскія батареи. Не оставалось средствъ соединиться съ 1-ю арміей, и Платовъ рѣшился отступить на 2-ю. Онъ показалъ мнѣ отношеніе князя Багратіона, извѣщавшаго, что тотъ почитаетъ движеніе 2-й арміи на Минскъ слишкомъ опаснымъ и полагаетъ идти на Бобруйскъ и Могилевъ и искать соединенія съ 1-ю арміею. Чтобы болѣе удостовѣриться въ этомъ, я оставилъ Платова и отправился въ Николаевъ на Нѣманѣ, гдѣ нашелъ графа Сиверса съ авангардомъ. Князь Багратіонъ былъ въ Новогрудкѣ. Не желая по-

терять минуты для доставленія столь важнаго для общихъ соображеній извѣстія, графомъ Сиверсомъ подтвержденнаго, я не поѣхалъ къ князю Багратіону, а прямо на Минскъ, вовсе не увѣренный, проѣду ли. Пріѣхавъ туда подъ вечеръ, нашелъ я городъ Русскимъ начальствомъ уже оставленный; не помню, какъ досталъ лошадей и отправился далѣе по дорогѣ въ Борисовъ, объѣхавъ множество экипажей и обозовъ. Изъ одной кареты, мимо которой я проѣзжалъ, просили меня пофранцузски остановиться. Это былъ графъ Огинскій изъ Молодечни. Онъ просилъ меня доложить Государю, что ушелъ отъ Французовъ и никогда не измѣнитъ своей преданности. Въ Борисовъ я пріѣхалъ ночью. Комендантъ Грессеръ пришелъ ко мнѣ на почту, встревоженный получаемыми со всѣхъ сторонъ извѣстіями о близкомъ непріятелѣ. Я подтвердилъ, что Даву идетъ на Борисовъ и что непріятелю должно казаться невѣроятнымъ, какъ такой важный постъ, какъ Борисовъ, на пути къ сердцу Имперіи, могъ слабо быть занимаемъ, и потому я убѣж-

далъ его не торопиться отступленіемъ.

Пріѣхавъ въ Дриссу, я былъ тотчасъ потребованъ къ Государю. На дворѣ мызы, имъ занимаемой, я нашелъ Барклая-де-Толли, Беннигсена, Ермолова, множество генераловъ. Вошедши же въ комнату Государя, стоявшаго близь стола, на которомъ разложена была часть столистовой карты Россіи, я увидѣлъ графа Аракчеева и князя Волконскаго! Извѣстія, мною привезенныя, были новы и неожиданны. Когда я сказалъ, что кн. Багратіонъ отказался отъ направленія на Минскъ и пошелъ на Бобруйскъ и Могилевъ, а Даву съ 60-ю тысячами идетъ на Борисовъ, въ перерѣзъ обѣихъ нашихъ армій, Государь прервалъ меня. „Это не правда, быть не можетъ: Даву здѣсь противъ меня, а кн. Багратіонъ имѣетъ отъ меня другія приказанія.“ Я отвѣчалъ Государю, что за точность этихъ свѣдѣній отвѣчаю головою, что дѣйствительно часть войскъ корпуса Даву у него взята и направлена къ Дриссѣ; но ему даны другія войска изъ арміи короля Вестфаль-

скаго и другихъ корпусовъ. Потомъ, указавъ пальцемъ на карту Борисова, дерзнулъ я прибавить, что если бы возможность была отправить туда летучій отрядъ въ нѣкоторой силѣ, то непріятель, по важности этой точки, на главномъ пути къ сердцу Россіи, почелъ бы его гораздо сильнѣе и дѣйствовалъ бы съ осторожною медленностію, могущею принести пользу для нашихъ общихъ дѣйствій. Государь съ выраженіемъ нетерпѣнія возразилъ однимъ словомъ: „не перелетѣть же,“ и отпустилъ меня.

Оберъ-гофмаршалъ графъ Толстой при выходѣ пригласилъ меня въ палатку на дворѣ разбитую, къ хорошему завтраку, куда пришли Алексѣй Орловъ и Киселевъ, что̀ нынѣ графы, и одинъ изъ нихъ замѣтилъ мнѣ шутя, что я вѣрно привезъ очень дурныя вѣсти, что меня такъ хорошо принимаютъ.

Не успѣлъ я отдохнуть нѣсколько часовъ, какъ потребованъ былъ къ Барклаю-де-Толли. Съ привѣтливымъ своимъ лицемъ поблагодаривъ меня за исполненное порученіе и вручивъ

мнѣ конвертъ на имя Бертье, князя Невшательскаго, онъ сказалъ, что содержаніе его есть отвѣтъ на депешу его, въ которой Наполеонъ просилъ свѣдѣнія о Лористонѣ, послѣ его при нашемъ дворѣ; но что доставленіе этого конверта служитъ болѣе предлогомъ, для открытія, гдѣ главная квартира Наполеона, какія силы направляются на Дриссу, въ какомъ положеніи войска Французскія, которыхъ стараться увидѣть сколько возможно будетъ; какіе тамъ носятся слухи и надежды, и потому стараться мнѣ не отдавать депеши на аванпостахъ, а подъ благовидными предлогами проникнуть, сколько можно, въ глубь арміи, предоставляя моему благоразумію и изобрѣтательности избѣжать опасности быть задержаннымъ. Подробности этого порученія были мною уже гдѣ-то описаны, но вѣроятно въ одинъ изъ черныхъ дней моей жизни, вмѣстѣ съ другими бумагами, истреблены. Теперь коснусь ихъ вкратцѣ.

Съ конвоемъ изъ семи Маріупольскихъ гусаръ, одного козака и съ трубачемъ выѣхалъ я по направленію къ

Глубокому. Никого не встрѣтилъ я на пространствѣ болѣе 20 верстъ. Потомъ, когда я никого еще не видѣлъ, послышались въ разныхъ мѣстахъ крики, вопли. Рожь, высоко уже стоявшая, безъ вѣтра шевелилась въ разныхъ мѣстахъ. Не трудно было догадаться, что Французскіе мародеры хозяйничаютъ уже на пустомъ между арміями пространствѣ и уходятъ отъ насъ. Приближаясь къ мызѣ графа Юнзеля, замѣтилъ я тамъ еще издали большую суматоху. Скоро потомъ выбѣжалъ къ намъ изъ густой ржи крестьянинъ и объявилъ, что Французы, въ томъ числѣ офицеры, забираютъ фуражъ и все съѣстное на мызѣ. Я отправился прямо туда рысью; но, замѣченный уже Французами, я увидѣлъ ихъ уходящихъ во всю прыть по дорогѣ. На дворѣ стояли нагруженные возы, и несчастный мызникъ объявилъ, что это были адъютанты генерала Русселя съ командой и что насъ приняли за партію. Приказавъ кормить, я остался на обширномъ дворѣ. Скоро увидѣлъ я эскадронъ гусаръ, несшихся по дорогѣ прямо на мызу. Своимъ

велѣлъ я остаться пѣшкомъ и продолжать кормить. Я вышелъ пѣшкомъ же на встрѣчу эскадрону. Это были Нѣмцы. Мы объяснились. Они проводили меня до Шарковщизны, гдѣ расположенъ былъ авангардъ подъ начальствомъ Брюйера. Я замѣтилъ, съ какою небрежностью и въ какомъ безпорядкѣ стояла Французская конница: лошади, уже изнуренныя, привязаны были къ плетнямъ, безъ присмотра.

Генералъ Брюйеръ, племянникъ Бертье, красивый мужчина не болѣе 30 лѣтъ, привѣтливо встрѣтилъ меня и, узнавъ, что я пріѣхалъ парламентеромъ, замѣтилъ мнѣ однако, за чѣмъ со мною команда гусаръ. Я отвѣчалъ ему шутя, что не имѣю вовсе намѣреніе напасть на Французскую армію, но что это была не безполезная предосторожность противъ ихъ мародёровъ, опередившихъ уже ихъ армію. Онъ вызвался принять отъ меня депешу, если не имѣю другаго порученія. Я удачно отклонилъ этотъ вызовъ, давая темно уразумѣть, что имѣю особое порученіе. Тогда онъ согласился дать мнѣ конвой и отправить далѣе, къ г-лу

Нансути. Между тѣмъ вошли еще два генерала, Пире и Руссель. (Послѣднiй чрезъ нѣсколько дней былъ убитъ своими, по ошибкѣ ночью. Брюйеръ также въ слѣдующемъ, подъ Гайнау. Некрологъ наполнялся тогда быстро.) Руссель былъ молчаливъ. Пире, видный и щеголевато одѣтый мужчина, былъ любезенъ и разговорчивъ также, какъ и Брюйеръ.

Проѣхавъ еще большое пространство, поздно вечеромъ, прiѣхали мы въ деревню, гдѣ расположенъ былъ штабъ Нансути. Вошедши къ нему, я увидѣлъ передъ собою человѣка лѣтъ сорока и болѣе, роста средняго, съ широкою грудью и лицемъ угрюмымъ. Онъ принялъ меня сухо; узнавъ, что я имѣю депешу къ Бертье, спросилъ, за чѣмъ не отдалъ ее на аванпостахъ. Я отвѣчалъ, что не встрѣтилъ ихъ и прямо приведенъ былъ въ авангардъ, а теперь прошу принять ее отъ меня для доставленiя далѣе. Я рѣшился на это дорогою, отъ опасенiя быть задержаннымъ въ главной квартирѣ Наполеона и получивъ въ разговорахъ свѣдѣнiя, уже достаточныя. Нансути по-

чти грубо отвѣчалъ мнѣ, что я, какъ военный, долженъ разумѣть, что мнѣ слѣдовало или отдать депешу на аванпостѣ, или самому ее доставить, и середины тутъ нѣтъ. На это я возразилъ ему, что имѣю основательную причину не ѣхать далѣе, потому что усталъ, а лошадь моя еще болѣе, послѣ огромнаго переѣзда изъ Дриссы; а скорое доставленіе депеши необходимо. Потомъ вынулъ я ее и, положивъ передъ нимъ на столъ, вышелъ. Адъютантъ его Талейранъ - Перигоръ пошелъ со мною и привелъ въ свой бивакъ, гдѣ я повалился на солому и заснулъ мертвымъ сномъ. Проснувшись до разсвѣта, съ обновленными силами, я увидѣлъ надъ собою пріятное и смѣющееся лице Талейрана, который объявилъ мнѣ, что давно стараются и не могли разбудить меня: подымали за ноги и за руки, но все было напрасно (такъ крѣпокъ былъ мой сонъ), что депеша отправлена ночью въ Глубокое, и что Нансути требуетъ меня къ себѣ. Встрепенувшись, я замѣтилъ общее на бивакахъ движеніе.

Нансути встрѣтилъ меня также су-

хо, какъ и наканунѣ, объявилъ, что сію же минуту я долженъ отправиться назадъ и, обратясь къ ожидавшему у дверей офицеру, сталъ ему объяснять, по какой дорогѣ вести меня до авангарда г—ла Брюйера, и это немедленно. Конвой Французскій и мой стояли уже готовые.

Ясно для меня было, что это раннее и торопливое отправленіе и проселочные пути, по которымъ отчасти велѣно было меня вести, имѣли цѣлью удалить меня отъ большой дороги, по которой пойдутъ Французскія войска, и опередить ихъ. Я рѣшился обмануть офицера, котораго довольно глупая наружность подавала къ тому основательный вызовъ и надежду.

Проѣхавъ нѣкоторое разстояніе, я замѣтилъ ему, что лошадь его изнурена и что онъ самъ, кажется, усталъ. Онъ подтвердилъ то и другое, говоря что наканунѣ далеко былъ посыланъ. И я, съ своей стороны, жаловался на усталость, особливо на усталость лошади послѣ огромнаго вчерашняго переѣзда и прибавилъ, что хорошо было бы гдѣ нибудь отдохнуть и выпить

чего нибудь горячаго. Въ то же время невдалекѣ показались Іоды, помѣстье графа Лопатинскаго, и дымъ, изо всѣхъ трубъ дома выходившій, показывалъ присутствіе живущихъ и приглашалъ обогрѣться отъ свѣжаго утра. Офицеръ не отвѣчалъ и, казалось, припоминалъ себѣ содержаніе изустной инструкціи своего генерала; но, не нашедши въ ней запрещенія останавливаться, согласился на мое предложеніе, и мы поворотили къ дому.

Графъ Лопатинскій встрѣтилъ меня въ глубокомъ траурѣ, грустно, но привѣтливо. Двѣ прекрасныя его дочери вышли тоже всѣ въ черномъ и съ выраженіемъ горести на лицахъ. Домъ его былъ уже ограбленъ Французами, и я послѣ узналъ, что неистовство грабителей не ограничилось одною хищностію. Я попросилъ у него чего нибудь горячаго, сдѣлавъ ему привѣтливый знакъ, что это необходимо нужно. Онъ понялъ меня и, послѣ горькаго опыта, доволенъ былъ, кажется, видѣть Русскаго офицера. Въ пріемной нашелъ я человѣкъ десять Французскихъ офицеровъ разныхъ оружій.

Они вѣжливо меня приняли; но когда мнѣ и моему конвойному офицеру принесли по стакану кофе, одинъ изъ нихъ громко и грубо сказалъ графу Лопатинскому, что по требованію Русскаго офицера тотчасъ нашелся кофе, когда они ничего не могли отъ него добиться. Выпивъ мой кофе какъ можно медленнѣе и стараясь занять моего Француза разговоромъ, я протянулъ время какъ можно долѣе.

Наконецъ мы отправились, и когда выѣхали на большую дорогу, она была вся покрыта Французскими войсками всѣхъ оружій. Офицеры и солдаты съ любопытствомъ смотрѣли на меня, объѣзжавшаго колонны ихъ. Они много уже перетерпѣли до того, и видъ Русскаго офицера могъ давать надежду переговоровъ и пріязненныхъ сношеній. Объѣхавъ пѣхоту и артиллерію, я увидѣлъ въ головѣ близь дороги кирасирскую дивизію, строившуюся на привалъ. Нѣсколько сажень далѣе, передъ корчмой на дорогѣ, узналъ я самаго Нансути, ходившаго съ заложенными за широкою спиною руками взадъ и впередъ. Увидѣвъ меня, онъ остано-

вился въ изумленіи. Par quel hasard vous trouvez-vous ici, Monsieur? — Demandez votre officier, général. — Mais il y des heures que vous deviez avoir passer par ici.—Encore une fois, général, veuillez adresser vos questions à l'officier qui est chargé de me conduire [5].

Нансути съ негодованіемъ молча смотрѣлъ нѣсколько времени то на меня, то на конвойнаго офицера и вѣроятно взвѣшивалъ въ умѣ, не задержать ли меня вовсе. Наконецъ гнѣвъ его обратился весь на несчастнаго офицера. Онъ приказалъ его арестовать, нарядить другаго въ конвой и вести меня безостановочно въ авангардъ.

Я засталъ авангардъ на походѣ. Брюйеръ принялъ меня съ прежнею привѣтливостію, Пире также, и мы ѣхали въ головѣ колонны до привала.

---

[5] Какими судьбами вы здѣсь, милостивый государь. — Спросите у вашего офицера, генералъ?—Но уже нѣсколько часовъ какъ вы должны были проѣхать эти мѣста.—Еще разъ, генералъ, благоволите обратиться съ вашими вопросами къ офицеру, которому поручено меня сопроводить.

Тутъ былъ довольно забавный случай. Въ разговорѣ, мы довольно далеко опередили войска, слѣзли съ лошадей и видя, что Брюйеръ разспрашиваетъ проводника, я сталъ ходить поодаль. Голоса становились все громче и громче. Брюйеръ и другіе генералы казались въ нетерпѣніи. Они звали переводчика, который остался назади. Я рѣшился подойти къ нимъ и спросить, въ чемъ дѣло. Брюйеръ мнѣ отвѣчалъ, что глупый проводникъ не знаетъ названія мѣста, куда имъ идти и которое не можетъ быть далеко. Я вызвался пособить недоразумѣнію. Брюйеръ замѣтилъ, qu'il sera assez piquant d'avoir un officier Russe pour guide[6], на что̀ я отвѣчалъ ему, qu'il n'y a rien de plus naturel et que l'armée Russe ne demande rien tant que de se trouver face en face avec leurs braves ennemis [7]. На Французской картѣ

---

[6] Довольно будетъ забавно имѣть провожатымъ Русскаго офицера.

[7] Нѣтъ ничего естественнѣе, и Русская армія только того и желаетъ, чтобы очутиться лицемъ къ лицу съ храбрыми своими непріятелями.

означено было мѣстечко Мёры, Mioroui: съ Французскимъ выговоромъ для бѣднаго проводника это было вовсе не понятно. Объяснить было не трудно.

Наши передовые посты не могли быть далеко. Я простился съ Брюйеромъ и, получивъ взводъ конныхъ егерей съ офицеромъ въ конвой, отправился по дорогѣ въ Дрисскій лагерь. Проѣхавъ довольно большое разстояніе, я увидѣлъ сильную партію козаковъ у корчмы. Они также замѣтили насъ и къ стыду и негодованію моему, не смотря на то, что втрое или вчетверо были сильнѣе Французовъ, во весь опоръ поскакали назадъ. Напрасно я приказалъ трубить аппель, кричалъ вслѣдъ имъ всѣ возможныя и самыя народныя ругательства: никто изъ нихъ не оглядывался. Тогда я попросилъ Французскаго офицера продолжать ѣхать шагомъ и, оставивъ при немъ свой Русскій конвой, взялъ трубача и поскакалъ вслѣдъ за козаками. Наконецъ они оглянулись и, видя только двоихъ скачущихъ за ними, остановились. Это были Тептярцы.

Между тѣмъ подошелъ и мой конвой. Козаки подчивали Французовъ водкою и напослѣдокъ мирно разстались. Въ туже ночь я прибылъ въ лагерь, кажется 2 Іюля.

Совокупность полученныхъ свѣдѣній достаточно убѣдила во первыхъ, что приготовленныя для отраженія нашествія на Россію средства далеко не сразмѣрны съ огромными силами, введенными въ нее Наполеономъ; во вторыхъ, что отступленіе 1-й арміи въ Дриссу, удалившіе ее отъ 2-й, была важная ошибка, требующая немедленнаго исправленія, тѣмъ болѣе, что и позиція, избранная и укрѣпленная при Дриссѣ, оказалась вовсе не надежною, а главное и безполезною, потому что не была бы и атакована, а каждый потерянный въ ней день удалялъ бы возможность и безъ того едва вѣроятнаго соединенія разлученныхъ эксцентрическимъ отступленіемъ армій, между тѣмъ какъ непріятель своими главными силами устремлялся между ими въ сердце Имперіи.

И такъ, 4 Іюля, 1-я армія оставила свой лагерь и тронулась къ Полоцку.

Государь выѣхалъ въ Смоленскъ и въ Москву для приготовленія новыхъ средствъ къ усиленію армій и провозглашенія войны непримиримою, народною. Алексѣй Петровичъ Ермоловъ назначенъ былъ начальникомъ штаба въ 1-ю армію на мѣсто Паулуччи, носившаго нѣсколько дней это званіе.

Такимъ образомъ почти незамѣтно я могъ опять возвратиться къ Ермолову, оставаясь на виду у Барклая-де-Толли.

*

11-го Іюля 1-я армія подошла къ Витебску, 13-го первая жаркая схватка съ Французами подъ Островной, гдѣ потерпѣли лейбъ-гусары и Нѣжинскіе драгуны, и потеряно 6 орудій роты Кандибы, неосторожно за ними скакавшей. Остерманъ остановилъ первый успѣхъ непріятеля, и въ лѣсу загорѣлось и до ночи продолжалось горячее дѣло. На другой день Коновницынъ смѣнилъ Остермана. Онъ также до ночи отражалъ удачно всѣ усилія непріятеля и тогда только присоединился къ арміи.

Изъ этихъ частныхъ дѣлъ Францу-

зы могли уже убѣдиться, что время легкихъ успѣховъ для нихъ прошло.

Я ѣздилъ оба дня въ дѣло, безъ порученія. Нѣсколько разъ слышавъ отъ офицеровъ, даже отъ солдатъ въ цѣпи стрѣлковъ, что желали бы видѣть Ермолога, особливо въ сомнительныя минуты, часто повторявшіяся, я возвратился къ нему и сообщилъ ему это лестное желаніе войскъ. Ему невозможно было исполнить этого, по странной причинѣ, о которой только для того и упоминаю, что-это для всякаго, какъ бы ни велики были его дарованія, должно послужить урокомъ. Этотъ замѣчательный человѣкъ, въ надеждѣ на свою необыкновенную память, на способность скоро, четко и красивымъ почеркомъ излагать свои мысли, писалъ почти всѣ свои распоряженія самъ на бѣло, не рѣдко самъ дѣлалъ конверты, запечатывалъ и надписывалъ, такъ что иногда въ журналѣ не оставалось списка съ его бумагъ. Особенно въ Витебскѣ, гдѣ по направленію силъ непріятельскихъ и новымъ военнымъ соображеніямъ съ нашей стороны, нужно было безотлагательно

дать артиллерійскимъ паркамъ, провіантскимъ транспортамъ и разнымъ командамъ и обозамъ другія направленія въ отмѣну прежнихъ, онъ уже осужденъ былъ, имѣя все это въ своей головѣ, болѣе чѣмъ въ журналахъ своей канцеляріи, самъ заняться всей этою работою. Никогда не былъ я столько пораженъ необходимостью предварительнаго порядка, благоразумнаго распредѣленія предметовъ занятій, словомъ канцелярскаго устройства, гдѣ для соображеній начальника ежеминутно готовы всѣ необходимыя свѣдѣнія и подробности предшествовавшихъ распоряженій.

Все готовилось къ сраженію. Арміи были въ присутствіи. Рѣка Лучеса раздѣляла ихъ. Графъ Петръ Петровичъ Паленъ съ авангардомъ стоялъ на правомъ берегу и удерживалъ Французовъ съ совершеннымъ успѣхомъ. Это былъ его день. — Непріятель напиралъ несильно, занятый постепеннымъ сосредоточеніемъ подходившихъ корпусовъ и рекогносцировкою. Наша армія съ безстрашіемъ смотрѣла на движеніе и аттаки своего авангарда

подъ начальствомъ одного изъ самыхъ любимыхъ своихъ генераловъ, особливо когда началось отступленіе арміи среди бѣла дня, въ виду Наполеона и когда всякій чувствовалъ, сколько успѣхъ отступленія необходимаго, но чрезвычайно опаснаго, зависѣлъ отъ судьбы авангарда.

Отступленіе арміи было рѣшено вслѣдствіе полученныхъ съ курьеромъ отъ князя Багратіона свѣдѣній о направленіи его на Смоленскъ, съ твердою надеждою соединиться съ 1-ю арміею. Вообще вѣроятія успѣха отъ сраженія не могло быть и не было, какъ по невыгодѣ позиціи, такъ и по превосходству въ силахъ непріятеля. Это было бы дѣло отчаянія, а не разсчета благоразумнаго.

Такъ трудно военное дѣло, что даже Наполеонъ, видя ясно съ возвышеннаго берега Лучесы общее движеніе Русскихъ войскъ, не угадалъ цѣли ихъ, не атаковалъ и допустилъ въ виду своемъ окончить, безъ малѣйшей потери и безпорядка, одно изъ самыхъ опасныхъ движеній всей войны. Даже авангардъ, сдѣлавшійся арріергардомъ,

отступилъ ночью вслѣдъ за арміей спокойно.

Я почитаю этотъ день однимъ изъ роковыхъ для Наполеона, гдѣ потерянъ для него былъ послѣдній случай разбить отдѣльно главную нашу армію, такъ сказать застигнутую въ расплохъ, въ слѣдствіе ошибочнаго расположенія войскъ передъ началомъ военныхъ дѣйствій, потомъ еще болѣе ошибочнаго отступленія на Дриссу и наконецъ опаснаго фланговаго движенія для соединенія со 2-ю арміей. Мы дрались бы хорошо, но безъ увѣренности въ успѣхѣ. Мы были бы непремѣнно побѣждены, и послѣдствія неисчислимы. Хвала Барклаю, что послѣ нѣкотораго колебанія рѣшился онъ на спасительное отступленіе; Ермолову, что способствовалъ тому доводами и убѣжденіями и настоялъ не дожидаться ночи, а тотчасъ. Этотъ день 15-го Іюля 1812 года многими и Данилевскимъ въ его описаніи этой кампаніи оцѣненъ недостаточно.

Для меня лично онъ памятенъ между прочимъ тѣмъ, что, стоя пѣшкомъ на возвышеніи, опершись на

сѣдло моей лошади, чтобы слѣдить за движеніями нашего арріергарда, въ слѣдствіе ли истощенія силъ послѣ всего случившагося со мною отъ самой Вильны, или отъ глубокаго чувства опаснаго положенія арміи, или сильнаго жару, или отъ всего этого вмѣстѣ, голова у меня внезапно закружилась, и я упалъ подъ лошадь въ обморокѣ.

17-го, главная квартира дошла въ Порѣчье, между тѣмъ какъ Дохтуровъ шелъ прямѣйшимъ путемъ на Ліозню и Рудню въ Смоленскъ, куда пришелъ 19-го. Со вступленіемъ арміи на старинную Русскую землю, война приняла, казалось, видъ болѣе мрачный: довѣренность войскъ къ своему главнокомандующему ослабѣла. Замѣтили нерусскую его фамилію; ближайшіе его сотрудники усомнились въ его способностяхъ, и съ Петербургомъ началась переписка, враждебная для Барклая-де-Толли. Глаза всѣхъ обратились на князя Багратіона, съ которымъ соединеніе было уже несомнѣнно.

Походъ 2-й арміи отъ Нѣмана, от-

рѣзываемой съ фланга маршаломъ Даву, преслѣдуемой съ тыла королемъ Вестфальскимъ, покрылъ ее честію и возвысилъ еще болѣе въ глазахъ арміи и Россіи любимаго ими и прежде любимца Суворова. Между обѣими арміями въ нравственномъ ихъ отношеніи была та разница, что 1-я надѣялась на себя и на Русскаго Бога, 2-я же сверхъ того и на князя Багратіона. На Барклая сначала надѣялись и потомъ перестали. На Багратіонѣ сосредоточились надежды обѣихъ армій. Первый своею личностію невыгодно дѣйствовалъ на другихъ. Скромный, молчаливый, лишенный дара слова и въ Русской войнѣ съ нерусскимъ именемъ, осужденный съ главною арміею на отступленіе, и вторую къ тому же побудившее, отступленіе тогда еще немногими оцѣненное, онъ, для примиренія съ собою, необходимо долженъ былъ имѣть важный успѣхъ, котораго не было; князь же Багратіонъ, съ орлиною наружностію, съ мѣткимъ въ душу солдата словомъ, веселымъ видомъ, съ готовой уже славой, присутствіемъ своимъ воспламенялъ войска.

20-го Іюля, главная армія пришла къ Смоленску, а 21-го пріѣхалъ туда князь Багратіонъ, опередивъ свои войска. Онъ поспѣшилъ къ Барклаю-де-Толли на свиданіе, важное для общаго дѣла, послѣ долгихъ и горькихъ между ними недоразумѣній въ продолженіе отдѣльныхъ каждаго дѣйствій, гдѣ одинъ отъ другаго желалъ невозможнаго, по всегда неполному издали знанію взаимнаго положенія.

Согласіе, свиданіемъ возстановленное, было непродолжительно. Право главнаго начальства было не ясно. Барклай-де-Толли былъ военный министръ, Багратіонъ — старѣе чиномъ. Воля Государя по этому важнѣйшему предмету не выражена. Значительнѣйшія изъ лицъ 1-й арміи, даже изъ ближайшихъ къ Барклаю, холодному и непроницаемому, склонялись на сторону пылкаго и открытаго Багратіона, не отталкивавшаго, какъ первый, а привлекавшаго довѣренность.

Духъ опаснаго раздора поселился между главными квартирами. Большое число молодыхъ людей Нѣмецкихъ фамилій изъ Остзейскихъ провинцій, въ

разныхъ званіяхъ и не съ выборомъ окружавшихъ Барклая, подавало поводъ къ язвительнымъ насмѣшкамъ, забавнымъ, но вреднымъ и часто несправедливымъ. Онѣ принимались съ жадностію, какъ выраженіе предразсудковъ народныхъ, и въ войну отечественную слѣдовало ихъ уважить. Вскорѣ самъ Барклай де-Толли принесенъ былъ имъ въ жертву. Чтобы заставить народъ и армію любить нерусское имя, необходимое условіе быть очень счастливымъ въ своихъ дѣйствіяхъ, счастливымъ какъ былъ г-лъ Витгенштейнъ. Кутузова не обвинятъ и за преданную Москву. Барклая обвинили бы въ измѣнѣ.

22-го Іюля присоединилась вторая армія при Смоленскѣ къ первой. Такимъ образомъ главный и мастерскій въ началѣ маневръ Наполеона—раскидать слишкомъ растянуто-расположенныя Русскія арміи при его наступленіи, врѣзавшись въ средину ихъ, хотя съ принесеніемъ большихъ пожертвованій, не удался.

Я вовсе не намѣренъ описывать подробно движенія разныхъ отдѣль-

ныхъ корпусовъ, содѣйствовавшихъ главнымъ силамъ на широкомъ полѣ войны 1812 года. Описаніе это сдѣлано Данилевскимъ съ помощію лучшихъ матеріаловъ, иногда хорошо, почти всегда гладко, часто пристрастно. Мы поговоримъ какъ о книгѣ, такъ и о сочинителѣ въ другомъ мѣстѣ. Я стараюсь только, дѣти мои, передать вамъ, что̀ еще свѣжо въ моей памяти изъ того, въ чемъ я лично участвовалъ, или что близко видѣлъ. Не пишу исторіи, а разсказываю въ кругу семейства.

Переносясь мыслію въ ту эпоху, помню, какое общее веселіе произвело во всѣхъ соединеніе армій. Труднѣйшее было съ успѣхомъ исполнено: хотя большее пространство уступлено, но честь оружія осталась неприкосновенна. Этого еще не испытывалъ въ прежнихъ войнахъ завоеватель.

Но тѣмъ затруднительнѣе стало положеніе Барклая-де-Толли. Отъ самаго Государя, какъ видно изъ его рескрипта, до послѣдняго солдата всѣ полагали, что съ соединеніемъ армій не только должно прекратиться отступленіе, но остается только насту-

пать на непріятеля, столь далеко зашедшаго. Военный совѣтъ, къ которому прибѣгнулъ Барклай-де-Толли, рѣшилъ наступленіе. Я остаюсь при мысли, что главнокомандующій тогда же принялъ намѣреніе противное всеобщему, слѣпому увлеченію, подалъ видъ будто раздѣляетъ его; но остался при прежней системѣ выжиданія обстоятельствъ болѣе вѣрныхъ. Князь Багратіонъ, облегченный отъ отвѣтственности, говорилъ только о рѣшительномъ сраженіи. Теперь можно утвердительно сказать, что оно имѣло бы самыя гибельныя послѣдствія.

Однако 26-го Іюля обѣ арміи сдѣлали движеніе впередъ на Рудню. 27-го по утру Платовъ и графъ Паленъ имѣли счастливое дѣло подъ Инковомъ. Приведено нѣсколько сотъ плѣнныхъ. Но Барклай-де-Толли вдругъ остановилъ общее наступленіе. Причиною или предлогомъ было появленіе значительнаго отряда Французовъ въ Порѣчьѣ, на правомъ флангѣ арміи.

Князь Багратіонъ выразилъ свое неодобреніе за перемѣну и настаивалъ о продолженіи движенія на Рудню. Яс-

ной мысли не было нигдѣ. Согласія еще менѣе.

Между тѣмъ какъ наши арміи въ несвязныхъ движеніяхъ переходили безъ нужды съ дороги на другую, Наполеонъ, безотвѣтственный властелинъ никѣмъ неоспариваемыхъ своихъ соображеній, быстро соединялъ свою армію, все еще далеко превосходную числомъ противъ нашей. 3-го Августа въ Расаснѣ, на лѣвомъ берегу Днѣпра, собралось до 200.000 готовыхъ кинуться на Смоленскъ, прикрытый тогда одною 27 дивизіей подъ начальствомъ ген.-маіора Невѣровскаго. День 2-го Августа принадлежитъ Невѣровскому. Онъ внесъ его въ Исторію. Атакованный авангардомъ подъ начальствомъ Мюрата, за которымъ слѣдовала вся огромная туча Французской арміи, не имѣя за собой до Смоленска ни малѣйшей опоры, Невѣровскій, окруженный, отрѣзанный, совершилъ свое львиное отступленіе, самими непріятелями такъ названное.

Между тѣмъ обѣ наши арміи, въ невѣдѣніи о непріятелѣ, удалялись болѣе и болѣе отъ угрожаемаго Смо-

ленска, по направленію на Рудню. 2-я слѣдовала на Надву и услышала канонаду на лѣвомъ берегу; къ тому же, неохотно исполняемое движеніе дало поводъ къ медленности, на этотъ разъ счастливой. Раевскому, шедшему сзади, дано повелѣніе остановиться, а потомъ идти поспѣшно къ Смоленску. Изъ 1-й арміи, по полученному вскорѣ неясному извѣстію, Ермоловъ послалъ меня туда же впередъ развѣдать о происходившемъ.

Поутру 4-го числа я проѣхалъ улицами Смоленска прямо на баттарею за Малаховскими воротами, гдѣ нашелъ г-ла Раевскаго, въ зрительную трубу осматривавшаго окрестности, по которымъ двигался непріятель. У Паскевича, правѣе, шла живая перестрѣлка. Въ первый разъ видѣлъ я Раевскаго отдѣльно, въ замѣчательномъ положеніи. Первое впечатлѣніе, имъ производимое, особливо въ этотъ день, было совершенно въ его пользу. Позже узналъ я его короче. Благородная и умная наружность, разговоръ съ первыхъ словъ обличавшій образованіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ холод-

ность и пренебреженіе. Онъ безъ сомнѣнія былъ однимъ изъ главныхъ лицъ, и тогда обращавшихъ на себя общее вниманіе; но въ душѣ его были уже усталость и безнадежность, готовность къ осужденію, быть можетъ, зависть. Онъ былъ изъ тѣхъ, которые невольно возбуждаютъ во всякомъ великія ожиданія, но ихъ не сдерживаютъ. Послѣдствія моего разсказа объяснятъ причины этого строгаго объ немъ мнѣнія. Но 4-го Августа онъ былъ во всей своей славѣ.»

Еще разъ, обреченный въ Россіи на погибель, Наполеонъ, совершивъ свой мастерскій маневръ, не извлекъ изъ него, какъ въ своихъ прежнихъ войнахъ, полнаго и рѣшительнаго успѣха. Онъ могъ съ войсками, уже бывшими у него подъ рукой, раздавить Раевскаго, взять Смоленскъ и застать въ расплохъ спѣшившія туда назадъ отъ Рудни разными путями наши арміи. Вмѣсто того, нападеніе было слабо; сильнѣе всѣхъ на Паскевича, важно и рѣшительно ихъ отразившаго.

Между тѣмъ подоспѣли къ Смоленску обѣ наши арміи, но съ тѣмъ, что-

бы тотчасъ же разлучиться. Въ виду всѣхъ соединенныхъ силъ непріятеля, князь Багратіонъ пошелъ къ Дорогобужу.

Въ недоразумѣніяхъ неяснаго и неполнаго единоначалія, въ потерянномъ времени на изнурительные для обѣихъ армій, безконечные взадъ и впередъ переходы, забыли укрѣпить Смоленскъ. Это было не трудно при стѣнѣ съ башнями, окружавшей городъ.

Ночью Дохтуровъ съ корпусомъ смѣнилъ Раевскаго, я думаю потому только, что послѣдній принадлежалъ къ 2-й арміи: ибо полезнѣе, казалось бы, оставить на мѣстѣ войска и начальниковъ знакомыхъ уже съ мѣстностью и ободренныхъ удачнымъ первымъ отраженіемъ, усиливъ ихъ только по мѣрѣ надобности.

Въ 8 часовъ утра загорѣлся бой вокругъ Смоленска. Въ два часа огонь затихъ, когда всѣ позиціи наши за городомъ оставались еще въ нашихъ рукахъ. Но когда Наполеонъ удостовѣрился собственными глазами въ удаленіи 2-й арміи, не скрывшей своего

движенія (что было возможно), то всѣми силами кинулся на Смоленскъ.

Это было въ 4 часа по полудни. Наши войска, занимавшія еще предмѣстья, были оттуда вытѣснены и въ безпорядкѣ отступали къ городу. Въ эту минуту графъ Кутайсовъ, съ которымъ я пріѣхалъ въ Смоленскъ, поручилъ мнѣ скакать на встрѣчу артиллеріи, сбитой съ своихъ позицій и на рысяхъ искавшей, сквозь толпы бѣгущихъ, прорваться къ воротамъ. Встрѣтивъ роту Глухова и передавъ ему приказаніе отступать въ порядкѣ, несмотря на преслѣдовавшія его гранаты и ядра, я увидѣлъ толпу, стоявшую въ закрытіи за домомъ. Это былъ г-лъ Капцевичъ, начальникъ сражавшейся тутъ и опрокинутой дивизіи. Въ изумленіи въ такую минуту найти его здѣсь, безъ всякихъ распоряженій, я объявилъ ему, что полки его отступаютъ въ безпорядкѣ и что нужно присутствіе начальника для приведенія ихъ въ устройство. Въ эту минуту, взорвало ящикъ проходившей роты Глухова. Упоминаю о томъ потому, что на этомъ ящикѣ, отъ котораго осталось одно днище,

вывезенъ образъ Смоленской Божіей Матери, сопровождавшій потомъ армію до обратнаго занятія Смоленска. То что̀ я сказалъ о Капцевичѣ не должно возбуждать сомнѣнія въ его храбрости. Напротивъ, онъ во многихъ случаяхъ показалъ, что именно храбрость была его почти единственное военное достоинство. Но не равны дни военнаго человѣка. Молодой, пылкій, я тогда этого не понималъ.

Со всѣхъ сторонъ войска наши неодолимымъ напоромъ массъ непріятельскихъ были сбиты и тѣснимы къ городу. Возвратясь къ Малаховскимъ воротамъ, я увидѣлъ Дохтурова среди огромной свиты и долженъ сказать, что видъ его въ эту минуту не былъ ободрителенъ. Къ чести его спѣшу прибавить, что онъ принялъ это опасное начальство больной, по первому приглашенію Барклая. Онъ былъ безъ галстуха, потъ градомъ катилъ съ его круглаго, малозначительнаго лица; такое смущеніе выражалось какъ на немъ, такъ и въ его словахъ, что бывшій при немъ отличный офицеръ Лютцовъ, обратясь ко мнѣ, сказалъ: „Вы

видите, что здѣсь надѣяться распоряженій нечего.“ Я передалъ это графу Кутайсову. Главное опасеніе было за мостъ на Днѣпрѣ и Никольскіе ворота, ближайшіе къ нему. Но тамъ командовалъ Невѣровскій.

Войска, въ страшномъ безпорядкѣ, тѣснимыя уже вблизи Французами, врывались подъ глазами Дохтурова въ Малаховскіе ворота, когда принцъ Евгеній Виртембергскій съ полками своей дивизіи, присланный по счастливому вдохновенію во время Барклаемъ, предложилъ сдѣлать вылазку, чтобы осадить Французовъ отъ воротъ. Принцъ съ безстрашіемъ, сіявшимъ въ глазахъ и на молодомъ, кроткомъ его лицѣ, самъ сталъ въ головѣ войскъ и повелъ ихъ. Онъ отразилъ натискъ колоннъ Французскихъ, и полки его заняли покрытый путь [8] передъ воротами и стѣною.

Въ эту минуту я поѣхалъ съ гр. Кутайсовымъ къ Никольскимъ воротамъ. Подъѣзжая къ нимъ, мы встрѣтили

---

[8] Инженерное выраженіе. *Изд.*

полки Невѣровскаго въ поспѣшномъ отступленіи въ городъ, но не разсыпаясь однако, ружейный огонь почти уже въ воротахъ и минута критическая. Гр. Кутайсовъ сталъ останавливать отступающихъ, какъ вдругъ подскакалъ къ намъ изъ воротъ генералъ съ неустрашимымъ негодованіемъ на лицѣ, съ ругательствомъ на отступающихъ и, завидѣвъ Кутайсова, громко спросилъ: кто здѣсь мѣшается не въ свое дѣло? — Графъ Кутайсовъ гордо поднялъ свою прекрасную голову. — Я графъ Кутайсовъ, начальникъ артиллеріи, и мое мѣсто вездѣ. Вы кто? — Я Невѣровскій. Они молча, съ уваженіемъ взглянули, кажется впервыя, другъ на друга. Полки опять пошли впередъ, опрокинули все передъ собою, и обратно заняли ближайшіе къ воротамъ домà предмѣстья. Гр. Кутайсовъ поручилъ мнѣ поставить артиллерію, и здѣсь дѣло было возстановлено. Героическая наружность Невѣровскаго осталась въ моей памяти. Онъ былъ одѣтъ какъ на праздникъ. Новые эполеты; изъ подъ разстегнутаго мундира или сюртука, не помню,

виднѣлась тонкая, бѣлая рубаха со сборками; блестящая и готовая сталь въ сильной рукѣ. Онъ былъ красивъ и дѣйствовалъ могущественно на духъ солдата.

Съ баттареи передъ Малаховскими воротами дали знать, что снаряды приходятъ къ концу. Графъ Кутайсовъ поручилъ мнѣ взять изъ первой артиллерійской роты, которую встрѣчу, нѣсколько ящиковъ и вести на баттарею. Надобно было спѣшить, и некогда было обводить ихъ для безопасности около стѣнъ города. Я повелъ взятые ящики большою улицею. Она была любопытна. Городъ былъ окруженъ Французскими баттареями, послѣ отраженія отъ всѣхъ воротъ, открывшими на него убійственный огонь; гранаты разрывало во множествѣ на улицѣ, и осколки отражались отъ каменныхъ домовъ. Раненые шли, ползли, лѣпясь около стѣнъ, другихъ вели или несли, и ядра и гранаты нерѣдко ихъ догоняли. Въ разныхъ мѣстахъ загоралось. Счастливо провелъ я свои ящики и привелъ на баттарею. Она была въ страшномъ положеніи, осы-

паемая вблизи ружейными пулями, картечью, гранатами и ядрами. Валъ, неисправленный и безъ того низкій, былъ разрытъ ядрами. Прислуга, уже нѣсколько разъ возобновленная, могла дѣйствовать только наклонившись. Заряды пришли кстати: ихъ уже не было, и хотѣли оставить баттарею. Тутъ, помнится, командовалъ Синельниковъ.

Не умолкаемо кипѣлъ бой вокругъ стѣнъ Смоленска. Пожаръ распространялся внутри его. Но защитники его не оставляли своихъ опасныхъ мѣстъ на стѣнахъ. Нигдѣ непріятель не пріобрѣлъ замѣтнаго успѣха. Дрались уже только, чтобы драться. Только Поляки, лѣвѣе отъ Никольскихъ воротъ, отчаянно кинулись и съ минуту заставили опасаться за мостъ, но штыками остановленные и съ большимъ урономъ, были разсыпаны. Ночь прекратила упорное сраженіе, не доставившее Наполеону ни малѣйшаго преимущества.

Послѣ полуночи, Дохтуровъ получилъ повелѣніе оставить городъ и отступить къ арміи на лѣвый берегъ Днѣпра, истребивъ мостъ и удержи-

вая только Петербургское предмѣстье.

Возвращаясь послѣ замолкшей битвы въ лагерь арміи, уже ночью и поднимаясь на высоту, я увидѣлъ весь гребень ея покрытый генералами и офицерами, которыхъ лица, обращенныя къ Смоленску, страшно были освѣщены пожаромъ. Между ними было лице женщины, одѣтой амазонкой, нѣжныя черты которой легко было отличить среди суроваго выраженія опаленныхъ солнцемъ и бивакам лицъ мужскихъ. Это была жена Храповицкаго. Взошедши на гору, я поворотилъ свою лошадь къ городу. Онъ весь уже казался въ огнѣ. Этотъ огромный костеръ церквей и домовъ былъ поразителенъ. Всѣ въ безмолвіи не могли свести съ него глазъ. Сквозь закрытыя вѣки проникалъ блескъ ослѣпительнаго пожара. Скоро намъ предстояло позорище еще гораздо обширнѣе этого; но это было вблизи, почти у ногъ нашихъ, а то отразилось для насъ на небѣ въ заревѣ необозримомъ.

Въ главной квартирѣ я нашелъ разныя группы генераловъ, судившихъ о

происшествіи дня и предстоящихъ планахъ главнокомандующаго. Всѣ осуждали извѣстное уже намѣреніе его продолжать отступленіе. Одни желали сами атаковать Наполеона. Ближайшіе къ Барклаю-де-Толли были противъ отступленія. Онъ оставался непоколебимъ. Гр. Кутайсовъ, украшенный новою славою дня, любимый всѣми и главнокомандующимъ, на даръ слова котораго надѣялись, принялъ на себя передать ему желаніе и надежды первыхъ лицъ арміи. Барклай-де-Толли выслушалъ его внимательно и съ кроткою ласкою отвѣчалъ ему: „пусть всякій дѣлаетъ свое дѣло, а я сдѣлаю свое“.

Теперь не трудно, сказать, что правъ былъ Барклай-де-Толли и что для одолѣнія такого завоевателя, каковъ былъ Наполеонъ, требовались отъ Россіи, для ея вѣчной славы, жертвы важнѣе Смоленска. Сами враждующіе главнокомандующіе оба должны были скоро померкнуть передъ кометою, пожигавшею и давившею Россію: одинъ заживо отъ не справедливагонегодованія и народнаго ропота времен-

но, другой навсегда отъ смертельной раны на Бородинскомъ полѣ. А между тѣмъ сѣдой старикъ, судьбами Россіи отъ невѣроятной раны въ молодости чудно сохраненный, имя котораго было уже въ устахъ народа, предназначался довершить славную борьбу за честь опозореннаго Отечества и потомъ за порогомъ его умереть тихо, передавъ лѣтописямъ новое имя на вѣчное прославленіе.

Въ правилахъ военнаго искусства Смоленское сраженіе можетъ служить счастливымъ примѣненіемъ, какъ слабѣйшему въ оборонительной войнѣ съ пользою должно искать съ превосходнымъ въ числѣ непріятелемъ сраженія въ крѣпкихъ оборонительныхъ позиціяхъ, нанося ему тѣмъ потери гораздо чувствительнѣе собственныхъ и тѣмъ понижая самонадѣянность начальника и войскъ непріятельскихъ и возвышая духъ своихъ, продолжительнымъ отступленіемъ ослабленный. Такъ уравниваются наконецъ не только нравственныя, но и матеріальныя силы.

*

6 Августа 1-я армія оставалась на позиціи передъ Смоленскомъ. Наполеонъ занялъ оставленный городъ.

Ночью началось отступленіе проселочными дорогами, чтобы на 7-й верстѣ выдти на столбовую Московскую. До этого разстоянія большая дорога пролегала по лѣвому берегу Днѣпра, въ виду и не рѣдко на ружейный выстрѣлъ съ другаго берега, занятаго уже Французами.

Темнота ночи, узкія дороги, неточность приказаній были виною, что солнце было уже высоко, а наши корпуса пробирались еще и не достигли перекрестка; между тѣмъ Жюно наводилъ уже мостъ на Днѣпрѣ въ Прудищевѣ, Мюратъ съ массами кавалеріи спѣшилъ туда же, Ней послѣ нерѣшительнаго преслѣдованія на него аріергарда обращенъ также на Лубино. Наше положеніе сдѣлалось чрезвычайно опасно. Разъединенныя на большомъ пространствѣ по проселочнымъ путямъ войска наши, если бы непріятель занялъ перекрестокъ, могли быть отрѣзаны отъ войскъ, продолжавшихъ свое отступленіе къ Соловьеву. Барклай-де-

Толли выѣхалъ самъ на большую дорогу. Къ счастію, Тучковъ 3-й, первый на нее вышедшій, понялъ опасность, угрожавшую арміи и, не смотря на совсѣмъ иное назначеніе, повернулъ направо, на встрѣчу непріятелю, и занялъ позицію впереди перекрестка. Братъ его, Тучковъ 1-й, сталъ у него въ резервѣ. Войска сзади спѣшили выходить на большую дорогу. Къ счастію, Наполеонъ оставался въ Смоленскѣ и хотя Ней и Мюратъ поняли всю важность обстоятельствъ, но не было единства и пылу дѣйствій, производимыхъ присутствіемъ Императора. Жюно не слушался и стоялъ на мѣстѣ у Днѣпра.

Наступила однако критическая минута. Ней съ бѣшенствомъ атаковалъ Тучкова, осадилъ его и войска, на дорогѣ стоявшія, картечнымъ огнемъ разсѣялъ. Барклай-де-Толли, въ нѣкоторомъ разстояніи слѣдившій за ходомъ дѣла, внезапно осыпанный картечью и не имѣя подъ рукою ни артиллеріи, ни другихъ войскъ, поскакалъ назадъ на встрѣчу имъ. Миновавъ вслѣдъ за нимъ роковой перекрестокъ, графъ Ку-

тайсовъ увидѣлъ меня и въ короткихъ словахъ передалъ мнѣ свои опасенія, что моментъ наступилъ рѣшительный, такой, что каждому слѣдовало дѣлать что̀ внушитъ ему сердце. Ермоловъ шепнулъ мнѣ на ухо: „Аустерлицъ!“

Безсознательно поворотилъ я лошадь и поскакалъ по оставленной дорогѣ. По кустарникамъ съ обѣихъ сторонъ пробирались назадъ солдаты, укрываясь отъ ядеръ, прыгавшихъ по дорогѣ. Замѣтивъ между ними нѣсколько барабанщиковъ, я вызвалъ ихъ, приказалъ бить сборъ, и въ невѣроятно-короткое время сбѣжалось со всѣхъ сторонъ ко мнѣ нѣсколько сотъ унтеръ-офицеровъ и солдатъ разныхъ воротниковъ; изъ офицеровъ кавалергардскаго полка Башмаковъ и де-Юнкеръ. Мы двинулись впередъ, закрыли собою перекрестокъ и стали въ виду непріятеля на дорогѣ.

Скоро подошелъ съ дивизіею Коновницынъ, посланный главнокомандующимъ для возстановленія дѣла. Найдя уже войска тамъ, гдѣ ожидалъ скорѣе найти непріятеля, онъ въ самыхъ лестныхъ словахъ выразилъ мнѣ свое

уваженіе и привѣтствовалъ навѣрное съ Георгіевскимъ крестомъ [9].

Между тѣмъ стало смеркаться. Графъ Орловъ-Денисовъ, лѣвѣе и въ виду нашемъ, отразилъ всѣ атаки Мюрата, угрожавшаго обойти оттуда нашъ лѣвый флангъ. Вновь подошедшія Французскія войска корпуса Даву, вправо отъ дороги, яростно атаковали шедшаго навстрѣчу имъ Тучкова. И тѣ и другіе въ нѣсколько минутъ понесли страшную потерю. Гюденъ, начальникъ дивизіи Французской, былъ убитъ; Тучковъ раненъ и взятъ въ плѣнъ. Позиція наша была удержана. Всѣ войска между тѣмъ вышли съ проселочныхъ на большую дорогу и стянулись. Ошибки дня были исправлены стойкостью войскъ и присутствіемъ главнокомандующаго. Наполеонъ поздно оцѣнилъ важность происходившаго и пріѣхалъ уже ночью, послѣ сраженія. Не сомнѣваюсь, что въ грустные часы островскаго своего заточенія, разбирая длинныя и кровавыя четки своихъ бое-

---

[9] Авторъ впослѣдствіи получилъ за участіе въ этомъ дѣлѣ Георгіевскій крестъ. *Изд.*

выхъ дней, онъ не разъ задумывался на Лубинскомъ дѣлѣ и проклиналъ часы отдыха, удержавшіе его въ Смоленскѣ.

*

У Данилевскаго, въ его описаніи войны 1812 года, вы найдете разговоръ Наполеона съ генераломъ Павломъ Алексѣевичемъ Тучковымъ, раненымъ и взятымъ въ плѣнъ поздно вечеромъ въ Лубинскомъ дѣлѣ [10]. Для

[10] Описаніе Отечественной войны, изд. 1843 г. ч. II, стр. 145—150. Сраженіе подъ Лубинымъ (близъ Смоленска) происходило 8-го Августа. Въ разговорѣ съ плѣннымъ Тучковымъ Наполеонъ поручалъ ему довести до свѣдѣнія Государя, что онъ ничего такъ не желаетъ, какъ заключить миръ, и между прочимъ говорилъ: „Я займу Москву, и какія бы я ни принялъ мѣры, чтобы избавить ее отъ разоренія, ничто не поможетъ. Занятая непріятелемъ столица похожа на женщину, потерявшую честь: что̀ ни давай послѣ, но чести не воротишь. Знаю: у васъ говорятъ, что Россія не въ Москвѣ. Тоже самое твердили и Австрійцы о Вѣнѣ; но когда я ее занялъ, они заговорили иначе. И съ вами тоже случится. Столица ваша Москва, а не Петербургъ, который не иное что, какъ мѣстопребываніе вашихъ Монарховъ.“ Да-

меня этотъ разговоръ весьма замѣчателенъ. Въ немъ живо отражается умственное и душевное состояніе завоевателя. Онъ глубоко чувствуетъ, что эта война не похожа на всѣ прежнія; что на всегдашнее послѣдствіе побѣды, на миръ, полагаться нечего. Никто лучше его не зналъ, что побѣды еще не было; были жаркія, кровавыя битвы, послѣ нихъ отступленіе твердое, неустрашимое, предвѣщающее что-то новое, необыкновенное. Города и селенія опустѣли, — грозное предвѣстіе народнаго участія. Въ смѣшныхъ угрозахъ Александру и Москвѣ, отзываются опасеніе, нерѣшительность, почти просьба, даже выраженная объ оставленіи земскихъ властей на мѣстахъ, занимаемыхъ Французами. Въ уподобленіи дѣйствія на Россію, армію и Государя, въ случаѣ потери Москвы, съ тѣмъ что̀ бывало съ Австріей по взятіи Вѣны, угадывается боязнь, что будетъ иначе, и что̀ тогда? Я увѣренъ,

---

нилевскій заимствовалъ этотъ разговоръ изъ Записокъ Тучкова. Нельзя не пожалѣть, что Записки эти доселѣ не изданы. *Изд.*

что всѣ соображенія (болѣе или мѣнѣе ясно), о томъ что̀ случиться могло и дѣйствительно съ нимъ случилось, молніями пролетали въ обширномъ его умѣ и потрясали его душу; увѣренъ, что мысль остановиться предстала ему, но недалекая уже Москва манила неодолимо, обольстительно. Въ ней возможенъ еще миръ; передъ ней побѣда въ неминуемомъ за нее сраженіи. Но невѣрное, неизвѣстное такъ грозно однако предстояло его душѣ, что, несмотря на огромность введенныхъ имъ въ Россію полчищъ, новыми распоряженіями изъ Смоленска двинуты новыя силы отъ береговъ Нѣмана, Вислы, Одера, Эльбы, Рейна и даже изъ предѣловъ Франціи, къ границамъ Россіи. Все это вмѣстѣ убѣждаетъ меня, что не ослѣпленіе, скрывшее отъ него опасность, но упорство, побуждавшее еще непобѣжденнаго все испытать прежде чѣмъ уступить, влекло его въ погибель.

Армія отступила спокойно; въ Соловьевѣ переправилась черезъ Днѣпръ; два дня преслѣдованія не было. Платовъ оставался на переправѣ. При

приближеніи Французовъ въ силахъ, онъ отошелъ къ Михалевкѣ. Здѣсь, 10-го, послѣ полудня, было жаркое арріергардное дѣло; непріятель былъ отраженъ.

Отыскивали удобной позиціи для принятія генеральнаго сраженія. Генералъ-квартирмейстеръ Толь выбралъ передъ Дорогобужемъ казавшуюся ему выгодною. Оба главнокомандующіе и цесаревичъ Константинъ съ своими штабами выѣхали 12-го Августа осмотрѣть ее. Я поѣхалъ также. Барклай-де-Толли замѣтилъ разныя невыгоды этой позиціи, въ особенности на лѣвомъ ея флангѣ. Толь защищалъ ее съ самонадѣянностію и безъ осторожности въ выраженіяхъ; наконецъ прибавилъ въ увлеченіи, что позиція имъ избранная не можетъ имѣть тѣхъ недостатковъ, какіе въ ней находятъ. Тутъ разразилась туча. Едва онъ выговорилъ это съ тономъ еще болѣе неприличнымъ, чѣмъ самыя слова, какъ князь Багратіонъ выѣхалъ впередъ: „Какъ смѣешь ты такъ говорить и передъ кѣмъ: взгляни, передъ братомъ Государя, передъ главнокомандующи-

ми, ты мальчишка! Знаешь чѣмъ это пахнетъ—бѣлой рубашкой.“ Все умолкло. Барклай де-Толли сохранилъ непоколебимое хладнокровіе, цесаревичь осадилъ свою лошадь въ толпу, у Толя пробились слезы и текли по суровому лицу. Позиція оставлена, и приказано было тотчасъ отступать. Канонада въ арріергардѣ слышалась уже близко. Отошли къ Вязьмѣ. Разногласіе между главнокомандующими не было уже тайною для арміи. Всѣ почти склонялись на сторону князя Багратіона. Духъ унынія и осужденія всего что̀ дѣлалось изъ глухаго дѣлался громкимъ. Въ главной квартирѣ пѣли:

Vive l'état militaire
Qui promet à nos souhaits
Les retraites en temps de guerre,
Les parades en temps de paix [1].

Роль цесаревича стала затруднительна. Онъ послѣдовалъ общему увлеченію противъ Барклая-де-Толли. Это-

---

[1] Да здравствуетъ военное состояніе, отъ котораго намъ ожидать отступленій въ боевое время и парадовъ во дни мира.

го было уже слишкомъ много для послѣдняго. Хладнокровный, безстрастный, онъ рѣшился однако выслать цесаревича изъ арміи. Это было въ Дорогобужѣ. Мнѣ случилось быть одному у Алексѣя Петровича Ермолова, когда цесаревичъ вошелъ, чтобы проститься съ нимъ и получить отправляемое съ нимъ донесеніе къ Государю. Онъ съ какою-то странною радостію оставлялъ армію, едва ли имъ понятую.

Въ Вязьмѣ я зашелъ къ графу Кутайсову подъ вечеръ. Онъ сидѣлъ при одной свѣчкѣ, задумчивый, грустный; разговоръ неодолимо отзывался уныніемъ. Передъ нимъ лежалъ Оссіанъ въ переводѣ Кострова. Онъ сталъ громко читать пѣснь Картона [12]. Пріятный его голосъ, даръ чтенія, грустное содержаніе пѣсни, созвучное настроенію душъ нашихъ, приковали мой слухъ и взглядъ къ нему. Я буд-

---

[12] Картонъ, вождь Британцевъ, герой Оссіановой поэмы этого имени, погибшій на войнѣ въ ранней юности. *Изд.*

то предчувствовалъ, что слышу послѣднюю пѣснь лебедя.

Есть въ жизни положенія, болѣе отмѣчающія нѣкоторые дни ея. Не особенною дѣятельностію памятны они; скорѣе можно, напротивъ, назвать ихъ страдательными. Это какое-то отраженіе внѣшняго міра въ душѣ вашей, полной обыкновеннаго, послѣ множества сильныхъ, послѣдовательныхъ впечатлѣній. Это кризисы нравственнаго образованія, на цѣлую жизнь дѣйствующіе. Таковы были для меня эти дни до Бородинскаго побоища.

Въ такомъ расположеніи духа, случилось со мною тогда что-то странное. Позицію подъ Дорогобужемъ нужно было оставить поспѣшно. Ермоловъ послалъ меня къ Дохтурову съ приказаніемъ немедленно подняться и выступить. Когда я проѣзжалъ по бивакамъ для отысканія его, нѣсколько знакомыхъ артиллеристовъ остановили меня, уговорили, стащили почти съ лошади, усадили съ собою на травѣ и подали мнѣ стаканъ чаю. Все это время я былъ въ какомъ-то забытьи, не размышляя, зачѣмъ я тутъ, не по-

мня, куда посланъ. Не знаю, сколько времени прошло въ этомъ остолбенѣніи, какъ близкіе пушечные выстрѣлы тѣснимаго арріергарда вдругъ разсѣяли туманъ, на душѣ моей лежавшій; я кинулся опрометью къ лошади и передалъ что̀ было нужно Дохтурову, нѣсколько удивленному позднимъ полученіемъ приказанія, котораго, къ счастію, онъ ожидалъ совсѣмъ готовый къ выступленію. Проходя съ нимъ чрезъ селеніе, главною квартирою занимаемое, я увидѣлъ Ермолова на улицѣ, смотрѣвшаго съ недовольнымъ лицемъ на подходящія войска. Онъ быстро спросилъ меня: почему такъ поздно? Не зная что̀ отвѣчать, я только взглянулъ на него съ смущеніемъ. Проницательнымъ и быстрымъ своимъ взглядомъ онъ всмотрѣлся въ меня и не сказалъ болѣе ни слова, ни тогда, ни послѣ. Къ счастію арріергардъ не былъ нисколько задержанъ; иначе намѣреніе мое было принято загладить сдѣланную ошибку однимъ средствомъ, которое мнѣ оставалось.

17-го Августа армія пришла въ Царево-Займище, на избранную для при-

нятія генеральнаго сраженія позицію, и начала укрѣпляться.

Между тѣмъ аррієргардъ, наканунѣ подъ начальство Коновницына поступившій, мужественно несъ на плечахъ своихъ Мюрата и отбрасывалъ его всякій разъ, когда за нужное считалъ остановиться, сохраняя для себя выгоды позиціи и отражая бѣшеные натиски вѣнчаннаго наѣздника. Съ удовольствіемъ останавливаюсь надъ героическою памятью этого достойнаго мужа, Коновницына. Только въ отечественной войнѣ возвышаются явленія подобныя ему. Не столько, полагаю, отличали его военныя дарованія, сколько величіе самоотверженія всегда присутственнаго, неутомимаго, равнаго величію самой борьбы за честь и цѣлость Отечества, и кротостію нрава истинно умилительною украшеннаго.

18-го Августа, на бивакахъ Царево-Займища, внезапно разнесся слухъ, что новый главнокомандующій Кутузовъ назначенъ, уже прибылъ и въ лагерѣ. Тогда только, по всеобщей, восторженной радости, можно было убѣдиться, до какой степени дошли

въ арміи уныніе, неудовольствіе и желаніе перемѣны. И такъ можно сказать, безъ тѣни осужденія благороднаго мужа (жертвы несправедливаго, но понятнаго народнаго ропота), что перемѣна въ эту минуту была нужна, была необходима. Россія стòила того и, благодарная въ упроченномъ своемъ могуществѣ, должна почтить огорченнаго тогда вождя своею безсмертною памятью, за успѣшное совершеніе половины, менѣе блистательной, но быть можетъ труднѣйшей, въ великомъ дѣлѣ спасенія Отечества.

Немногое прибавлю къ описанію Бородинской битвы Данилевскаго. Важнѣйшія, роковыя ея минуты довольно вѣрно отмѣчены. Ограничусь тѣмъ, чему былъ очевидецъ близкій. Я былъ уже совсѣмъ при Ермоловѣ. 23-го, еще при объѣздѣ позиціи, безошибочно можно было предвидѣть, что главныя усилія обращены будутъ противъ нашего лѣваго фланга, не представлявшаго на мѣстности естественныхъ препятствій и, главное, потому что старая Смоленская въ Москву дорога пролегала вблизи его. Несмотря на то,

не было во 2-ю армію (лѣвый флангъ составлявшую) передано изъ первой хотя части шанцоваго инструмента и другихъ строительныхъ средствъ, безъ пользы употребленныхъ на укрѣпленіе праваго фланга и безъ того почти недоступнаго. Я позволилъ себѣ замѣтить это тогда же Алексѣю Петровичу Ермолову, начальнику штаба. Онъ видѣлъ это лучше меня, но въ то же время оцѣнивалъ и неудобство такого распоряженія, отъ раздѣленія войскъ и штабовъ на двѣ арміи происходящее. Оттого баттарея Раевскаго и флеши Семеновскія были профили слабой; укрѣпленій могло быть больше, и отдѣльный корпусъ Тучкова на старой Смоленской дорогѣ, отъ участи котораго могла зависѣть судьба всего сраженія, долженъ былъ (я полагаю) сильнѣе укрѣпить свою позицію при Утицѣ, связавъ ее редутами и флешами съ лѣвымъ флангомъ. Тамъ не было почти ничего сдѣлано, по неимѣнію средствъ.

Слово, сказанное Наполеономъ при осмотрѣ поля и редута послѣ Шевардинскаго дѣла, было не то, какое при-

водитъ Данилевскій. На вопросъ Императора: почему нѣтъ плѣнныхъ, командовавшій тамъ генералъ отвѣчалъ: „Les Russes se font tuer plutôt et tiennent comme un mur.—Eh bien, nous le demolirons [13].“ Это лучше и согласно съ разсказами Французовъ.

На разсвѣтѣ 26-го Августа, князь Кутузовъ, окруженный большою свитою, стоялъ уже верхомъ на возвышеніи за правымъ флангомъ. Всѣ глаза были обращены на село Бородино, отстоявшее около версты отъ позиціи, отдѣленное отъ нея рѣчкой Колочею и занятое гвардейскимъ егерскимъ полкомъ. Барклай-де-Толли находилъ опаснымъ и безполезнымъ удерживать это село и полагалъ отозвать оттуда немедленно егерей. Герцогъ Александръ Виртембергскій защищалъ противное мнѣніе. Кутузовъ безмолвно выслушивалъ обоихъ. Вдругъ батальный ружейный огонь отъ множества Французскихъ колоннъ засыпалъ пулями Бородино и егерей, не замѣтившихъ

[13] Русскіе предпочитаютъ давать убивать себя и держатся стѣною.—Ну такъ мы ее разрушимъ.

за туманомъ приближенія непріятеля. Егеря были мгновенно выбиты съ большой потерей и бросились въ безпорядкѣ на мостъ къ Колочѣ; Французы за ними, не давъ времени сломать мостъ. Я былъ въ эту минуту посланъ къ конно-артиллерійской ротѣ полковника Ховена съ приказаніемъ скакать для занятія высоты, командовавшей мостомъ и окрестностію. Это было исполнено чрезвычайно быстро, и картечь осыпала преслѣдовавшихъ Французовъ. Егеря Вуича и Карпенка опрокинули и истребили ихъ. Мостъ сломали.

Еще этотъ вводный актъ Бородинской драммы не былъ совсѣмъ оконченъ, какъ весь лѣвый флангъ покрылся дымомъ и загремѣлъ выстрѣлами. Скоро все слилось въ одинъ непрерывный гулъ. Долго Кутузовъ не отпускалъ отъ себя Ермолова и графа Кутайсова, порывавшихся къ Багратіону. Но когда стали доходить одно за другимъ донесенія объ огромной потерѣ, 2-ю арміею понесенной при отраженіи яростныхъ аттакъ непріятеля, о смерти и ранахъ одного началь-

ника за другимъ, наконецъ и самаго князя Багратіона, князь Кутузовъ приказалъ Ермолову ѣхать туда для возстановленія дѣлъ. Графъ Кутайсовъ поѣхалъ съ нами. Здѣсь я видѣлъ его въ послѣдній разъ.

Едва поравнялись мы съ баттареей Раевскаго, направляясь прямѣйшимъ путемъ на правый флангъ, какъ увидѣли скачущіе на насъ передки артиллеріи съ этой баттареи и нашу пѣхоту, въ разстройствѣ отступающую. Баттарея Раевскаго была въ рукахъ Французовъ. Ермоловъ тотчасъ поворотилъ свою лошадь къ баттареѣ и, не останавливаясь, повелъ на нее эту же самую толпу отступавшихъ и Уфимскій полкъ. Французы штыками сброшены съ нея, покрывъ своими тѣлами все внутреннее пространство баттареи. Генералъ Бонами, тутъ командовавшій, исколотый, взятъ въ плѣнъ. Ермоловъ приказалъ мнѣ остановить пѣхоту, запальчиво слѣдовавшую за отступавшими Французами. Такъ возстановлено дѣло въ центрѣ.

Чтобы не допустить насъ воспользоваться одержаннымъ успѣхомъ, все

пространство, непріятелемъ противъ насъ занимаемое, покрылось артиллеріей и засыпало насъ картечью, гранатами и ядрами. Сто двадцать орудій подъ начальствомъ генерала Сорбье (какъ мы узнали изъ бюллетеня) составили одну огромную, неумолкающую баттарею. По выдавшейся угломъ нашей позиціи огонь непріятеля былъ перекрестный, и дѣйствіе его истребительно. Несмотря на то, пѣхота наша, въ грозномъ устройствѣ, стояла по обѣ стороны Раевскаго баттареи. Ермоловъ послалъ меня сказать пѣхотѣ, что она можетъ лечь, для уменьшенія дѣйствія огня. Всѣ оставались стоя и смыкались, когда вырывало ряды. Ни хвастовства, ни робости не было. Умирали молча. Когда я отдавалъ приказаніе Ермолова одному баталіонному командиру, верхомъ стоявшему передъ баталіономъ, онъ, чтобы лучше выслушать, наклонилъ ко мнѣ голову. Налетѣвшее ядро размозжило ее и обрызгало меня его кровью и мозгомъ.

Скоро по возвращеніи моемъ на баттарею, увидѣли скачущую полемъ

лошадь графа Кутайсова. Ее поймали. Сѣдло и стремя были окровавлены. Его давно уже отыскивали офицеры съ разныхъ частей арміи, какъ начальника всей артиллеріи. Не осталось сомнѣнія въ судьбѣ его постигшей, но тѣло его не найдено, и обстоятельства послѣднихъ его минутъ остались неизвѣстны. Вѣрны только всеобщее объ немъ сожалѣніе и вредъ для общаго хода дѣлъ, отъ ранней его потери происшедшій. Ему шелъ 29-й годъ жизни и 11-й часъ Бородинской битвы, когда онъ палъ, не достигши полдня ни послѣдней, ни первой.

Почти въ эту же минуту выносили исходившаго кровью князя Багратіона, хотѣвшаго нѣсколько времени скрыть свою смертельную рану: послѣдняя жертва, героемъ Отечеству принесенная. Осиротѣвшая безъ него 2-я армія и сверхъ того лишенная смертію и ранами почти всѣхъ главныхъ своихъ начальниковъ, держалась однимъ отчаяннымъ мужествомъ войскъ, безъ общей связи въ распоряженіяхъ. Раевскій могъ бы, какъ старшій, принять главное надъ нею начальство, о чемъ по-

сылалъ просить его Коновницынъ, однако остался при своемъ корпусѣ, подъ сильнымъ огнемъ, но въ бездѣйствіи.

По утвержденіи за нами возвращенной баттареи Раевскаго, Ермоловъ послалъ меня донести о томъ Барклаю-де-Толли. Я нашелъ его подъ картечью, пѣшкомъ; онъ что-то ѣлъ. Съ улыбающимся, свѣтлымъ лицемъ онъ выслушалъ меня, велѣлъ привѣтствовать Ермолова съ знаменитымъ подвигомъ и увѣдомить, что Дохтурова корпусъ идетъ на подкрѣпленіе центру.

Скоро по возвращеніи моемъ къ Ермолову подошла къ намъ дивизія Лихачева. Поддерживаемый подъ руки офицерами, больной, разбитый, кажется, параличемъ, онъ былъ взведенъ на баттарею. Можно было положиться въ защитѣ ея на генерала, который въ подобномъ положеніи тѣла, живой и бодрый одною душою, не оставляетъ своего мѣста. Ермоловъ, поручивъ ему начальство, намѣревался ѣхать на лѣвый флангъ, какъ осколокъ гранаты или картечь ударила его въ шею. Удаленіе Ермолова должно поставить въ число роковыхъ случаевъ

этого дня, для него и для арміи. Передавъ его въ руки лейбъ-медика Виллiе, я хотѣлъ ѣхать къ Милорадовичу; но Ермоловъ просилъ меня отправиться къ Раевскому, по словамъ его съ выгодной стороны обо мнѣ предваренному. Исполняя волю его, я скоро отыскалъ Раевскаго. Онъ принялъ меня привѣтливо, но безнадежно прибавилъ, что жалѣетъ, что я прiѣхалъ въ такую минуту, гдѣ ему не остается ничего инаго, какъ присутствовать при истребенiи его корпуса.

Центръ и лѣвый флангъ нашей арміи были опоясаны непрерывною цѣпью непріятельскихъ орудій, батальнымъ огнемъ и перекрестно дѣйствовавшимъ. Это было приготовленіе къ рѣшительной аттакѣ центра. Было около четырехъ часовъ, когда массы пѣхоты и конницы двинулись на насъ. Тогда закипѣла сѣча, общая, ожесточенная, безпорядочная, гдѣ все смѣшалось, пѣхота, конница и артиллерія. Бились, какъ будто каждый собою отстаивалъ побѣду. Послѣдній конный резервъ, кавалергарды и конная гвардія, аттаковали въ свою оче-

редь и смѣшались съ конницею непріятеля. То была рѣшительная, грозная минута въ судьбѣ Россіи. Вѣсы побоища склонялись видимо въ пользу завоевателя. Центральная баттарея и начальникъ ея, Лихачевъ, засыпавъ ровъ и поле тѣлами нападающихъ, съ тыла взятые, достались непріятелю. Конница его, какъ обезумѣвшая, носилась по нашему полю и вскакивала въ свиты генераловъ. Все казалось у насъ разстроеннымъ и открытымъ. Подъ рукой не было резерва, кромѣ Преображенцевъ и Семеновцевъ, стоявшихъ у опушки лѣса. Хотя и непріятель былъ также смѣшанъ и разстроенъ, но онъ былъ среди насъ, и сильный резервъ, ружье у ноги, цѣлый и въ дѣлѣ неучаствовавшій, гвардія Наполеона, стояла въ глазахъ нашихъ, какъ грозная туча, готовая разразиться и сокрушить всякій отпоръ. Барклай-де-Толли и Милорадовичь въ эти мунуты были путеводными звѣздами въ хаосѣ сраженія: все ободрялось, устроивалось ими и вокругъ нихъ. Скоро разбитые остатки полковъ составили новую стѣну, готовую на новый бой.

Благопріятствовавшее побѣдѣ мгновеніе невозвратно минуло для Императора, слѣдившаго, пѣшкомъ, передъ своею гвардію, безмолвно, за всѣми фазами побоища, и для него даже по ожесточенію своему необыкновеннаго. Онъ не рѣшился ввести въ убійственный проломъ послѣднюю свою надежду, для довершенія (по моему мнѣнію) несомнительной, ему столько знакомой, но на этотъ разъ не узнанной имъ, манившей его тогда, побѣды. Что это его въ послѣдствіи мучило, доказываютъ въ его запискахъ оправданія и причины, изъ общихъ мѣстъ военнаго искусства приводимыя, почему онъ не могъ поступить иначе. Я тогда же думалъ и сказалъ, что съ нимъ что-нибудь случилось или онъ долженъ быть боленъ. Сегюръ, въ своемъ описаніи воины 12-го года, подтвердилъ послѣднее.

Около пяти часовъ по полудни, аттаки прекратились. Продолжались только кононада съ обѣихъ сторонъ и перестрѣлка между цѣпями застрѣльщиковъ. Ясно было, что арміи разшиблись одна объ другую, и ни та, ни

другая не могутъ предпринять въ остальные часы дня ничего важнаго.

Увидѣвъ остановившагося позади центра Кутузова со свитою, я подъѣхалъ туда и, подозванный Толемъ, былъ представленъ ему. Онъ послалъ меня тогда поздравить начальниковъ войскъ съ отраженіемъ непріятеля и предварить о наступленіи на него на утро. Перваго нашелъ я на лѣвомъ флангѣ, сидѣвшаго среди войскъ на барабанѣ, генер. Дохтурова. Почтенный воинъ принялъ меня и вѣсть съ радостнымъ лицемъ, а множество знакомыхъ съ восторгомъ. Въ центрѣ Милорадовичь выслушалъ меня и приказалъ доложить, что онъ берется (если угодно будетъ главнокомандующему), отнять безъ большаго урону центральную баттарею (Раевскаго). Дѣйствительно, ничто столько не доказывало крайней степени изнеможенія непріятеля, какъ безполезное обладаніе этой важной точкой нашей позиціи, куда не были даже подвинуты ихъ баттареи.

Наконецъ сумерки и потомъ давно желанная ночь спустились и покрыли

мракомъ на всегда увѣковѣченныя поля, человѣческою жатвой покрытыя.

Размышляя, на разстояніи тридцати пяти протекшихъ съ того дня лѣтъ, о разныхъ видахъ, которые могло принять это сраженіе, нельзя безъ глубокаго чувства признательности не оцѣнить содѣйствія Промысла Божія, на спасеніе и прославленіе Россіи отдѣлившаго на ея долю столько, а не болѣе и не менѣе успѣха.

Побѣда оставалась нерѣшенная между обѣими арміями. Если съ одной стороны можно было считать перевѣсомъ успѣшное отраженіе всѣхъ усилій непріятеля, то сохраненный имъ резервъ, важный по числу и составу, при новой борьбѣ, обѣщалъ ему почти вѣрное преимущество. Если бы перевѣсъ съ нашей стороны былъ значительнѣе (рѣшительной побѣды надъ Наполеоновой арміей въ тогдашнемъ состояніи нельзя было надѣяться), Наполеонъ можетъ быть отступилъ бы до Днѣпра, куда подоспѣли бы къ нему корпуса Виктора, Ожеро и другіе, между тѣмъ какъ наша армія, кровавою побѣдою ослабленная, увлек-

лась бы вѣроятно въ преслѣдованіе, удаляясь отъ своихъ подкрѣпленій. Война, вмѣсто народной, приняла бы обыкновенные свои размѣры и, безъ сомнѣнія, не въ нашу пользу, несмотря на непреклонную твердость Александра и усердную готовность Россіи на всякую жертву.

А Москва?—Москва, изъ своего безсмертнаго пепла возставшая, прекрасная, богатая, новою, вѣчною славою великой жертвы озаренная, конечно всегда будетъ помнить, вмѣстѣ съ цѣлой Россіей, свои дни скорби и запустѣнія, но помнить съ тѣмъ, чтобы гордиться ими: ибо пожаръ ея, надъ головой вторгнувшагося въ нее врага зажженный, если былъ дѣломъ немногихъ, то былъ мыслію всѣхъ. И съ нею вмѣстѣ обратились въ прахъ и всѣ надежды завоевателя на миръ и на побѣду.

Но возвратимся на Бородинское поле. Ночь была темная, сырая. Обѣ арміи считали и осматривали свои раны. Французы оставили взятыя ими разныя точки нашей позиціи и отступили къ Колоцкому монастырю. Свѣдѣнія,

наскоро отъ всѣхъ частей собранныя, показали, что у насъ половина арміи выбыла изъ строя. Однихъ генераловъ и офицеровъ болѣе двухъ тысячь.

Французская артиллерія издержала 60 т. [14] зарядовъ. Наша только 20 т. Первая употребляема была всегда массами, наша большею частію разсѣяна на позиціи. Артиллерійскій резервъ нашъ не былъ вводимъ въ дѣло мыслію общаго начальника, но или по требованію разныхъ частныхъ начальниковъ или по увлеченію личной храбрости ротныхъ командировъ, она бросалась туда, гдѣ огонь непріятеля былъ опустошительнѣе, гдѣ еще неготовые, не успѣвъ еще сняться съ передковъ, находили противъ себя сотни орудій, на избранныхъ позиціяхъ большею частію перекрестно дѣйствовавшихъ. Нерѣдко случалось, что, вступая такимъ образомъ, въ дѣло, послѣдовательно, одна рота за другою, онѣ были разстроены и уничтожаемы

[14] Fain показываетъ 90 тысячь.

при самомъ началѣ [15]. Снабженіе дѣйствовавшихъ батарей своевременно снарядами было также неудовлетворительно: вотъ послѣдствіе ранней потери графа Кутайсова и продолжительной неизвѣстности объ ней. Тѣмъ болѣе чести для арміи, устоявшей противъ такого преимущества. Эта стойкость вырвала у Наполеона невольную похвалу, въ Бородинскомъ бюллетенѣ имъ выраженную: Les Russes n'osaient pas avancer, ne voulaient pas reculer et mouraient sur place [16]. Не имѣю подъ рукою бюллетеня; вы можете сами повѣрить, не ошибся ли я.

Я только что заснулъ, сидя у плетня, на дворѣ квартиры Ермолова, какъ услышалъ сквозь сонъ, что меня зовутъ. Я засталъ его печальнаго: онъ пожалѣлъ, что не можетъ мнѣ оста-

---

[15] Въ то время артиллерія считалась поротно, и каждая баттарея называлась въ тоже время и ротою. *Изд.*

[16] Русскіе не дерзали двинуться впередъ, не хотѣли податься назадъ и умирали на мѣстѣ.

вить ни минуты отдыха, что рѣшено отступленіе и что мнѣ надобно поспѣшно ѣхать съ этимъ приказаніемъ въ Горки къ Барклаю-де-Толли. Весь мой сонъ прошелъ отъ этой горестной вѣсти: всѣ были увѣрены, если не совсѣмъ въ побѣдѣ, то въ томъ, что заслужили ее.

Не легко было доѣхать до Горокъ. Темнота, разбросанныя тѣла, толпы раненыхъ, ящики артиллерійскіе и повозки за снарядами или съ ними шедшіе, ямы на изрытомъ полѣ, безпрестанно задерживали меня. Въ Горкахъ я нашелъ глубокое безмолвіе. Отыскавъ крестьянскій домъ, въ которомъ стоялъ Барклай-де-Толли, я насилу добился свѣчи и вошелъ въ избу, гдѣ онъ спалъ. Онъ лежалъ на полу въ глубокомъ снѣ, и кругомъ его спали адъютанты. Когда я разбудилъ его тихонько и, подавая записку, объявилъ, съ чѣмъ я пріѣхалъ, онъ вскочилъ на ноги, и въ первый разъ въ жизни я услышалъ изъ его устъ, всегда умѣренныхъ и кроткихъ, самыя жестокія выраженія противъ Бенингсена, котораго, не знаю почему,

онъ почиталъ главнымъ виновникомъ рѣшеннаго отступленія.

Прежде чѣмъ оставимъ Бородинское поле, еще одно слово объ немъ. Слабѣйшая часть нашей позиціи былъ лѣвый флангъ; но всего для насъ опаснѣе была старая Смоленская дорога, занятая правда, но недостаточно, корпусомъ Тучкова и ведшая въ тылъ нашей арміи. Наполеонъ, искавшій нетерпѣливо генеральнаго сраженія, могъ быть сначала удержанъ отъ рѣшительнаго по этому направленію движенія, опасеніемъ, чтобы наша армія не отступила; но утромъ 26-го числа, удостовѣрившись въ твердой съ нашей стороны рѣшимости принять сраженіе, не понимаю почему, маскировавъ ложными аттаками настоящую, онъ не налегъ всѣми силами на Тучкова, а отдѣлилъ противъ него одного Понятовскаго, не поддержавъ его первоначальныхъ успѣховъ. Если и можно привести противъ этаго замѣчанія доводы, въ правилахъ военнаго искусства почерпнутые, то болѣе, по моему мнѣнію, надобно искать причины тому въ тайнахъ нравственныхъ.

Увѣренный въ своемъ превосходствѣ численномъ, Наполеонъ вѣроятно полагалъ свою армію и въ нравственномъ отношеніи гораздо выше насъ, и потому пренебреженіе къ указаніямъ науки, ему болѣе всѣхъ знакомой, считалъ иногда новымъ средствомъ рѣшительнаго успѣха. Это называлъ онъ стать выше правилъ, и почти всѣ послѣднія его сраженія имѣли этотъ характеръ. Ему надобно было не побѣдить, а уничтожить Русскую армію, и прямыя аттаки вѣрнѣе могли, казалось ему, вести къ этой цѣли.

Сколько живо и ясно предъ памятью моею предсталъ Бородинскій день, столько же смѣшанно, туманно, какъ томительный сонъ, припоминаю себѣ первые дни отступленія. Безконечный рядъ повозокъ заваленныхъ ранеными, огромная нить артиллеріи, вышедшей изъ соразмѣрности съ остатками арміи, отдѣльные люди разныхъ воротниковъ, отыскивавшіе свои полки, какое-то общее уныніе послѣ обманутыхъ надеждъ, оглушеніе послѣ такого громоваго дня, отупѣніе послѣ такихъ потрясающихъ и торжествен-

ныхъ ощущеній, все это вмѣстѣ навело на меня какое-то онѣмѣніе всѣхъ чувствъ, почти безсмысленность.

Не завидна въ подобные дни судьба главнокомандующаго, къ тому же обязаннаго скрывать подъ личиною безстрастія все, въ душѣ его происходящее! Кутузовъ, между Бородинымъ и Москвою, долженъ былъ выстрадать вѣка цѣлые.

1-е Сентября главная квартира была въ Филяхъ, армія на позиціи на Поклонной горѣ, надъ Москвою. На разныхъ точкахъ позиціи производились работы для ея укрѣпленія. Ермоловъ, съ иностранцемъ Кроссаромъ, посланный Кутузовымъ для подробнаго ея осмотра, взялъ меня съ собою. Позиція никуда не годилась. Мы навѣрное были бы не только разбиты, но, по чрезвычайной трудности путей отступленія и по глубокимъ оврагамъ раздѣлявшимъ корпуса, не избѣжали бы истребленія. На военномъ совѣтѣ, а главное въ мысли Кутузова, рѣшено было принести для спасенія Россіи новую, великую жертву—отдать Москву. Растопчинъ рѣшилъ въ душѣ сво-

ей отдать одинъ пепелъ ея. Говорю это по убѣжденію, а не по догадкамъ. Вопросъ о томъ, кто зажегъ Москву страннымъ образомъ затемненъ сперва самимъ Растопчинымъ (котораго брошюра, напечатанная имъ позже въ Парижѣ, принята за отреченіе имъ отъ своего подвига), а потомъ въ описаніи Данилевскаго въ сомнѣніи оставленъ. Вотъ что я самъ видѣлъ и слышалъ. Я ходилъ съ Ермоловымъ вдвоемъ, когда рѣшено было отступленіе. Графъ Ростопчинъ, пріѣхавшій для узнанія о судьбѣ Москвы, подошелъ къ Ермолову, а я отошелъ изъ приличія и продолжалъ ходить въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ. Разговоръ былъ живой, голосà возвышались и, наконецъ Растопчинъ, наклонясь къ уху Ермолова, сказалъ одноко вслухъ: Если вы Москву оставите, она запылаетъ за вами. Выраженія, быть можетъ, не совершенно тѣ самыя, но сущность ихъ, предвѣщаніе пожара Москвы, была высказана.

Не бывавъ до того никогда въ Москвѣ, разстилавшейся на необозримомъ пространствѣ предъ глазами, я возы-

мѣлъ неодолимое желаніе взглянуть на прекрасную передъ концемъ ея. Я въѣхалъ въ нее верхомъ съ Петромъ Николаевичемъ Ермоловымъ чрезъ Дорогомиловскій мостъ. Улицы ея были уже пусты, безчисленные колокола безмолвны; кое-гдѣ въ окнахъ, па балконахъ, показывались любопытствующіе взглянуть на проѣзжія лица нерусскаго облика; мало по малу грусть тяжкая, свинцовая такъ тяжело налегла мнѣ на душу, что я почти ничего уже не видѣлъ или видѣлъ безсознательно, куда-то заѣзжалъ, вслѣдъ за товарищемъ, кажется, въ его домъ, какими улицами, какъ и когда воротился въ лагерь, ничего не помнилъ и теперь не вспомню.

2-го Сентября наступилъ для Москвы въ продолженіе вѣковъ и для Кутузова на предѣлахъ жизни, самый страшный ихъ день. Кутузовъ оставлялъ Москву на жертву ослѣпленному завоевателю, на его гибель, и самъ въ слѣпотѣ человѣчества, въ глубокой горести, не видѣлъ парящаго надъ собою генія Россіи, съ вѣнкомъ безсмертія за подвигъ великой рѣши-

мости, Конечно легче было. уступая общему порыву, дать подъ Москвой сраженіе и погибнуть съ нею вмѣстѣ. И тутъ была слава!

Когда глядишь на это міровое событіе съ высоты протекшихъ послѣ того лѣтъ, сколько представляется думъ, указующихъ на Промыслъ Божій, непреложный въ своихъ вѣчныхъ законахъ, начертанныхъ отъ вѣка для народовъ и отдѣльныхъ лицъ, въ чертѣ свободы дѣйствій своихъ, болѣе или менѣе постигающихъ глубокій и неумолимый ихъ смыслъ. Какъ остороженъ и смиренъ долженъ быть человѣкъ въ радости и печали! Кто знаетъ, кто разберетъ, что̀ обѣщаютъ та и другая?

Когда Наполеонъ на восклицанія своихъ передовыхъ: Москва! Москва! вскакалъ на гребень Поклонной горы, и очарованному взгляду его представилась она въ панорамѣ необъятной, блистая золотомъ своихъ безчисленныхъ куполовъ, колоколенъ, башенъ и дворцовъ, духъ гордыни безъ сомнѣнія долженъ былъ ему шепнуть: Кто мнѣ равенъ теперь? Кто противуста-

нетъ мнѣ? И въ самое это мгновеніе нога его невидимо стала на первую ступень той крутой лѣстницы, съ которой онъ такъ быстро, неудержимо, долженъ былъ обрушиться сперва на скалы Эльбы, а потомъ на одинокій утесъ св. Елены при громѣ распадавшейся Имперіи имъ воздвигнутой, въ удивленіе и урокъ вѣкамъ грядущимъ!

При выходѣ изъ Москвы, я остановился у Коломенской заставы; войска и обозы, пѣшіе всякихъ званій тянулись мимо, уходя за арміей. Наконецъ толпы стали рѣдѣть; потомъ дорога опустѣла. Сколько времени я простоялъ, бросивъ повода на шею лошади, какія мысли, какія ощущенія смѣнялись и смѣшивались одни съ другими, не могу сказать. Но если бы могли онѣ остаться на всегда присутственны, на всемъ пути жизни, то не только дурной или двусмысленный поступокъ, но даже помышленіе были бы невозможны.

Непріятнымъ образомъ былъ я пробужденъ отъ этихъ грезъ на яву голосомъ Фигнера, незамѣтно ко мнѣ

подъѣхавшаго. Въ бурныя времена, каковы были въ нашей молодости, души обнажаются смѣлѣе, болѣе чѣмъ въ другія, спокойныя. Я не любилъ этого человѣка: въ немъ было что-то демонское. Онъ напротивъ привязывался къ мнѣ. „Я не переживу Москвы“, сказалъ онъ, „я возвращусь въ нее и убью Наполеона. Радуюсь, что тебя встрѣтилъ. Скажи это А. П. Ермолову и что судьбу моего семейства поручаю его предстательству.“ Не отвѣчая ни слова ему, я поворотилъ лошадь и оставилъ его у заставы. У Панковъ догналъ я армію и отыскалъ квартиру Ермолова, но подъ крышей не могъ остаться. Вышедши на дорогу, я не сводилъ глазъ съ Москвы; только тринадцать верстъ раздѣляли насъ отъ нея. День склонялся къ вечеру, когда первый клубъ дыму поднялся внезапно надъ нею. Нѣсколько другихъ послѣдовали одни за другими. Это были пороховые взрывы, неслышные для насъ, но возвѣстившіе начало истребленія Москвы. Будто прикованный къ одному мѣсту, до наступившей ночи слѣдилъ я за успѣхами по-

жара; зарево отъ него загорѣлось на ночномъ небѣ. Потомство не забудетъ этого завѣщанія нашего поколѣнія, какъ должно принимать зашедшаго въ нашу любимую столицу ослѣпленнаго Провидѣніемъ врага. На дорогѣ отъ Москвы показался передо мною конный офицеръ. Всмотрѣвшись въ него, я узналъ Фигнера. Молча я отвернулся отъ него и ушелъ. Этотъ человѣкъ, по примѣчательнымъ своимъ дарованіямъ и злодѣйствамъ, заслуживаетъ и вниманія и омерзѣнія. Хитрый до коварства, неустрашимый, вкрадчивый, умный, онъ скоро сдѣлался партизаномъ замѣчательнымъ и въ слѣдующемъ году кончилъ свою страшную жизнь въ волнахъ Эльбы отъ непріятельской пули. Его лучшею и частою забавою было, внушивъ ласковымъ разговоромъ съ плѣнными офицерами веселость и довѣріе къ себѣ, убивать ихъ неожиданно изъ пистолета и смотрѣть на предсмертныя ихъ мученія. Это дѣлалось вдали отъ арміи, куда доходили о томъ только темные слухи, которымъ не вѣрили или забывали въ шумѣ военномъ. Это

былъ скорѣе разбойничій атаманъ, чѣмъ партизанъ благоустроенной арміи.

4-го Сентября армія прошла по Рязанской дорогѣ до Боровскаго перевоза и переправилась за Москву-рѣку.

5-го совершенъ переходъ до Подольска на Тульской дорогѣ, и вечеръ этого дня освѣтился кровавымъ заревомъ охваченной общимъ пожаромъ Москвы.

6-го армія перешла на старую Калужскую дорогу и стала при Красной Пахрѣ. Отсюда Дороховъ съ отрядомъ, отправленный на Можайскую дорогу (главный путь сообщенія непріятеля) захватилъ много плѣнныхъ; фуражиры нашей главной арміи также захватили много Французовъ на грабежѣ, не ожидавшихъ насъ съ этой стороны. Плоды этаго хорошо обдуманнаго, искуснаго и безпрепятственно исполненнаго движенія съ каждымъ днемъ стали обнаруживаться: 15-го наша армія отошла еще за переходъ до Мочи и закрылась рѣкою того же названія. Арріергардомъ на-

чальствовалъ Михаилъ Андреевичъ Милорадовичь. По желанію его, Ермоловъ отпустилъ меня къ нему, и до самаго Калиша состоялъ я безотлучно при немъ.

Въ день моего пріѣзда мы имѣли жаркое арріергардное дѣло съ Мюратомъ, подъ Чириковымъ, въ которомъ взятъ былъ начальникъ его штаба, генералъ Ферріе. Въ продолженіи сраженія, Милорадовичь повернулся ко мнѣ съ намѣреніемъ что-то приказать, какъ въ то же мгновеніе пролетѣло мимо его ядро такъ, что если бы онъ остался въ прежнемъ положеніи, то былъ бы непремѣнно имъ пораженъ. „Je vois que Vous me portez bonheur[17], было его первое ко мнѣ слово. Пріязнь и довѣренность его съ этой минуты меня не оставляли. Онъ отправилъ меня съ донесеніемъ къ Кутузову о счастливомъ дѣлѣ. Я засталъ его въ крестьянской избѣ въ Мочѣ съ Бенингсеномъ. Оба выслушали меня привѣтливо и ободрительно.

Мы продолжали отступленіе къ Тарутину, въ порядкѣ и отражая Мю-

---

[17] Вижу, что вы мнѣ приносите счастіе.

рата. 22-го Сентября, подошедши къ Винкову, въ виду Тарутинской позиціи, надобно было вовсе оставить преслѣдованіе, и здѣсь загорѣлось дѣло, въ которомъ всѣ усилія Мюрата сдѣлать еще шагъ впередъ были побѣдительно уничтожены. Въ этотъ день я получилъ лестнѣйшія доказательства полной ко мнѣ довѣренности Милорадовича и молчаливое приказаніе дѣйствовать по волѣ его именемъ, гдѣ его самого не было. Благородный и признательный, онъ взялъ меня съ собою и привезъ къ Кутузову въ Леташевку; старикъ привѣтливо пригласилъ меня къ своему обѣду, въ числѣ пяти или шести его приближенныхъ, и почтилъ меня своей обворожительной лаской. Для поручика, въ тогдашнее время, это было большое отличіе, только въ послѣдствіи однако мною оцѣненное.

Здѣсь былъ переломъ войны. Всѣ успѣхи, слѣдствіе первоначальнаго преимущества непріятеля надъ нами, были имъ пріобрѣтены, но съ тѣмъ вмѣстѣ и истощены. Съ нашей сто-

роны, всѣ неизбѣжныя жертвы были принесены; грозное и твердое отступленіе, безсмертными битвами ознаменованное, возвысило духъ арміи; новыя подкрѣпленія спѣшили къ ней, отовсюду подвозы всякаго рода водворяли и поддерживали изобиліе, даже самую роскошь, въ лагерѣ, доставившемъ давно желанный и надежный отдыхъ войскамъ. Тлѣвшая уже народная война вспыхнула и объяла истребительнымъ своимъ малымъ огнемъ Французскую армію. Партизаны начали свое дѣло. Каждый день стоилъ Французамъ не менѣе трехъ сотъ человѣкъ при фуражировкахъ, съ каждымъ днемъ болѣе трудныхъ и убійственныхъ. Цѣль предъ Наполеономъ убѣгала недостижимая. Миръ — было слово для насъ забытое и непроизносимое, непоколебима надежда на твердость Александра. Русскій Октябрь тѣшилъ и обманывалъ лучшими своими днями сыновъ Запада и Юга Европы, въ сердце раздраженной и поднявшейся Россіи проникшихъ. Попытки вступить съ Кутузовымъ въ переговоры обращены въ новую для врага сѣть хи-

трымъ полководцемъ-дипломатомъ, котораго, по слову Суворова, и Рибасъ не обманулъ бы.

Между тѣмъ отъ козачьихъ разъѣздовъ получены были свѣдѣнія, что Французскій авангардъ стоитъ оплошно, забывъ обычныя мѣры осторожности вблизи непріятеля. Рекогносцировки удостовѣрили въ справедливости этихъ донесеній. Бенингсенъ предложилъ сдѣлать на непріятеля внезапное нападеніе. Кутузовъ, сперва колебавшись, наконецъ далъ свое согласіе, и приказанія разосланы были войскамъ выступить съ вечера 4-го, для нападенія на разсвѣтѣ 5-го Октября. Бенингсену поручено было привести въ исполненіе аттаку; армія не выступила однако въ назначенное время, и Кутузовъ, пріѣхавъ изъ Леташевки въ лагерь къ назначенному часу выступленія, засталъ войска на мѣстѣ, спокойно на бивакахъ. Приказанія изъ главной квартиры не были еще получены. Нападеніе отложено до слѣдующаго дня. Странно это обстоятельство, но не одно оно указывало уже на присутствіе новыхъ страстей и побужде-

ній, недостойныхъ святости Отечественной войны. Планъ аттаки былъ простъ, ясенъ и, при точномъ и усердномъ исполненіи, совершенное пораженіе Мюрата несомнѣнно. Начало было блистательно. Аттака графа Орлова-Денисова на лагерь произвела въ немъ безпорядокъ и тревогу невыразимые: 35-ть орудій достались намъ съ первыхъ минутъ. Лѣвый флангъ непріятеля былъ обойденъ, даже съ тылу были наши козаки. Всѣ остальныя дѣйствія, которыми этотъ важный успѣхъ должно было поддержать и сдѣлать рѣшительнымъ, были исполнены или безъ связи, или непонятнымъ образомъ вовсе остановлены. Смерть достойнаго Багговута, въ началѣ дѣла ядромъ убитаго, конечно была одною изъ причинъ къ тому; но еще до его прибытія съ корпусомъ, слѣдованіе его было замедлено повелѣніями, одно другому противорѣчившими. Такъ шло все остальное. Милорадовичъ, составлявшій нашъ лѣвый флангъ, былъ назначенъ наступленіемъ съ фронта удерживать Мюрата на мѣстѣ, покуда обходные наши корпуса окончатъ свое движеніе.

Многочисленная конница его, подъ начальствомъ Ларіона Васильевича Васильчикова, пошла на рысяхъ на лагерь, прогнавъ и отчасти захвативъ передовую цѣпь. Пѣхота спѣшила сзади. Въ эту минуту Милорадовичъ былъ отозванъ къ Кутузову, и все остановлено было отсутствіемъ начальника. Этимъ движеніемъ была однако отрѣзана колонна Польской пѣхоты, спѣшившей по большой дорогѣ, позади нашей конницы, по открытому мѣсту, достигнуть лѣса на берегу Нары. Не видя ниоткуда никакихъ приготовленій къ аттакѣ этой колонны, я подъѣхалъ къ Васильчикову и сообщилъ ему это, какъ я полагалъ, незамѣченное имъ обстоятельство. „Il paraît que tout le monde commande ici,“ отвѣчалъ онъ мнѣ съ пренебреженіемъ. „Il paraît au contraire que personne ne commande ici [18],“ возразилъ я ему и, поворотивъ лошадь, поскакалъ къ Польской колоннѣ. Она продолжала

---

[18] Кажется, что здѣсь всѣ начальствуютъ.— Напротивъ, кажется, что здѣсь никто не начальствуетъ.

идти поспѣшно, но въ порядкѣ, далеко впереди нашей пѣхоты, но все еще сзади нашей кавалеріи, преслѣдуемая картечью Донской конной артиллеріи, нанесшей ей вредъ, но недостаточный для ея истребленія. Счастливо дошедши не атакованная до лѣсу, она разсыпалась въ немъ. Возвратившись къ пѣхотѣ, я нашелъ ее на мѣстѣ, безъ главнаго начальника и безъ приказаній. Скоро подъѣхалъ Бенингсенъ съ выраженіемъ гнѣва и горести на лицѣ и сказалъ вслухъ: „J'espérai au moins que le brave Miloradowitsh aurait rempli la tâche[19].“ Видя, что никто не отвѣчаетъ, я подъѣхалъ къ нему и сказалъ: Il n'y a pas le moindre doute qu'il l'aurait fait, comme il en a toujours l'habitude; mais il est rappelé, et les troupes restent sans chef et sans ordres[20]. Бенингсенъ

[19] Я надѣялся по крайней мѣрѣ, что храбрый Милорадовичъ исполнитъ задачу.

[20] Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что онъ исполнилъ бы ее, по своему всегдашнему обычаю; но онъ отозванъ, и войска остаются безъ начальника и безъ приказаній.

выслушалъ меня съ изумленіемъ и, ничего не отвѣчая, взглянулъ только на небо. Если прибавить ко всему этому все то что̀ дошло до меня по одному слуху, какимъ образомъ принимались въ главной квартирѣ въ эти минуты донесенія о взятыхъ трофеяхъ, объ одержанныхъ успѣхахъ, то трудно заглушить сомнѣніе, что по настоятельному только убѣжденію Бенингсена вынужденное согласіе на планъ нападенія и ему же предоставленное исполненіе, не нашли полнаго и искренняго содѣйствія, слѣдствіемъ котораго было бы совершенное истребленіе Французскаго авангарда. Мюратъ отступилъ сначала съ большою потерею и въ безпорядкѣ (la déroute du matin, какъ говорили Французы); но, не довольно сильно и далеко преслѣдуемый, онъ остановился въ семи верстахъ. Даже Данилевскій неположительно одобряетъ происшествія дня, хотя упоминаетъ въ оправданіе о донесеніи Кудашева, извѣщавшаго о перехваченномъ предписаніи Бертье какому-то генералу отправить тяжести на Можайскую дорогу. Будто это мѣшало уничтожить

одну изъ значительныхъ частей Французской арміи, съ совершенною увѣренностію полнаго успѣха? Богъ судья въ этомъ дѣлѣ!

Кутузовъ былъ нестрогъ въ выборѣ своихъ приближенныхъ и въ слабую минуту могъ, какъ всякій человѣкъ, подвергнуться вредному ихъ вліянію.

Бенингсенъ, недовольный, оставилъ армію.

Въ числѣ убитыхъ въ этомъ сраженіи былъ Французскій генералъ Дери, котораго приняли за Понятовскаго и такъ донесли Кутузову. Чтобы удостовѣриться въ этомъ, онъ отправилъ, какъ знакомаго Понятовскому, графа NN осмотрѣть тѣло и приказать вынесть. Графъ скоро возвратился и донесъ Кутузову пофранцузски: Qu'il n'a pas pu arriver jusqu'à l'endroit où gisait le corps, parceque les balles sifflaient encore prodigieusement[21]. Едва онъ это выговорилъ, какъ Кутузовъ съ ласковымъ лицомъ остановился передъ

[21] Что онъ не могъ доѣхать до мѣста, гдѣ лежало тѣло, потому что пули еще страшно свистѣли.

нимъ: Eh pardon, cher comte, à quoi ai-je songé d'exposer une tête aussi précieuse aux balles! Mille fois pardon, comte. Vous dites que les balles sifflaient, n'est-ce-pas? Combien je vous suis reconnaissant de ne vous y être pas exposé![22]. — Графъ, понявшій всю важность своей ошибки, просился опять поѣхать. Oh non, cher comte, comment donc me hazarder de vous y exposer encore? Jamais[23]. И лукавый старикъ, прохаживаясь взадъ и впередъ, останавливался передъ нимъ и продолжалъ свою жестокую, но заслуженную шутку.

Пораженіе Мюрата разрушило всѣ мечты, прекратило всѣ недоумѣнія медлившаго въ Кремлевскихъ стѣнахъ Наполеона. Какъ бы въ отмщеніе имъ за тайныя свои страданія, за столько

---

[22] Ахъ, простите, любезный графъ. Какъ же могъ я подвергать пулямъ столь дорогую голову! Простите меня графъ. Вы говорите, что пули свистѣли. Не такъ ли? Какъ я вамъ благодаренъ, что вы туда не поѣхали!

[23] Ахъ, нѣтъ, любезный графъ. Какъ я смѣю еще разъ подвергать васъ опасности? Ни за что!

обманутыхъ надеждъ въ продолженіе своего въ нихъ пребыванія, онъ приказалъ подорвать ихъ — безсильное мщеніе, омрачившее еще однимъ пятномъ грозную драмму великой его жизни!

7-го Октября армія Французская оставила Москву и устремилась на Калугу, въ надеждѣ обойти слѣва нашъ Тарутинскій лагерь и успѣть прежде насъ занять ее. Но Кутузовъ, вò-время извѣщенный, благодаря въ особенности безстрашному Сеславину, оставилъ 11-го Октября свой навсегда знаменитый лагерь при Тарутинѣ и 12-го пришелъ съ арміею къ Малоярославцу, гдѣ уже съ разсвѣта кипѣлъ кровавый бой у Дохтурова съ вице-королемъ Итальянскимъ. Этимъ уничтожено послѣднее покушеніе Наполеона приготовить себѣ отступленіе путемъ, отъ войны еще не потерпѣвшимъ. Геній Россіи строгимъ, неумолимымъ перстомъ указалъ ему на опустошенные, собственные слѣды его нашествія, гдѣ голодъ и отчаяніе ожидали его разстроенныя полчища; а зима, Русская зима, готовилась сковать морозами и саваномъ снѣговъ окутать ихъ.

Съ новымъ ожесточеніемъ полилась кровь на улицахъ и въ домахъ Малоярославца, тѣмъ жесточѣе, что весь бой сосредоточенъ былъ на одной точкѣ необозримаго пространства обоихъ береговъ рѣки Лужи, болѣе и болѣе чернѣвшихъ отъ подходившихъ съ обѣихъ сторонъ армій. Кажется, что здѣсь для Наполеона сраженіе не имѣло уже никакихъ цѣлей, и онъ слѣдовалъ только одному увлеченію упорства и отчаянія. Съ той минуты что̀ у Малоярославца показались сперва значительныя силы и потомъ вся Русская армія, движеніе которой было совершенно видно Французамъ, ясно было, что планъ достигнуть Калуги разрушенъ, и занятіе Малоярославца безполезно, особливо цѣною такого страшнаго пролитія крови. Между тѣмъ какъ Наполеонъ употреблялъ новыя усилія, безцѣльныя, безнадежныя, вѣроятно душевныя тревоги только въ немъ заглушавшія и умомъ неоправдываемыя,—Кутузовъ, исполнивъ свой долгъ главнокомандующаго, поставивъ быстрымъ и искуснымъ переходомъ армію свою передъ нимъ какъ щитъ твердый, непроницаемый, самъ

подъ шумомъ гремѣвшаго боя, почти подъ ядрами, спокойно заснулъ на буркѣ, подъ открытымъ небомъ. Я видѣлъ его, пріѣхавъ къ нему отъ Милорадовича за приказаніемъ, вмѣстѣ съ другими, почтительно ожидавшими его пробужденія. Старость взяла свое неодолимое право. Ему шелъ тяжкій 70-тый годъ. Сдѣлавъ свое главное дѣло, онъ смѣло могъ въ остальномъ положиться на своихъ сотрудниковъ. Эта сцена осталась у меня въ свѣжей памяти, никѣмъ не описанная.

Недѣли прошли послѣ написанныхъ выше строкъ, и всякій разъ, когда я хотѣлъ приняться за эту книгу, что-то отталкивало меня невольно отъ нея. Главныя тому причины, мною открытыя, состояли: первая въ томъ, что я мало-по-малу увлекся въ описаніе общихъ дѣйствій главной арміи, вовсе въ мои виды не входящее; для этого нужно было бы пребываніе не въ деревнѣ и матеріалы, какими пользовался Данилевскій, оффиціальные и частные, не говоря уже о дарованіи для составленія изъ нихъ памятника, великаго года достойнаго. Затѣмъ оставалось ограничиться описаніемъ того, чему я

былъ личный свидѣтель и гдѣ самъ участвовалъ, но здѣсь-то и нашелъ я вторую сильнѣйшую причину отвращенія, теперь еще не побѣжденнаго, которое вѣроятно остановитъ меня вовсе отъ продолженія этихъ Записокъ. Говорить о себѣ, вообще, дѣло щекотливое, даже предъ своими дѣтьми. Легче разсказывать о своихъ поступкахъ, осужденія заслуживающихъ, въ урокъ для нихъ, нежели описывать тѣ, которые считались похвальными. Но тогда истины полной въ цѣломъ не будетъ. Знаю хитрыя уловки, которыми самолюбіе, будто умаляя, выставляетъ еще болѣе на показъ то, чтò льститъ ему, но именно потому, что знаю, не довѣряю себѣ. Истина чистая, какъ ее разумѣю—цѣль моя. Она-то и щекотлива въ автобіографіи. Впрочемъ посмотримъ. Я пишу фамильный портретъ, не для дворцовой галлереи. Къ стати объ ней. Сколько ничтожныхъ рамъ тѣснитъ тамъ немногихъ, по справедливости достойныхъ перейти къ уваженію благодарнаго потомства! Глаза разбѣгаются, покуда отыщешь и остановишься на истинныхъ герояхъ этой народной эпопеи!
